Ц 60/657

576.

U 60/657

2022027356
И 60/657
ф5

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
ф 10995-43.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

I.

Уже самый первый историческій актъ—географическое распространеніе и земско-хозяйственное устройство допетровской Руси объясняетъ его медленное умственное движеніе и развитіе. Вѣковое напряженіе физическихъ силъ народа въ колоссальныхъ завоеваніяхъ земель на востокѣ и западѣ (отъ 18,000 до 392,000 кв. м.), въ тысячелѣтнемъ распространеніи колонизаціи и агрикультуры среди лѣсовъ и болотъ, въ борьбѣ съ финскими и турко-монгольскими племенами, въ пассивной борьбѣ съ суровой сѣверной природой, въ войнахъ съ западомъ, Польшей и Турціей,—все это богатырское напряженіе физическихъ силъ народа, естественно оставляло мало мѣста для развитія, умственныхъ силъ. Къ научнымъ, умственнымъ занятіямъ, и особенно къ такимъ, которыя требовали естествознанія, русскіе люди обнаруживали не только холодность, но и недовѣріе: они не знали ни земли, ни воды своей, и не хотѣли учиться (*). Отсутствіе умственныхъ интересовъ въ русскомъ народѣ и обществѣ поражало западныхъ путешествен-

*) Петрей (in chronic. moscovitic. p. 311).

никовъ по Россіи *). По причинѣ такой умственной неразвитости, вслѣдствіе отсутствія естественно-научной, реально-познавательной дѣятельности, умственныхъ интересовъ и занятій, духа изслѣдованія и пытливости,—въ народѣ естественно, преобладали одни мускулярныя силы и занятія **), одно воображеніе. Отъ неразвитости умственно-индустріальной изобрѣтательности проистекло преобладаніе въ древней Россіи

*) Олеарій говоритъ: „Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ, тѣмъ менѣе съ охотою занимаются ими... Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію... Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что-либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ»; и проч. (Путеш. Олеарія, въ Архивѣ Калачева за 1859 г. кн. 3, стр. 25—36).

**) Былины о размашистыхъ подвигахъ богатырей—вполнѣ выразили господствующее развитіе мускулярныхъ силъ въ древней Россіи. Силами не только боролись, но и гордились. Есть особыя легенды о силѣ. (См. Исторію русской. Словесности—Шевырева Т. I. Сборникъ народныхъ стиховъ—*Кирши Данилова*. Сборникъ—Рыбушкина и друг.). Для усиленія развитія силы и вообще тѣлесной крѣпости и полноты въ старину употребляли и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ разныя травы, напримѣръ, девясиль обыкновенный (Pulicaria vulgaris), сушеницу топянистую (Gnafalium uliginorum), и др. (См. Матер. для статист. и географ. Воронеж. Губ. стр. 85). И дѣйствительно, западные путешественники единогласно отзывались о русскихъ, какъ о сильныхъ мускулистыхъ людяхъ. Петрей говоритъ: «Русскіе всѣ вообще люди рослые, сильные, дюжіе, тучные...“ (Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moskau, S. 583. 593). Олеарій: «всѣ мужчины вообще высоки ростомъ, полны и крѣпкаго сложенія... Русскіе—народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ и жаръ». (Архивъ 1859 г. кн. 3, сочин. Олеарія стр. 20, 25, 45, 55). Мускулярныя силы упражнялись и развивались въ палочныхъ и кулачныхъ бояхъ. Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрныя битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились неистово и жестоко.. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. Сверхъ того, молодые люди боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки, и проч. (См. Костомарова, Очеркъ нравовъ великор. нар. стр. 141—142. Олеарія, Архивъ стр. 40. А. А. Э. Т. III, № 264). О господствѣ силы въ древней Россіи свидѣтельствуетъ также обычай *биться въ полѣ* изъ за земли и проч. См. правыя грамоты въ актахъ юридическихъ. Вообще, среднія вѣка, когда господствовало право сильнаго, главнымъ образомъ характеризуются полнѣйшимъ господствомъ и разгуломъ грубыхъ физическихъ, мускулярныхъ силъ.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В. перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ описка и порядковый	194 г.
14						D	1294	

Зак. 7. Тир. 100 тс.

такъ называемыхъ *вытныхъ*, хлѣбныхъ промысловъ и сильное развитіе системы кормленія *) Отсюда, при легкости прокормленія хлѣбопашествомъ, при обиліи земли хлѣбородной, естествено произошла преобладающая въ древней Россіи—хлѣбопахатная или земледѣльческая колонизація **). Преимущественное развитіе и значеніе мускулярной силы, обусловило способность къ военнымъ занятіямъ и промыслы—«полонъ», «добычу», «грабежъ», а потомъ службу *своей силой* за кормъ за хлѣбное и денежное жалованье, за жалованныя земли ***). Отсюда

---

*) Отсюда самая поземельная мѣра выражала представленіе о желудкѣ или насыщеніи человѣка и называлась *вытью*, т. е. такимъ участкомъ земли, съ котораго могло быть сытымъ семейство. (Сошное письмо, во XVII кн. Временника. Неволина, о Пятин. и погостахъ Новгород. Прилож. V). Количествомъ вытей гордились и измѣряли богатство и знатность. Въ словѣ о правдѣ, приписываемомъ извѣстн. протоп. Стефану Вонифантьеву, хлѣбъ называется „главизною всѣхъ промысловъ“ (Обзоръ дух. писателей—Филарета подъ словомъ: Стефанъ Вонифантьевъ). Въ одномъ муромскомъ сказаніи также сказано: «главизна всѣмъ—поля хлѣбородныя» (См. во Владим. Сборн. въ статьѣ о Муромѣ). По народному міросозерцанію, хлѣбопашество—богоопредѣленный источникъ пропитанія, богатства, основанія скотоводства, торговли и всякаго добра.

**) О которой и будетъ дальше сказано подробно.

***) Упражненіе мускулярныхъ силъ въ палочныхъ и кулачныхъ бояхъ пріучало къ войнѣ, развивало неустрашимый и храбрый воинственный духъ. (Костомарова, Очеркъ нравовъ великорусскаго народа, стр. 141 — 142). Чтобы наиболѣе развивалась мускулярная сила, русскіе съ 14-ти лѣтъ учились военнымъ занятіямъ и, кромѣ того, ѣли сырое мясо разныхъ звѣрей, оленину съ саломъ дикихъ звѣрей и проч. Вунделеръ (Reisen nach Dänemark, Russland und Schweden 1589 и 1590, во Frankfurt Archiv, für ältere deutsch. Literatur, u Geschichte, herausgegeb. von J. C. von Fikhardt. Frankf. 1812. Th. I. S. 163 — 235) на стр. 211 говоритъ: „Такъ-какъ великіе князья ежегодно нуждаются въ большомъ количествѣ военныхъ людей, то чрезъ каждые три года, всѣ дѣти боярскіе, какъ только достигнутъ 14-ти лѣтъ, записываются въ службу и требуются на войну... Самая обыкновенная ихъ пища въ полѣ: олень (Hirsch, Hirse), приготовленный съ саломъ дикихъ звѣрей (mit Wildt-Thier-Schmalz gekocht), лукъ и чеснокъ, сухая рыба, сырое (wildt, roh) мясо многоразличныхъ звѣрей. Вообще здѣшніе жители очень терпѣливы и сносны (sie sind also leidtlich und können sich in alle Zeit schicken)“. Русскіе съ молоду пріучались къ разнымъ воинскимъ пріемамъ и обычаямъ, развивали особыя тѣлесныя способности. Наприм. Ст. Какашъ (1602 г.) говоритъ: „московитяне имѣютъ обычай, когда ѣдутъ въ путь (на войну), или стоятъ на посту, свистѣть губами безъ всякаго инструмента; посредствомъ памяти и долговременнаго упражненія съ юности, они пріобрѣтаютъ въ этомъ занятіи большое совершенство (Archiv für Geographie, Historie, Staats-und Kriegskunst. 1811. Путеш. Какаша въ №№ 11, 12, 27, 29, 37, 39, 40, 41). Изъ-за хлѣбнаго жалованья служили *своею силою*. Дополн. къ А. И. т. III, № 87 и

проистекала особая военно-служилая колонизація— стратегическая или острожная, стрѣлецкая и казачья, линейно-сторожевая, ландмилицкая и военно-поселенческая *).

мн. др. Первоначальною цѣлью или непремѣннымъ условіемъ всѣхъ древнерусскихъ войнъ, особенно до XII-го в., были — полонъ, грабежъ, добыча, а въ Сибири, въ XVII-мъ в., ясакъ. Въ старину, напримѣръ, чуть происходилъ разладъ между городами или княжествами, тотчасъ начинался грабежъ и полонъ (см. наприм. Соф. Врем. I,345): „ополчишася на грабежъ, учиниша ратніи вси волости пусты, села пожгоша, а города поимаша, а люди въ полонъ поведоша, а имѣнія разграбиша, а жита потравиша... Великаго Новгорода разбойницы 70 умкуевъ, съ воеводою Прокофомъ, пришедши взяти Кострому градъ разбоемъ, людей изсѣкоша, а иныхъ въ полонъ ведоша, и жены и дѣти ихъ, а товаръ пограбиша“, и проч. (Соф. I, стр. 348—350). Вообще, о каждой древне-русской войнѣ обыкновенно говорится: сожгли или разграбили села и города, полону, женъ и дѣтей, многое множество вывели, и все богатство ихъ взяли и т. п. (Никон. III, 123, IV, 16, 25 и мног. др.). „Русскіе, говоритъ Олеарій, весьма способны къ войнѣ и охотно идутъ на нее, такъ-какъ они ведутъ жизнь суровую .. Цѣль войны состоитъ въ грабежѣ, убійствѣ и желаніи обогатиться“. (Архивъ 1859. кн. III, стр. 45). О военныхъ промыслахъ служилыхъ людей въ пріискѣ ясачныхъ землицъ и людей въ Сибири, о грабежахъ ихъ см. Дополн. къ акт. историч т. III — VIII.

*) См. „О сторожевой, станичной и полевой службѣ, на польской или степной украйнѣ москов. государства“ — соч. Бѣляева, въ чтен. моск. общ. ист. 1845 — 1846. кн. IV. Въ актахъ XVI и особенно XVII в. весьма часто говорится, что такого-то лѣта и въ такомъ-то мѣстѣ (преимущественно въ понизовомъ, заволжскомъ краю), „Государь указалъ поставить городъ или острогъ и населить его стрѣльцами, пушкарями и защитниками. Въ Сибири, служилые люди, пріискивая немирныя ясачныя землицы, ставили и населяли города, остроги и зимовья. См. Дополн. къ акт. истор. т. III — VIII (наприм. т. VI, №№ 1, 5, 10, 21, 89, 118 и 130; т. VII, № 74; т. VIII, №№ 11, 101). Въ XVII в. повсюду около городовъ устроялись стрѣлецкія слободы. А. А. Э. т. IV, № 230. Владим. Сборн. стр. 78. Доп. къ А. И. III, № 16. Солдатами населяли деревни. Доп. къ А. И. т. III, № 64. Въ началѣ XVIII стол. драгунскими и пѣхотными полками населялись особыя слободы по дистриктамъ и при городахъ. (П. С. З. т. V, №№ 3,899, 3 901; т. VII, №№ 4,611, 5,017, стр 746: № 5,033, стр. 760; № 5,117, стр. 823). При Аннѣ Іоанновнѣ и въ послѣдующее время, казаками населяли особые казачьи города и слободы, на царицынской линіи. (П. С. З. т. VIII, №№ 5,923, 5,868, 6,007, 6,129 и друг.). Военной колонизаціей, въ XVIII в., проведена была также цѣпь крѣпостей, слободъ, станицъ и форпостовъ сначала по линіи закамской или черемшанской, потомъ по линіи яицкой: обѣ эти линіи заселялись казанами, пахатными солдатами, ланд-милицкими полками. (П. С. З. т. X, № 7,278. Лексик. Татищева ч. I, стр. 89, 149, 162 — 163, 200, 236; ч. III, стр. 78, 201, 212. Сочин. и перевод. 1759 г. ч. I, стр. 303, 304, 310— 312, 393.) Jonas Hanway, zuverlässige Beschreibung seiner Reisen von London durch Russland und Persien in den Jahren von 1742 bis 1750. B. I, c. 3. s. 10—11. Тутъ же и карта этой военной стратегической колонизаціи. (Рычковъ, описывая приго одки, крѣпости, редуты, населенныя стрѣльцами и

Результатомъ общей односторонности, обусловившей преобладаніе или исключительное развитіе только земледѣльческихъ, и военныхъ поселеній, былъ крайній недостатокъ въ древней Россіи высшихъ индустріальныхъ способностей и знаній, индустріальной интеллигенціи и изобрѣтательности и вслѣдствіе того, слабое развитіе индустріальныхъ народныхъ ассоціацій, мануфактурно-промышленныхъ, фабрично-заводскихъ и торгово-промышленныхъ поселеній. *). Общая несостоятельность въ области индустріальнаго мышленія, занятія и труда, проистекавшая отъ крайняго недостатка или отсутствія реальныхъ знаній, общій недостатокъ промышленной интеллигенціи и изобрѣтательности—только усиливали численное преобладаніе земледѣльческихъ поселеній, въ ущербъ индустріальнымъ, фабрично-заводскимъ,

---

солдатами, замѣчаетъ: „Намѣреніе сего поселенія, думаю, состояло въ томъ, чтобы среди иновѣрныхъ народовъ, сдѣлать россійскія поселенія, которыя бы могли примѣчать всѣ дѣйствія и движенія тогда еще новыхъ, а притомъ къ возмущенію склонныхъ народовъ. Стрѣльцы были на то весьма способны“, и проч. (Журн. или Дневн Зап. изд. 1770 г, I, стр. 10.). Наконецъ, извѣстны позднѣйшія военныя поселенія въ южномъ и югозападномъ краю и въ губерніяхъ: новгородской, витебской и могилевской, народонаселеніе которыхъ простиралось въ 1858 г. до 571,989 д. м. п. (См. Тургенева, La Russie et les Russes, т. II, въ концѣ).

*) Юрій Крыжаничъ (въ сочин. о Москов, Государствѣ въ царств. Ал. Мих. въ раздѣлѣ III, на стр. 42) говоритъ о земледѣльческой и вообще промышленной—*недомыслимости* русскаго народа: «первое, або нашего народа люди суть коснаго, медлительнаго, небыстраго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ непокажутъ. Второе: або у насъ нѣсть никаковыхъ книгъ объ тетаніи (земледѣліи) и объ иныхъ промыслахъ, какъ суть у иныхъ народовъ. Третіе: або наше людство есть лѣниво и непромысельно; и сами себѣ не хотятъ добра учинить, аще не будутъ нѣкакою силою принужены.“ Адм. Мордвиновъ (въ мнѣніи о росписи доходовъ и расходовъ на 1821 г.) говоритъ: „Науки не богатили еще всѣхъ сословій народа въ достаточной мѣрѣ тѣми знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и къ торговлѣ относятся и даютъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ совершенство“. (Чтен. Общ. Истор. 1859 г. Кн. I, Отд. V, стр. 7). Въ мнѣніи о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи онъ говоритъ: «Ничто не поощряетъ труда и дѣятельности и не раскрываетъ умственныхъ способностей поселянъ“. (Чтен. Общ. Истор. 1860 Кн. I, Отд. V, стр. 30). Въ Горномъ Журн. за 1826 г., кн. I, на стр. 152 тоже замѣчено объ умственномъ состояніи сельскаго народа, по случаю извѣстія о школѣ Сельскаго Хозяйства и Горнозаводскихъ Наукъ:» „Россія, обильная всѣми дарами щедрой природы, обитаемая трудолюбивыкъ и смышленымъ народомъ, доныне мало пользовалась выгодами, проистекающими отъ приличнаго образованія и обученія людей, занимающихся сельскимъ работами... Но во сколько кратъ люди сіи были бы полезнѣе, если бы природныя ихъ способности изощрены и усовершены были ученіемъ, если бы обучать простыхъ земледѣльцовъ разнымъ мастерствамъ, открыть имъ новый путь къ обогащенію въ ремеслахъ, и проч.

мануфактурнымъ и торгово-промышленнымъ ассоціаціямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, земледѣльческія поселенія составляли у насъ $^{8}/_{10}$ всего народонаселенія (тогда какъ въ Англіи $^{1}/_{3}$) и 18 милліоновъ душъ муж. пола сѣяли хлѣбъ, чтобы прокормить только 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей *). Въ 1826 году Malchus считалъ въ Россіи земледѣльцевъ 79 процентовъ всего народонаселенія, тогда какъ городскаго, промышленнаго сословія только 6 процентовъ **). Въ настоящее время, земледѣльческое сословіе составляетъ около 88% всего мужескаго народонаселенія, между тѣмъ какъ торговое сословіе меньше $^{3}/_{4}$%, мѣщане и цеховые около 6 $^{1}/_{3}$%. Военно-служилый характеръ колонизаціи и военно-стратегическія основы городовъ, естественно, тоже не были благопріятны для широкаго и цвѣтущаго развитія мирныхъ индустріальныхъ занятій.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, въ Россіи, естественно, не развивались цвѣтущія индустріальныя корпораціи труда и населенія. Въ городахъ древней Россіи не только не проявлялось промышленное изобрѣтательное творчество, но чрезвычайно плохо развивалась и простая ремесленность. Извѣстный писатель въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Юрій Крыжаничъ говоритъ: «наиболѣе всего богато, славно и сильно то государство, гдѣ хорошія понятія, смѣтки и убѣжденія, или отъ природы даровиты и домысливы разумы, и гдѣ, потому, цвѣтетъ всякое рукодѣлье и ремесло, и великая морская торговля: такъ—въ англичанской и брабантской землѣ... Оказывается, что и русская земля мало имѣетъ торговли... Ремесла до сихъ поръ въ Россіи съ трудомъ заводились. А только ремесломъ умножается земля и наполняются города»***). Такъ какъ побужденія мускулярныя преобладали въ древней Россіи надъ мыслящими способностями и надъ высшими умственными потребностями и занятіями, то преобладали и промыслы кормовые надъ мастерствами и занятіями умственными, требующими болѣе или менѣе интеллектуальной сообразительности. Напримѣръ, въ самой Москвѣ, въ мѣщанской слободѣ, въ 1677 году, даже такими, самыми простыми умственными занятіями, какъ — ученье дѣтей въ школѣ, книжная торговля, живопись, печатанье листовъ, переписка и переплетъ книгъ,

---

*) Чтен. Общ. Истор. 1860 г, Кн. I, отд. V, стр. 29—30.

**) Statistik und Staatenkunde, S. 200.

***) Русское государство въ полов. XVII в. раздѣлъ I, стр. 7. 8; разд. III, стр. 39. 40.

дѣланье органовъ и насосовъ, садоводство, — промышляли всего только 8 человѣкъ, и приходилось только по 1 человѣку на каждое изъ этихъ занятій. Между тѣмъ какъ однимъ мясомъ торговали въ той же мѣщанской слободѣ до 52 человѣкъ, рыбой болѣе 20, хлѣбомъ печенымъ и калачами до 24, разнымъ харчомъ до 11, ветошьемъ до 12 человѣкъ, и т. д. И до такой степени не развиты были индустріальныя понятія, что наприм. кормленье именемъ Христовымъ или подъячествомъ оффиціально считалось и записывалось въ числѣ городскихъ ремеслъ и промысловъ *). Кормовыя рукодѣлья конечно мѣшали умственнымъ трудамъ **). По отсутствію самостоятельнаго умственнаго труда и творчества, по совершенному отсутствію реальныхъ знаній, умы русскіе сами собою ничего не могли изобрѣсти, не смотря на богатыя природныя способности, и только легко и быстро могли усвоять чужія изобрѣтенія ***). Естественныя богатства русской земли, напримѣръ, горной природы, долго вовсе не вызывали въ Россіи разумной промышленности единственно потому, что не было естественныхъ знаній, не доставало средствъ къ изслѣдованію, открытію, добычѣ и разработкѣ ихъ ****). Когда устроились горные заводы, мастера, по словамъ де-Геннина, «были самые бездѣльные и необученые, и ученья не было» *****).

---

*) Чтен. Общ. Истор. 1860 г. кн. 2, отд. V, стр. 1—20, опись, кто чѣмъ промышлялъ.

**) Напримѣръ, одинъ грамотникъ — лѣтописецъ XVI или XVII в. говоритъ: „много помышляхъ нѣчто разумѣти и избрати отъ многи лѣта писанныхъ и бытейскихъ книгъ нужнѣйшая, и возбраняемъ есмь отъ рукодѣлья, еже стужати чѣмъ животъ кормити“. Сборн. сол. библ. № 864. л. 10 и 11.

***) Олеарій говоритъ о подражательности и переимчивости ума русскихъ ремесленниковъ. См. путеш. его въ Архивѣ 1859 г. кн. III, стр. 53. Новѣйшій писатель (de la Russie, 1842 p. 45) замѣчаетъ: „jusqu'ici le Russe n'a montre que des facultés d'imitation. Изъ древнихъ, Юрій Крижаничъ замѣчалъ: „Народа нашего люди суть косна'о разума, и не удобно сами что выдумаютъ, если имъ не покажутъ.“ Разд. III, стр. 42.

****) „Наше россійское государство, говорилъ Петръ В. въ указѣ 10 Декабря 1719 г., предъ многими чужими землями преизобилуетъ и потребнымъ металлами и минералами благословенно есть; которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ; сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію та, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оные въ пользу государственную произвести, неразумѣли.“

*****) Горный журн. 1826 г. № 4, 5. біографія и письма де-Геннина историч. начертаніе Горнаго дѣла въ Россіи—Германа.

И въ половинѣ XVIII в. индустріальныя способности русскихъ такъ еще были не развиты, что, напримѣръ, рисовальщики на фабрикахъ могли только списывать готовые рисунки, а своихъ изобрѣсти были не въ состояніи *). Во всей нашей ремесленности мало было разумности и знанія. «Много людей, — писалъ одинъ русскій публицистъ отъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, — много людей имя ремесленниковъ у насъ носятъ, но мало есть такихъ, которые бы ремесло званія сего достаточно знали. Если избирать только такихъ, которые совершенно его знаютъ, подвергнувши сперва ихъ строгому испытанію, то едва ли изъ тысячи найдется одинъ, который бы достоинъ былъ имени мастера» **). При такой неразвитости нашихъ индустріальныхъ способностей и знаній, проистекающей отъ неразвитости и нераспространенности естественно-научныхъ, реальныхъ знаній, — понятно существованіе у насъ множества пустыхъ, безполезныхъ и даже вредныхъ промысловъ, понятна эта ограниченность промышленныхъ идей, отраслей труда и проч. Наконецъ, нужно только взглянуть на географическое распредѣленіе нашихъ мануфактурно-промышленныхъ поселеній, чтобы видѣть, какъ мало и ограничено у насъ вліяніе знаній на развитіе и распространеніе этихъ поселеній. Мануфактурно-промышленныя поселенія у насъ сосредоточены главнымъ образомъ только въ центральной возвышенности между верхнею Волгою и Окою, въ губерніяхъ: московской, владимірской, костромской, ярославской и калужской, въ половинѣ нижегородской, тульской и около $^1/_3$ тверской. И тутъ чисто естественная необходимость обусловила развитіе этихъ поселеній. Именно, когда скудная почва, съ возрастаніемъ населенія, отъ долговременной, расхищающей системы земледѣлія, безъ раціональной обработки и удобренія, въ теченіи вѣковъ, истощилась, — крестьяне поневолѣ должны были взяться за мануфактурную промышленность. Близость къ столицамъ и географическое сосѣдство центральныхъ великорусскихъ губерній между собою—способствовали развитію и распространенію мануфактурно-ремесленной промышленности. Но и то не много. Изъ 67 или даже 72 милліоновъ народонаселенія, все-таки мануфактурно-промышленнаго населенія считается только около 6,400,000. И въ этомъ числѣ преобладаетъ сель-

*) П. С. З. № 10, 129.

**) Чтен. Общ. Ист.

скій, земледѣльческій элементъ. Напримѣръ, льняной и пеньковой промышленностью занимаются до 4,500,000 рабочихъ, тогда какъ химическими продуктами только 1,200. Фабрично-заводская промышленность не развивается у насъ именно по самому характеру нашего рабочаго, почти исключительно земледѣльческаго, населенія, лишеннаго знаній, неимѣющаго сложныхъ и дорогихъ машинъ и неумѣющаго обращаться съ ними.

Итакъ, общій взглядъ на самое происхожденіе, географическое развитіе и соотношеніе главныхъ формъ или слоевъ нашего населенія ясно показываетъ, что, вообще, въ *земскомъ строеньи*, или въ соціально-географическомъ устройствѣ и распредѣленіи народа—еще слишкомъ слабо, даже вовсе незамѣтно было участіе и дѣйствіе реальныхъ знаній. Если мы глубже и подробнѣе прослѣдимъ естественныя и умственныя условія историко-географическаго распространенія и устройства всѣхъ главныхъ формъ поселеній, то еще больше убѣдимся въ этомъ. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе на естественныя и умственныя условія географическаго распредѣленія земледѣльческихъ поселеній въ Россіи.

Зачатки умственнаго стремленія къ выходу изъ общей зоолого-географической области природы, или изъ звѣроловнаго, охотничьяго бродячаго быта, чуть чуть выражающіеся уже въ пастушескихъ, номадныхъ поселеніяхъ, яснѣе и полнѣе обнаруживаются въ происхожденіи и географическомъ распространеніи земледѣльческихъ поселеній *). Охотничьи племена, движимыя потребностью пищи, одежды и защиты отъ вліяній климата, въ своихъ способахъ исканія средствъ для всего этого, а вслѣдствіе того—и по самымъ поселеніямъ своимъ, почти всецѣло входятъ въ общую зоологическую область природы, въ составъ цѣлаго животнаго міра. Потому и самое географическое распространеніе ихъ племенныхъ поселеній получаетъ характеръ общаго географическаго распространенія фауны или животнаго царства, и всецѣло зависитъ отъ зоолого-географическихъ усло-

*) Объ естественныхъ или зоолого-географическихъ и умственныхъ условіяхъ охотничьихъ, пастушескихъ и скотоводческихъ поселеній въ Россіи будетъ подробно сказано въ особой статьѣ.

вій. Они, подобно звѣрямъ, живутъ, по выраженію нашей начальной лѣтописи, *звѣринскимъ образомъ*, въ лѣсахъ и горахъ, бродятъ и гоняются, какъ звѣри, за добычей животной пищи, ѣдятъ всѣхъ безъ различія звѣрей, ведутъ съ звѣрями борьбу за существованіе такъ же, какъ и сами звѣри ведутъ ее между собою и съ охотниками. Весь животный міръ, всѣ лѣса и горы, на обширномъ пустынномъ пространствѣ—вотъ ихъ отечество и домохозяйство. Человѣческаго, интеллектуальнаго, сознательнаго самовыдѣленія изъ общей зоологической сферы, или среды, изъ лѣсной и горной фауны, въ началѣ развитія охотничьихъ поселеній—почти вовсе незамѣтно, или оно проявляется смутно. Охотничьи племена и мыслятъ образами зоологическими, животными. Отсюда зооморфизмъ міросозерцанія и такъ называемый животный эпосъ. Не то уже въ пастушескихъ поселеніяхъ. Въ иниціативѣ и устройствѣ пастушескихъ или кочевыхъ скотоводческихъ поселеній, умъ дикихъ племенъ даетъ уже первый толчокъ къ преобладанію надъ географическимъ и зоологическимъ началомъ природы и, въ частности, надъ міромъ звѣрей. Въ устройствѣ и географическомъ расположеніи пастушескихъ поселеній, умъ дикихъ племенъ, движимый тоже потребностью пищи, одежды и жилища, уже съумѣлъ концентрировать всѣ необходимые для этого матеріалы, всѣ жизненныя угодья въ тѣсныхъ зоолого-географическихъ предѣлахъ природной экономіи, и, вслѣдствіе того, обусловилъ значительную пространственную или зоолого-географическую локализацію пастушескихъ поселеній. Здѣсь, слѣдовательно, есть уже зачатки покоренія природы, хотя безсознательнаго. Умъ дикихъ пастушескихъ племенъ опознается въ общей сферѣ зоолого-географической среды, опознается въ общемъ пространствѣ лѣсной и горной природы и въ общей области животнаго царства. Вслѣдствіе этого, номадъ-пастухъ, во-первыхъ, распознаетъ и различаетъ индивидуальныя формы и типы географическіе, выходитъ изъ лѣсовъ и выбираетъ тѣ или другія, болѣе удобныя степи, долины рѣчныя или горныя равнины, и такимъ образомъ, хотя немного, концентрируется въ извѣстной мѣстности, дѣлается господиномъ извѣстнаго, опредѣленнаго пространства или географической области; во-вторыхъ, выдѣляется изъ общей зоологической среды, выбираетъ извѣстный, наиболѣе нужный ему кругъ животныхъ, и млекопитающихъ, приручаетъ, покоряетъ ихъ своимъ нуждамъ, и такимъ образомъ становится хозяиномъ извѣстной зоологической группы, или животной породы. Въ этомъ состояніи, наши

номады, напримѣръ, тунгусы, дѣлятся на оленьихъ, конныхъ, табунныхъ, скотныхъ, собачныхъ и т. п. Поэтому, пастушескія поселенія, выражающія первые признаки умственнаго стремленія къ локализаціи въ пространствѣ природы и къ выходу изъ общей зоологической среды, представляютъ естественный переходъ къ прочно-осѣдлой земледѣльческой колонизаціи. Въ земледѣльческихъ поселеніяхъ, стремленіе къ преобладанію надъ географическимъ началомъ природы и выходъ изъ общей зоолого-географической области, достигаетъ наибольшаго выраженія. Въ земледѣльческой колонизаціи, умственные успѣхи народонаселенія выражаются, во-первыхъ, въ ограниченіи пространственнаго или географическаго начала прочно осѣдлой локализаціей поселеній, во-вторыхъ, въ ограниченіи умственной и бытовой зависимости отъ зоолого-географическихъ условій и данныхъ природы вслѣдствіе зачатковъ хлѣбопашества. Здѣсь уже умъ народный стремится покорить не животную, а растительную природу и почву, и, вслѣдствіе этого, человѣкъ впервые твердо прикрѣпляется къ землѣ. Отсюда является прочная осѣдлость, домъ, отчизна или родина, отечество. Земледѣльческая колонизація и культура, на одномъ и томъ же пространствѣ или плоскости можетъ прокармливать въ 20 и даже 30 разъ больше людей, чѣмъ номадія, такъ же, какъ эта послѣдняя въ 20 разъ больше, чѣмъ охота. Земледѣлецъ уже не имѣетъ никакого основанія, какъ охотникъ и даже пастухъ, бояться приселенія къ себѣ другаго земледѣльца-сосѣда. Вслѣдствіе этого, естественно организуются сельскія общины, міры *). Наконецъ, земледѣльческая колонизація и культура обусловливается уже не зоолого-географическими, а растительными областями и поясами. Поселенія охотничьи и пастушескія распространяются по зоологическимъ областямъ, въ слѣдъ за звѣрями и животными. А колонизація земледѣльческая идетъ вмѣстѣ съ колонизаціей растеній, по растительнымъ областямъ и поясамъ и, вмѣстѣ съ географическимъ распространеніемъ поселеній, распространяетъ культурныя растенія **).

*) Въ древней Россіи потому главнымъ образомъ и колонизовались земледѣльческія общины, что крестьяне, собираясь въ общины, сами охотно «перезывали» къ себѣ «сосѣдей»—вольныхъ охочихъ людей и отводили имъ волостныя порожнія земли, „поговоря со всѣмъ міромъ и съ сусѣдами волостными.“ См. статью: «Сельскіе міры и мірскіе сходы» въ „Вѣкѣ“ за 1862 г. А. А. Э. т. I, № 73. А. Юрид. № 6 А. А. Э. т. I, № 232 и мн. др.

**) Поэтому и исторія и географія растеній всегда находилась въ тѣс-

Все умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній, на пути ихъ географическаго распространенія, зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣховъ борьбы съ климатическими и почвенными условіями природы, отъ степени покоренія культурѣ растительнаго царства *), отъ мѣры познанія физическихъ силъ и законовъ и подчиненія ихъ нуждамъ и пользамъ земледѣльческой колонизаціи и культуры. Агрикультурной колонизаціи предстоитъ несравненно больше борьбы съ внѣшней природой, чѣмъ фабрично-заводскимъ, мануфактурно-промышленнымъ или торговымъ поселеніямъ. И чѣмъ меньше она покоряетъ природу, чѣмъ менѣе основывается на естествознаніи, на опытахъ,

---

ной связи съ исторіей цивилизаціи и переселенія народовъ. Декандоль, указывая на эти факты и доказательства въ своей ботанической географіи, говоритъ: „Après l'histoire géologique du règne végétal, est venue l'histoire, pendant l'époque actuelle, depuis quelques milliers d'années. Elle se lie sous certains rapports avec l'histoire de l'homme. Il est interressant pour un historien de savoir comment les espèces cultivées étaient réparties á l'origine. Il verra, peut-être avec surprise, qu'elles manquaient á des regions éminemment favorables au développement de l'espece humaine (p. 985). Il trouvera dans ces faits une des causes de la marche des civilisations, et dans les cultures communes à certains peuples une preuve, tantôt de leurs migrations les plus anciennes (p. 833, 872, 913) ou au moins de communications (p. 882, 953, 957), et plus souvent, par la diversité des cultures primitives, la preuve d'une séparation complète et prolongée entre les anciens peuples (Chap. IX), (M. Alph. De-Candolle, Geographie botanique raisonnee, Paris, MDCCCLV, t. I. p. XXII).

(*) Декандоль такъ опредѣляетъ степени распространенія и культуры растеній въ разные періоды и состоянія народныхъ цивилизацій: „Les premières peuplades qui se sont répandues sur chaque continent ont porté probablement avec elles quelques espèces de plantes utiles et surtout quelques-unes de ces graines qui s'attachent aux vêtements et aux animaux domestiques, et qui se développent bien dans le voisinage des habitations, près des fumiers, des terrains brûlés et des décombres. Plus une population est faible, plus elle est étrangère aux arts de la civilisations, plus ces premiers transports de graines sont insignifiants. Ensuite, la population devenant plus dense, plus civilisée, l'agriculture ayant pris naissance et étendu son domaine, les occasions de transports se multiplient et s'appliquent á des espèces plus nombreuses. Les peuples chasseurs ou pasteurs parcourent sans doute d'assez vastes étendues de pays, mais les peuples cultivateurs préparent des terrains propres à recevoir des espèces nouvelles, et faisant venir les graines de leurs champs de pays plus ou moins éloignés, il introduisent avec elles des plantes diverses, dont plusieurs naturellement deviennent spontannées. И т. д. Декандоль указываетъ историческіе успѣхи и способы распространенія и культуры растеній и замѣчаетъ: Il est clair que, dans les pays civilisés, la culture s'applique á un grand nombre de plantes et fait varier extrêmement la nature physique des terrains" (Geograph. botanique, t. II p. 621—622).

открытіяхъ и знаніяхъ физико географическихъ, метеорологическихъ, химико-физіологическихъ и вообще естественно-научныхъ, — тѣмъ невѣжественнѣе, неправильнѣе и медленнѣе устроиваются земледѣльческія поселенія, тѣмъ хуже развиваются *). Посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія, на сколько участвовали и взаимодѣйствовали въ географическомъ распространеніи, устройствѣ и развитіи земледѣльческихъ поселеній умственныя и естественныя силы.

1) Уже самый первый толчокъ къ географическому распространенію и устройству земледѣльческихъ поселеній дали не столько умственныя понятія и разсчеты, сколько естественные, желудочные потребности и побужденія. **) На переходѣ отъ охотничьей и пастушеской кочевой жизни къ земледѣльческой колонизаціи и культурѣ, первымъ и главнымъ мотивомъ, естественно, служитъ инстинктивная потребность хлѣба. Либихъ такъ объясняетъ эту чисто-естественную потребность для человѣка хлѣба и земледѣлія: «Ежедневный расходъ дыхательныхъ средствъ, по количеству, составляетъ въ пять или шесть разъ больше, нежели вѣсъ пластическихъ веществъ, и въ голодные годы недостатокъ первыхъ преимущественно чувствуется во всѣхъ классахъ народа. Между тѣмъ какъ цѣна жира, масла, увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается цѣна на хлѣбъ,

---

*) О вліяніи естественныхъ законовъ на судьбы земледѣльческихъ поселеній, см. «Химію въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній»—Либиха, именно главу: «Земледѣліе и исторія». 1864 г. стр. 60—95. Также «Письма Либиха о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства». Спб. 1861.

**) Либихъ говоритъ: «Государственное устройство, соціальныя и семейныя связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ все, чѣмъ въ настоящее время отличается человѣкъ, обусловливается фактомъ, что человѣкъ для поддержанія своего существованія ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы, по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не даетъ ему, или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыя питательныя вещества... Всякое нарушеніе равновѣсія, между запасомъ пищи и потребностью народонаселеній, вынуждаетъ людей, для возстановленія равновѣсія, взаимно уменьшать свою численность; тогда одно племя тѣснитъ другое... Отдѣльный человѣкъ становится воромъ и убійцею, массы выселяются или становятся завоевателями .. Для великаго цѣлаго окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя». (Химія, въ приложенія къ Земледѣлію, стр. 64—65).

а сообразно тому и цѣна на картофель; цѣна мяса обыкновенно не измѣняется, а остается какъ въ дешевые годы. Причина тому та, что хлѣбъ можетъ замѣнить мясо, тогда какъ для потребностей человѣка мясо не вполнѣ можетъ замѣнить хлѣбъ... Питающемуся мясомъ человѣку, для поддержанія себя, необходимо огромное поле, болѣе обширное, нежели льву или тигру, ибо онъ—когда представляется случай—убиваетъ и не употребляетъ въ пищу убиваемой имъ добычи. Толпа охотниковъ, живя на тѣсномъ пространствѣ, рѣшительно неспособна къ размноженію; необходимый для дыханія углеродъ долженъ быть поглощенъ животными, которыхъ на данномъ пространствѣ можетъ жить лишь ограниченное число. Животные эти собираютъ составныя части своей крови и органовъ съ растеній и отдаютъ ихъ живущимъ около индѣйцамъ, употребляющимъ ихъ въ пищу безъ веществъ, поддерживающихъ дыханіе этихъ животныхъ въ теченіи ихъ жизни. Индѣйцу для прокормленія и поддержанія своего здоровья въ теченіи нѣсколькихъ дней было бы достаточно одного такого животнаго, если бы въ пищу его входило столько же по вѣсу крахмала, сколько вѣситъ животное; а между тѣмъ онъ для образованія необходимой на это время теплоты долженъ съѣсть пять такихъ животныхъ. Пища его содержитъ избытокъ пластическихъ питательныхъ веществъ; въ теченіи большей части года въ ней не достаетъ именно дыхательныхъ средствъ; на этомъ-то основано, что человѣкъ, питающійся преимущественно мясомъ, всегда имѣетъ наклонность къ употребленію вина. Какъ нельзя яснѣе понята практическая сторона земледѣлія въ рѣчи предводителя сѣверо-американскаго индѣйскаго племени, переданной французомъ Кревекуромъ. Совѣтуя своему племени заниматься земледѣліемъ, этотъ предводитель обращается къ нему: «Развѣ вы не видите, что бѣлые живутъ хлѣбомъ, а мы мясомъ? Что мясу необходимо 30 мѣсяцовъ для того, чтобы дойдти до надлежащаго возраста, и къ тому оно встрѣчается еще рѣдко? Что каждое изъ удивительныхъ сѣмянъ, ими засѣваемыхъ, имъ приноситъ въ 100 разъ больше? Что у мяса четыре ноги, чтобы скрыться отъ насъ, а у насъ ихъ всего двѣ? Что сѣмена остаются на томъ же мѣстѣ, куда ихъ сѣютъ бѣлые люди? Что зима, представляющая для насъ время самой затруднительной охоты, для нихъ есть время отдыха? Поэтому я говорю каждому, кто меня хочетъ послушать, что раньше нежели деревья надъ нашими шалашами увянутъ отъ старости и раньше чѣмъ кленовое де-

рево въ долинѣ перестанетъ намъ давать сахаръ, раньше этого времени, говорю я вамъ, порода хлѣбопашцевъ, уничтожитъ породу мясоядную, если послѣдняя не рѣшится приняться за земледѣліе». *) Поэтому племена человѣческія очень давно уже, еще въ варварскія времена, стали воздѣлывать хлѣбныя растенія, именно по причинѣ питательности ихъ тяжеловѣсныхъ зеренъ. **)

---

*) Письма о Химіи, Либиха. Т. II, стр. 154—156. См. также о химико-физіологическомъ значеніи хлѣба у Молешотта, въ «Ученіи о пищѣ», въ 3 главѣ «О хлѣбѣ, стр. 89—95. Fr. Schoedler, въ своемъ сборникѣ «Das Buch der Natur», тоже ссылаясь на слова предводителя сѣверо-американскаго племени, приведенныя Либихомъ, замѣчаетъ: Sehen wir wie die wissenschaftliche Botanik, indem sie die Lebenserscheinungen erforscht und darlegt, berufen ist, der Landwirthschaft die wichtigsten Dienste zu leisten und somit das allgemeine Wohl zu befördern, denn dasselbe ist in dem ergiebigen Ackerbau sicherer gegründet, als durch die Blüthe eines jeden anderen Gewerbes. Wenn erzählt wird, das der Kaiser von China jährlich einmal die Hand an den Pflug legt, sowie dass einst der Kaiser Joseph auf seiner Reise durch Böhmen eigenhändig eine Furche zog, so sind diese Handlungen nur ein Ausdruck der Anerkennung der hohen Wichtigkeit des Ackerbaues. Nicht minder bezeichnend für die cultur-geschichtliche Bedeutung des Ackerbaues erscheint im Alterthum als mythische Gottheit zugleich des Ackerbaues und der Gesittung die Ceres—

„Die Bezähmerin wilder Blüthen,
Die den Menschen zum Menschen gesellt. (Buch der Natur, Th. II. S 245). Отсюда проистекала идеализація и апотеозъ хлѣба, земледѣлія, плуга и проч. Идиллическія похвалы земледѣлію высказаны были классическими писателями, напр. Виргиліемъ, Варрономъ, Гораціемъ, Сенекой и др. Наши предки—славяне нѣкогда покланялись хлѣбу и воспѣвали ему пѣсни, о чемъ свидѣтельствуетъ древне-славянская пѣсня: «Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, Слава! Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, Слава!» Подобно, какъ всѣ народы почитали хлѣбъ божіимъ даромъ, какъ нѣмцы называютъ его Gottes gave, Gottes gabe, такъ и у насъ народъ доселѣ съ благоговѣніемъ говоритъ: «Божій хлѣбъ, Божій даръ». Боготворя хлѣбъ, предки наши честь воздавали и плугу. (См. Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія»—Шеппинга, Чтен. Общ Истор. 1862 г. отд. V, стр. 81 и далѣе). Хлѣбъ и земледѣліе составляютъ особенный предметъ нашего народнаго міросозерцанія, пословицъ, примѣтъ и проч (См. Пословицы, изд. Далемъ въ Чтен. Общ. Истор., подъ словомъ: *земледѣліе*). Но обо всемъ этомъ мы подробнѣе скажемъ въ очеркахъ народнаго земледѣльческаго міросозерцанія.

**) Декандоль, согласно съ: Loiseleur—Deslongchamps, говоритъ: Les hommes n'auraient pas été tentés de cultiver les espèces de Triticum, Hordeum etc., si les graines de ces plantes n'avaient été pesantes et nourissantes, à peu près comme elles le sont aujourd'hui. Voyons-nous des peuples barbares essayer la culture des Aegilops et de tant d'autres Graminées à graines médiocrement farineuses... Plus on suppose l'agriculture ancienne et remontant à une époque d'ignorance, plus il est probable que les cultivateurs auraient choisi des espéces offrant, à l'origine même, un avantage incontestable... De toutes observations ou

Какъ естественный, химико-физіологическій, инстинктъ и законъ побудилъ людей ѣсть и воздѣлывать хлѣбъ, такъ естественныя же, географическія условія указали первоначальныя пути и мѣста для земледѣльческихъ поселеній, на природныхъ мѣсторожденіяхъ хлѣбныхъ злаковъ. Не умственныя побужденія и разсчеты, не естественно-научное изслѣдованіе хлѣбныхъ растеній, не высшія, раціональныя понятія о сельскомъ хозяйствѣ побудили какъ германскія, такъ и славянскія племена къ земледѣльческой культурѣ и колонизаціи, а просто самое географическое распространеніе хлѣбныхъ раетеній, на великомъ проходномъ пути народовъ изъ Азіи въ Европу, невольно обусловило первоначальное происхожденіе и географическое распространеніе земледѣльческихъ поселеній германцевъ и славянъ. Хлѣбныя растенія были распространены въ дикомъ состояніи почти на всемъ пути великаго переселенія индо-германскихъ народовъ съ востока на западъ, и даже вблизи европейскихъ, дунайскихъ поселеній славянъ нѣкоторые виды хлѣбовъ росли въ природномъ состояніи. *) По изслѣдованіямъ Линка, Дюро-де-ля Маля, Рейнье, Люазелье Деломшампа и Декандоля, дикая пшеница была находима въ Месопотаміи, а въ новѣйшее время—въ средней Азіи; слѣдовательно оттуда, вѣроятно, и распространилась. Можно впрочемъ полагать, что отечество ея въ древности было обширнѣе и доходило до Индіи, судя по климатическимъ условіямъ. По свидѣтельству Оливье, пшеница росла въ Персіи и по правому берегу Евфрата. **) По словамъ Декандоля, культура пшеницы должна была исходить изъ странъ, лежащихъ между горами центральной Азіи и средиземнаго моря. ***)

---

reflexions il faut conclure que, selon les probabilités, la plupart des formes tranchées (espéces ou races bien distinctes) de céréales, existaient déjà il y a trois ou quatre mille ans, et même avant qu'on eût essayé de les cultiver. (Geographie botanique, t. II. p. 929—930).

*) См. Декандоля, geographie botanique, t. II. p. 928—980; статью І. Ф. Скау — «географическое распредѣленіе хлѣбныхъ растеній», въ «Картинахъ природы» стр. 236—264.

**) Nous trouvames, говоритъ онъ,—dans une sorte de ravin, le froment, l'orge et l'épeautre, que nous avions de já vus plusieurs fois en Mesopotamie. (Voyag. dans l'empire othoman. 1807. III. p. 460).

***) M. Alph. De Candolle, Geographie botanique, t. II. p. 931—932. En résumé, говоритъ Декандоль, les assertions sont anciennes et assez nombreuses pour la Mesopotamie; mais celle de M. Balansa, pour l'Asie Mineure, semble plus positive. Peut-être l'habitation primitive s'étendait-elle jadis de ce pays jusqu'au nord-ouest de l'Inde, et un changement de climat aurait diminué la

Двурядный ячмень находили дико ростущимъ въ Месопотаміи, на правомъ берегу Евфрата, въ Ширванѣ, на югозападѣ Кавказа, въ Персіи. Нашъ покойный академикъ Мейеръ видѣлъ двурядный ячмень въ дикомъ произрастаніи между Ленкораномъ и Баку, у южныхъ береговъ Каспійскаго моря. Оттуда именно и, вѣроятно, изъ Персіи онъ и распространился. Рожь до сихъ поръ ростетъ полудико въ Трансильваніи, Далмаціи, Австріи, и Декандоль считаетъ вѣроятнымъ отечествомъ ея страну между Альпами и Чернымъ моремъ, особенно же Венгрію, Далмацію и Трансильванію. *) Овесъ тоже находили дико растущимъ въ сѣверной Индіи, на Кавказѣ, въ Китаѣ (по Бунге, avena nuda var. chinensis) и даже въ Сибири; онъ росъ, по словамъ писателей, in cultis et in incultis. **) Такимъ образомъ славянскія племена, переселяясь изъ Азіи въ Европу, черезъ природную географическую область хлѣбныхъ растеній, естественно, могли издавна научиться культурѣ хлѣбовъ. И потому уже на Дунаѣ поселенія ихъ должны были получить характеръ прочной земледѣльческой осѣдлости ***). А когда съ Дуная они переселились на Днѣпръ, то здѣсь уже не только села, но и города ихъ, по свидѣтельству лѣтописи, «дѣлали нивы своя и земли своя» ****). Отселѣ началась вѣковая и обширная земледѣльческая колонизація славянскаго племени по странамъ финскаго, турко-татарскаго и манджуро-монгольскаго сѣверовостока Европы и Азіи.

---

fréquence de l'espèce и проч. p. 932. По увѣренію Генцельмана, цитированному Линнеемъ (S p. 1, p. 126), дикая пшеница росла даже у башкирцевъ, но никто не находилъ ее тамъ послѣ того времени. Въ Китаѣ пшеницу воздѣлывали за 2822 г. до христіан. эры. Аристовулъ свидѣтельствуетъ, что она водилась и въ Индіи. По словамъ Бероза, въ странѣ между Тигромъ и Евфратомъ, находили frumentum agreste, hordeum ochron (Georgii Sincelli, chronogr. fol. 1652, p. 28).

*) De-Candolle, Géogprahie botanique, t. II, p. 937—938.

**) De-Candolle, Geogr. botanique II, p. 239—242.

**) Славяне хо тя развиваются во всемъ позднѣе германцевъ, однакоже прежде ихъ стали заниматься земледѣліемъ въ теперешнихъ своихъ мѣстахъ поселенія. Уже при Геродотѣ (IV, 108) знали они земледѣліе. Въ качествѣ номадовъ они въ исторіи не являлись уже никогда. (Schafarik, Slavische Alterth. I, S. 537. Palacky, Geschn von Böhmen I, S. 60).

***) „Лѣсная и разная другая дичь, говоритъ Олеарій, находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ... Многихъ птицъ не считаютъ за нужное ловить“ (въ Архивѣ, 16—17). Русское пристрастіе къ хлѣбу, доходящее до благоговѣнія, особенно ясно выразилось въ пословицахъ о Земледѣліи. См. у Даля.

На сѣверѣ, при усиленномъ химизмѣ дыханія, хлѣбъ, какъ дыхательное средство, особенно необходимъ. Мясо для русскихъ не замѣняло хлѣба. Они почти нисколько не цѣнили естественное изобиліе животной пищи *) и только хлѣбъ считали главизною всего «и самой животины». Въ случаѣ неурожая или какого-нибудь недостатка хлѣба, русскіе испытывали страшныя бѣдствія, не смотря на изобиліе животной пищи. Изъ-за хлѣба народъ нашъ не разъ производилъ страшные бунты. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ во время голодовъ 1605—1608 г. народъ съ остервенѣніемъ кричалъ: «царева ради небреженія бысть голодъ: хлѣба! хлѣба! **).» Въ Псковѣ, въ 1650—1652 г., даже и не въ голодное время, а просто, по случаю выпуска хлѣба за границу, тоже былъ бунтъ изъ-за хлѣба: «учинися, какъ сказано въ актахъ, межь народа всѣхъ православныхъ христіанъ мятежъ *за хлѣбъ*». Не умѣя объяснить естественной, химико-физіологической потребности хлѣба, народъ составилъ убѣжденіе и пословицу. «Господь повелѣлъ отъ земли кормиться; все добро за хлѣбомъ; держись за сошенку, сѣй хлѣбъ—*не спи*; не жди урожая, сѣй жито; кормитъ долгая полоса; какова пашня, таково и брашно; у кого хлѣбъ родится, тому и веселиться; и животина тамъ водится, гдѣ хлѣбъ родится.» При такомъ народномъ понятіи о хлѣбѣ, и при особенной химико-физіологической потребности его въ холодномъ сѣверо-восточномъ климатѣ, понятно, почему именно хлѣбъ и земледѣліе были первыми, главными, преобладающими рычагами колонизаціи и культуры русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли гдѣ въ Европѣ другая страна, гдѣ бы была такая обширная земледѣльческая колонизація, какъ въ Россіи. Не говоримъ о нашихъ юго-западныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Отъ *Волги* хлѣбопахатная колонизація простерлась до Камчатки, и проникла даже въ самую Камчатку. И въ этомъ тысячелѣтнемъ дѣлѣ постепеннаго открытія, земледѣльческой обработки и обстройки русской земли развилось въ Россіи такое многочисленное земледѣльческое сословіе, какого ни въ какой другой странѣ нѣтъ. Какъ только основались два исходныхъ пункта колонизаціи—на сѣверѣ, за увалами, въ полярно-балтійской или сѣверо-поморской водной системѣ—«Славно-Торгъ», починокъ Новгорода великаго, а по другую сторону уваловъ, на волжско-каспійской водной системѣ и низменности—

*) Карамзина XII, прим. 348. Никон. V, 26. Палицына.

**) Доп. къ А. И т. III, № 74, стр. 265.

«Славянскій конецъ» въ финскомъ городѣ Ростовѣ и потомъ Москва,—такъ началась обширная, вѣковая, страдомая и богатырская земледѣльческая разработка и колонизація огромныхъ сѣверо-восточныхъ пространствъ русской земли. Повсюду застучалъ топоръ въ «червныхъ дикихъ лѣсахъ», и пошла повсемѣстная «росчисть, роздѣль и распашка лѣсовъ». Повсюду, по словамъ актовъ, «лѣсъ рубили, ронили и чистили, пашни пахали, дворы и деревни ставили илюдей называли». Разграничились лѣса «пашенные и непашенные». Повсемѣстно возникали въ лѣсахъ на пашняхъ «починки и сѣдѣнья», и изъ нихъ выростали «хлѣбныя деревни», пашенныя сельца, села и слободы, или, по выраженію актовъ, «распахивались, поставлялись и посажались деревни на лѣсахъ и пустошахъ». И, по характеристическому выраженію актовъ, «куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха», туда «тянула» и земледѣльческая колонизанія; и «гдѣ ея топоры сѣкли», тамъ и разграничивались межи личной и общинной земледѣльческой колонизаціи. Повсюду землевладѣльцы всѣкихъ чиновъ, получая земли на кормленье, и князья, и бояре, и владыки, и монастыри, разными льготами и ссудами, «людей называютъ и перезываютъ»—лѣсъ ронить, пашни распахивать, дворы и деревни ставить. Повсюду идутъ «порядные въ крестьянство», опять съ тѣмъ условіемъ, чтобы лѣсъ рубить и чистить, пашни распахивать и дворы рубить и ставить. Повсюду и сами крестьяне «садились на черныхъ дикихъ лѣсахъ и пашни распахивали большія, лѣсъ, раменье расчищали», и потомъ общинами, «поговоря со всѣмъ міромъ», отводили изъ волостныхъ земель участки и садили вольныхъ охочихъ людей на пашни. Повсюду, гдѣ только находили лѣсъ черный, дикой, мѣста пустыя, никѣмъ не занятыя,—сейчасъ били челомъ царю о дозволеніи лѣсъ рубить, ронить, пашни распахивать, дворы ставить и людей называть, и такимъ образомъ земледѣльческая колонизація, исходя изъ двухъ, первоначально раздѣльныхъ пунктовъ, разграниченныхъ увалами и гидрографическими системами, распространяясь долгое время раздѣльно, по двумъ противоположнымъ воднымъ системамъ—полярно-балтійской и волжко-каспійской, группируясь по землѣ и по водѣ, по естественно-расчлененнымъ земско-воднымъ оазисамъ, въ цѣльно-замкнутыя, «особныя, опрочныя» земледѣльческія волости разныхъ родовъ,—къ концу XVI вѣка совокупными силами охватила, въ общихъ очертаніяхъ, всю нынѣшнюю великорусскую землю. И въ предгорьяхъ Урала, на вѣковомъ

рубежѣ и застоѣ народовъ Европы и Азіи, соединившись въ одно цѣльное колонизаціонное движеніе въ союзѣ дальнѣйшихъ проводниковъ колонизаціи—сѣверо-поморскихъ новгородскихъ выходцевъ Строгановыхъ и волжско-каспійскаго выходца Ермака, прорубила и отворила вѣковую и широкую дверь въ Сибирь. Хлѣбъ повсюду былъ распространенъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ пашнями, повсюду распространились пашенныя, хлѣбныя деревни и села, даже къ сѣверу, до 65° с. ш. Сошное письмо, земляные списки и писцовыя книги повсюду описывали и сосчитывали земледѣльческіе починки, деревни, сельца, села, слободы и посады, и при нихъ—пашни, пожни, лѣса пашенные и непашенные, земли орамыя и страдомыя, сводили итоги, сколько разработано, распахано и заселено земли, означали, гдѣ стали новые дворы и деревни, гдѣ сколько дворовъ прибыло къ старымъ поселеніямъ, и т. п. Между тѣмъ, земледѣльческая колонизація, перешедши за Уралъ, пошла съ новою напряженностію дальше на востокъ, и тамъ распространяла хлѣбныя растенія. Потребность хлѣба была сильнымъ рычагомъ ея послѣдовательнаго географическаго движенія и распространенія по Сибири. Поэтому сначала въ Пермскомъ Пріуральи, въ одной изъ древнѣйшихъ сибирскихъ колоній — въ Верхотурьи, сосредоточенъ былъ земскій сборный магазинъ или складъ хлѣба для такъ называвшихся тогда „Сибирскихъ хлѣбныхъ отпусковъ", на первоначальное обезпеченіе и содержаніе служилыхъ людей—пролагателей путей сибирской колонизаціи и первыхъ поселеній *) для распространенія хлѣбныхъ сѣмянъ **), а съ ними и новыхъ земледѣльческихъ поселеній по всей хлѣбородной полосѣ Сибири. Но этотъ сборъ хлѣба, учрежденный только для первоначальной подмоги сибирской колонизаціи, не могъ постоянно обезпечивать всѣхъ служилыхъ людей, пріискивавшихъ и покорявшихъ новыя земли въ Сибири, строившихъ остроги и города и проводившихъ пути для дальнѣйшей колонизаціи. Его недостаточно было также и для выдачи первымъ поселенцамъ на «сѣмена и ѣмена». Служилые люди, инстинктивно чувствуя въ суровомъ сѣверо-восточномъ климатѣ особенную потребность дыхатель-

*) А. И. т. IV, № 4; т. V, № 103 и мн. др.

**) Зерновой хлѣбъ отпускался въ Сибирь, по выраженію одного акта, „на сѣмена и ѣмена". Дополн. къ А. И. т. VII, № 74, стр. 352. Исторія сибирской колонизаціи есть, поэтому, вмѣстѣ исторія распространенія хлѣбныхъ растеній.

ныхъ пищевыхъ средствъ, не могли удовлетворяться въ Сибири одной животной пищей, не смотря на все ея изобиліе, и постоянно требовали изъ Москвы, или изъ Верхотурья и Тобольска хлѣба. Между тѣмъ сборъ хлѣба въ Верхотурскія житницы и провозъ его въ Сибирь обходился казнѣ дорого, а крестьянамъ страшно тяжело, такъ что, по жалобамъ ихъ, былъ ужь «не въ мочь имъ и лошадямъ ихъ» *). И вотъ правительство нашлось вынужденнымъ начать *пашенное дѣло* въ Сибири, и возложило его на воеводъ. Имъ предписано было отыскивать въ Сибири хлѣбородныя мѣста, призывать и прибирать крестьянъ на пашни, строить слободы и населять ихъ пашенными крестьянами, чтобы впередъ продовольствовать служилыхъ людей и колонистовъ «хлѣбомъ сибирской пахоты», а не требовать его изъ Верхотурья и русскихъ городовъ **). Потребность хлѣба толпами погнала гулящихъ людей и пашенныхъ крестьянъ изъ нехлѣбородныхъ и малоземельныхъ мѣстъ Россіи на свѣжія, просторныя и хлѣбородныя земли Сибири ***). За одними челобитчиками, другіе «челомъ били вновь», чтобъ дозволено имъ было строиться въ Сибири въ слободахъ на пашни. И всякой новоприхожій крестьянинъ селился тамъ, гдѣ распахалъ и расчистилъ пашни изъ дикаго поля «собою» ****. Появились особые строители слободъ, такъ называвшіеся *слободчики*, которые строили, одну за другою, слободы и селили крестьянъ на пашняхъ. Многіе изъ нихъ, построивши одну пашенную слободу и прибравши въ нее крестьянъ, «ѣздили съ тѣми новоприборными крестьянами далѣе, отыскивали удобныя пашенныя земли и вновь строили слободы *****)». Такимъ образомъ, пашенныя слободы довольно быстро возникали одна за другою: лѣтъ въ 20 устроялось слободъ до 10, и пристраивалось вновь дворовъ до 60******). Казаки, въ родѣ Ивана Смолы, выбирали годныя подъ пашню «пустыя лѣсныя и дубровныя мѣста и поля чистыя»,—и на нихъ стро-

---

*) А. И. т. II, № 9. т. III, №№ 62, 78, 85. А. Э. т. IV, № 120.

**) А. И. т. III, № 121. Дополн. къ А. И. т. IV, № 20; т. VI, № 1. и мн. друг.

***) Дополн. къ А. И. т. III, № 1.

****) А. И. т. III, № 138.

*****) Доп. къ А. И. т. III, № 46; т. IV, № 20, Грам. II; т. VI, № 89; т. VII, № 74: акты о строеніи и заселеніи слободъ въ Сибири, Грам. XIII, XV и др.; т. VIII, стр. 228; № 71, Грам. III.

******) Дополн. къ А. И. IV, №№ 68 и 111.

или слободу и крестьянъ называли вновь *). Чуть усматривалось мѣсто «годно слободу строить», — крестьяне тотчасъ «радѣли на то мѣсто, потому что пашенныхъ земель много **). Дѣти боярскіе находили годныя подъ слободу пашенныя земли,—и также просили дозволенія строить слободу и крестьянъ: прибирать ***). Хлѣбъ и пашни такимъ образомъ мало по малу заманили въ Сибирь тысячи *новоприхожихъ и новоприборныхъ* пашенныхъ крестьянъ, такъ что въ 1709 г. въ ней поселилось уже до 229,227 душъ русскаго народа. Расширилась «хлѣбная пахота»,—и вмѣстѣ съ нею умножились земледѣльческія поселенія. Уже въ одномъ указѣ 1632 году сказано: «прежде привозили изъ поморскихъ городовъ на Верхотурье хлѣбные запасы давно, коли въ сибирскихъ городахъ нашему хлѣбу пахота была не велика, а нынѣ на Верхотурье и въ иныхъ сибирскихъ городахъ тобольскаго разряда хлѣбная пахота учала быть большая, и остается у нихъ хлѣба и за окладомъ много» ****). Когда такимъ образомъ, въ верхотурскомъ и тобольскомъ разрядахъ сибирскихъ поселеній, насущная потребность хлѣба была удовлетворена посредствомъ устройства и распространенія пашенныхъ слободъ, селъ и деревень и даже «пашенныхъ городовъ»,—большой недостатокъ въ хлѣбѣ чувствовался дальше, въ Сибири, въ областяхъ Томской, Енисейской и особенно Ленской. И вотъ требовалось послать пашенныхъ крестьянъ изъ *тобольскаго разряда* земледѣльческихъ поселеній дальше въ *томской разрядъ* — въ третье звѣно или въ третій узелъ сибирской колонизаціи, «для того, что—какъ сказано въ указѣ— и безъ тѣхъ крестьянъ въ тобольскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и хлѣба пахоты ихъ много, а въ томскомъ разрядѣ крестьянъ и хлѣба тамошней пахоты мало, почему ежегодно посылаютъ оттуда за хлѣбомъ въ тобольскій разрядъ, отъ чего служилымъ людямъ въ хлѣбномъ жалованьѣ нужа и въ провожаньи хлѣбныхъ запасовъ напрасная тягость» *****). Вслѣдствіе такой необходимости хлѣба, вновь называли, накликали бирючами и всячески набирали пашенныхъ крестьянъ, добрыхъ, заводныхъ, прожиточныхъ и семьянистыхъ, лучшихъ людей и меньшихъ жеребьевъ, съ жена-

*) Доп. т. IV, № 106.
**) Доп. т. V, № 22.
***) Дополн. т. VI, № 89.
****) А. И. т. III, № 172.
*****) Ibid. А. И. III, № 172.

ми и дѣтьми и со всѣмъ пашеннымъ заводомъ, дальше, на житье на земляхъ томскаго и енисейскаго разрядовъ *). И тамъ, по Оби, Томи, Енисею, Тунгускѣ, Иркуту и проч., опять мало по малу распахивались пашни, а при пашняхъ устроялись новыя пашенныя слободы, села и деревни **). Строился острогъ, въ родѣ Иркутска,— выбирали «мѣсто угожее для пашенъ» ***). Какъ только собиралось въ острогъ человѣкъ 20 служилыхъ людей,—они тотчасъ распахивали пашню, если вокругъ земля была хлѣбородная. Такимъ образомъ, путемъ распространенія хлѣба и пашенъ, земледѣльческая колонизація еще въ XVII вѣкѣ дошла мало по малу до Лены и Даурiи. Здѣсь, гдѣ служилые люди, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, въ тяжкихъ походахъ по рѣкамъ, отъ зимовья до зимовья, по Ледовитому и Охотскому морю, часто были «холодни и голодни», гдѣ часто имъ «пить и ѣсть было нечего, горько было» ****)—здѣсь потребность хлѣба была особенно ощутительна, и съ каждымъ годомъ увеличивалась. Въ якутскомъ острогѣ служилые люди тѣмъ болѣе терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, что воеводы не выдавали имъ сполна присыльный казенный хлѣбъ *****). Въ Даурiю, на Амуръ и Шунгалъ служилые люди шли, по собственнымъ словамъ ихъ, именно *для ради хлѣба, для ради хлѣбныя скудости и нужи* ******). Хабаровъ, поэтому, совѣтовалъ правительству «завести пашню въ Даурѣхъ» *******). О хлѣбѣ постоянно писались челобитныя съ Лены, и въ одинъ якутскій острогъ хлѣба требовалось большое количество. Напримѣръ, въ

---

*) А. И. III, № 167.

**) А. И. т. III, № 135. Дополн. т. III, № 15; т. VI, № 93; т. VII, № 74; т. VIII, № 34, № 51, Грам. I, II, VII.

***) Дополн. т. IV, № 104.

****) Доп. III, № 100.

*****) „Нынѣ,—сказано въ одной граматѣ 1679—1682 г.—намъ великому государю вѣдомо учинилось, что будучи въ Илимскомъ воеводы, не радѣя нашимъ дѣломъ и для своей корысти, хлѣбные запасы Илимскихъ слободъ пахоты посылали въ якутской служилымъ всякихъ чиновъ людямъ неполной окладъ, а посылали тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ малое число, и отъ той хлѣбной недосылки въ Якутскомъ нашей казны и ясочному сбору, чинился многой недоборъ и потеря, а служилымъ всякихъ чиновъ людямъ была скудость большая, а многіе люди цынгами и голодомъ помирали! Дополн. т. VIII, № 53, грам. V, стр. 237.

******) Доп. т. III, № 122, стр. 525.

*******) «И только заведутся въ Даурской землѣ пашни,—писалъ онъ, и тебѣ, государь будетъ прибыль больше, и въ Якутской острогъ хлѣбъ присылать будетъ не надобно». Дополн. III, № 72.

1653 г, на служилыхъ людей якутскаго острога (на 860 чел.), кромѣ денегъ, нужно было хлѣба 4666 четей съ осьминою ржи, вѣсомъ 21,407 пудъ, 22 гривенки, 72 золотника, 2,486 четей овса, половину крупъ и толокна 1243 четверти съ полуосьминою, вѣсомъ 4973 пуда. Хлѣбъ этотъ надобно было присылать изъ Тобольска, Енисейска и изъ Илимскаго острога, «до тѣхъ мѣстъ,—какъ сказано въ актѣ,—покамѣстъ въ Илимскомъ уѣздѣ по Ленѣ рѣкѣ, по старымъ заимкамъ и по новымъ мѣстамъ, будутъ новоприбылые пашенные присыльные крестьяне». Поэтому, якутскій воевода писалъ царю: «И только ты, государь, укажешь прислать на Лену, въ Якутскій и Илимскій уѣзды на пашню пашенныхъ семьянистыхъ крестьянъ, и какъ устроены будутъ на Ленѣ присыльные пашенные семьянистые крестьяне,—и отъ тѣхъ крестьянъ будетъ прибыль многая, потому что впередъ тѣ пашенные крестьяне напашутъ хлѣба на жалованье якутскимъ служилымъ людямъ, на всѣхъ на 1,018 человѣкъ сполна, безъ присылки изъ городовъ, и самымъ тѣмъ пашеннымъ крестьянамъ сытымъ быть будетъ мочно» *). Такъ, крайняя потребность хлѣба необходимо требовала земледѣльческой колонизаціи на Ленѣ. И вотъ, еще въ 1640—1643 г. велѣно было ленскому воеводѣ Головину съ товарищами — «на Ленѣ рѣкѣ смотрѣть пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, и тѣ мѣста смѣтить, сколько на тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно.» И по смѣтѣ посланныхъ для этого служилыхъ людей, найдены были «многія пашенныя мѣста и сѣнные покосы и угода всякая, по обѣ стороны Илима рѣки до Ленскаго волока, по рѣкамъ Кутѣ, Киренгѣ и внизъ по Ленѣ, и предположено было «устроить крестьянъ 800 и больши» **). Потребность «хлѣба ленской пахоты» ***) такъ была велика и настоятельна, что нетолько особыми грамотами, но и въ наказахъ воеводамъ постоянно предписывалось: «а пашенныхъ мѣстъ имъ воеводамъ по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко Лены провѣдывать на крѣпко, чтобъ на Ленѣ рѣкѣ близко того мѣста, гдѣ они воеводы съ служилыми людьми учнутъ жить, пашни завесть и крестьянъ на пашни устроить и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякіе тамошніе расходы напахать, а изъ Тобольска-бъ и изъ Енисей-

*) Дополн. къ А. И. т. III, № 113, стр. 402.
**) Дополн. т. II, № 90.
***) Доп. III, № 83 и др.

ска бы впередъ на Лену хлѣбныхъ запасовъ не посылать, а называть на пашню крестьянъ вольныхъ, всякихъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы» *). Въ 1651 г. снова предписывалось якутскому воеводѣ отыскивать и заселять новыя пашенныя мѣста на Ленѣ: «на Ленѣ въ якутскомъ острогѣ высмотрѣть того на крѣпко, есть ли по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко якутскаго острогу, вверхъ до Чечуйскаго волоку пашенныя угожія и пространныя мѣста? И мочно ли въ тѣхъ угожихъ пространныхъ мѣстахъ до Чечуйскаго волока пашню завесть и крестьянъ на пашни устроить, и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякихъ людей тамошняго якутскаго острога напахать, чтобъ изъ Тобольска, изъ енисейскаго острога и съ ленскаго волока, впредь на Лену въ якутскій острогъ хлѣбныхъ запасовъ не посылать! А буде, по высмотру, близко якутскаго острога, на Ленѣ пашенныя угожія пространныя мѣста есть, то имъ воеводѣ и дьяку—въ тѣхъ угожихъ мѣстахъ крестьянъ въ пашню строить и называть на пашню во крестьяне вольныхъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы, а около ленскаго волока, на низъ по Ленѣ рѣкѣ до Чечуйскаго волока и вверхъ по Ленѣ же рѣкѣ до верхоленскаго, и около верхоленскаго острожку, велѣно было въ пашню крестьянъ строить другому воеводѣ, Богдану Оладьину» **). Вслѣдствіе такой крайней потребности хлѣба на Ленѣ, началась и тамъ земледѣльческая колонизація. Потребность хлѣба вызвала и туда охотниковъ на пашенное поселеніе. Предпріимчивый Ерофей Хабаровъ, бывшій первымъ земледѣльцемъ на Енисеѣ, при впаденіи Тесса, знаменитый открытіемъ ближайшаго пути на Амуръ, храбрыми походами туда и развѣдкою всего Амура, какъ сибирскій Триптолемъ, первый водрузилъ и водворилъ соху на ленской землѣ, при устьѣ рѣки Киренги, впадающей въ Лену. За нимъ послѣдовали и другіе. Въ отпискѣ ленскихъ воеводъ 7 мая 1641 г. читаемъ: «въ нынѣшнемъ во 149 году, генваря въ 17 день, билъ челомъ промышленный человѣкъ Ярофейко Павловъ Хабаровъ, а на ленскомъ волоку намъ подалъ челобитную, чтобъ ему Ярофейку на Ленѣ рѣкѣ, на Усть-Киренги рѣки, дать подъ пашню земли на льготу, а послѣ льготныхъ лѣтъ пахать ему на государя отъ девяти десятую десятину въ полѣ, а въ

*) Доп. т. II, № 100, стр, 269—270.

**) А. И. т. III, № 83.

дву потому жъ. Да января, въ 27 день, билъ челомъ промышленный человѣкъ Пантелейко Яковлевъ устюжанинъ, чтобъ ему быть въ пашенныхъ крестьянахъ на Ленѣ рѣкѣ на Тунгусскомъ волоку, гдѣ переходятъ съ Лены рѣки на Туруханъ, и мы велѣли ему Пантелейку быть на Тунгусскомъ волокѣ въ пашенныхъ крестьянахъ.... а пахать ему съ перваго году десятая десятина въ поле, а въ дву потому жъ, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы. И Ярофейку Хабарову по уговору дали льготы на пашню на годъ, и сѣять государеву пашню по вся годы своими сѣменами. Да въ нынѣшнемъ же, въ 149 г., мая въ 7 день, по уговору сѣлъ въ пашнѣ на Ленѣ рѣкѣ, выше Киренскаго устья, на урочные лѣта, на 10 лѣтъ вологодскаго архіепископа крестьянинъ Ивашко Сверчковъ, и сѣмена ему даны» *). Такимъ образомъ потребность хлѣба вызвала ленскую земледѣльческую колонизацію. И она пошла довольно быстро. Уже къ 1679 году, въ верховьяхъ Лены засѣлилось 6 пашенныхъ волостей, въ одномъ Илимскомъ уѣздѣ: Усть-Куцкая, Орленская, Тутурская, верхняя Киренская, Верхолуцкая, Ангинская, Биргольская **). Хлѣбъ такъ былъ нуженъ и дорогъ въ ленской странѣ и первыя земледѣльческія поселенія такъ были важны и необходимы, что правительство вникало во всѣ подробности первоначальнаго ленскаго хлѣбопашества и первыхъ пашенныхъ поселеній ***).

*) Дополн. т. II, № 92.

**) Доп. т. VIII, № 83.

***) Ibid. т. VIII, № 34. Воеводамъ и служилымъ людямъ велѣно было составлять подробныя росписи «пахатныхъ мѣстъ добрые земли на Ленѣ». Доп. т. II, № 89. Въ 1644 г. сент. 30 ленскіе воеводы Вас. Пушкинъ и Кир. Супоневъ предписывали въ наказной памяти служилымъ людямъ: „чтобъ имъ служилымъ людямъ, на Усть-Куты рѣки государеву десятинную пашню, которую пахали на государя къ прошлому 153 году служилые наемные люди, Исачко, Максимовъ, Машка Костенопиковъ, Сенка Родіоновъ, Марчко Микитинъ Ондрѣшка Катиловъ, по 3 десятины на человѣка да вверхъ на Ленѣ рѣкѣ на Орленгѣ государеву же десятину, что пахали Офонка Долгихъ да Панфилко Яковлевъ ко 153 году, измѣрить въ десятины, противъ государева указу, длиннику по 80 десятинъ, поперешнику по 40 саженъ десятинъ, по 3 аршина сажень; а измѣря въ государевы десятины, и сверхъ того ихъ пахоту на заимкахъ измѣрить въ десятины же, сотсчетчи, сколько у нихъ на государевыхъ десятинахъ ко 153 г. сотницъ сноповъ на десятинѣ родилось, да тотъ хлѣбъ велѣть на гумнахъ скласть въ скирды и въ овинъ, а изъ ихъ пахоты, сколько у кого ихъ десятинъ и на десятинахъ родилось, и сколько на той ихъ пашнѣ заѣдетъ въ скирдахъ сжатаго ржаного и яроваго хлѣба, да съ тѣхъ ихъ десятинъ счетчи въ сотницы же, и съ того ихъ всяка-

Указанныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, какимъ сильнымъ побужденіемъ къ распространенію колонизаціи русской земли и Сибири была потребность хлѣба. И дѣйствительно, безъ хлѣба, даже въ хорошихъ мѣстностяхъ, представлявшихъ другіе источники жизненныхъ средствъ, поселенія не могли прочно существовать и развиваться, а расходились врознь и разрушались. Недаромъ, русское правительство, заводя земледѣльческія колоніи въ Сибири, немедленно велѣло выдавать изъ казенныхъ житницъ хлѣбъ на сѣмена тѣмъ новоустроившимся поселянамъ, у которыхъ хлѣбъ не родился или «вызебъ», «чтобы, по словамъ царскаго указа, ихъ одержать въ волости и врознь неразбрелись бы и пашни незапустили бы» *). И немало было случаевъ, что въ прекрасныхъ мѣстностяхъ, при возможности отличнаго скотоводства и при легкости и сподручности другихъ средствъ жизни, колоніи разрушались единственно отъ безхлѣбья. Такъ въ минусинскомъ округѣ, въ 9 верстахъ въ сторонѣ отъ Енисея, основаны были въ 1730—37 г. мѣдно-плавильные заводы, и въ 1740 по 1750 годъ находились въ цвѣтущемъ состояніи, когда имѣли хорошіе запасы хлѣба. Въ песчаной мѣстности, богатой пихтовымъ лѣсомъ, съ чрезвычайною поспѣшностью были выстроены обширныя зданія съ плавильными печами. Въ луказскомъ заводѣ сооружена была церковь, и къ ней причислены всѣ деревни, устроившіяся вверхъ по Енисею. Сюда были выписаны плавильщики и рудокопы, набраны рекруты, переселено 100 ссыльныхъ, и поставленъ былъ комендантъ этого мѣста—артиллеріи поручикъ. Красивые дома были построены по образцу екатеринбургскихъ, на Уралѣ; между ними находилась канцелярія, харчевня, мастерская для рабочихъ. Здѣсь былъ устроенъ также и госпиталь. Поселеніе было огорожено палисадами. На видъ оно было цвѣтущимъ. Но что же вы-

---

го ржанаго и яроваго хлѣба выдѣляти на государя десятой снопъ, изверставъ изо всѣхъ поровну, изъ лучшихъ лучшую, съ середней середнюю, изъ худыхъ худую, да изъ тѣхъ государевыхъ десятинъ и изъ того выдѣльнаго хлѣба, изъ сколькихъ доведется, учинить опытъ, обмолотить, да что по опыту въ умолотѣ того хлѣба будетъ, и имъ изъ того опытнаго хлѣба смѣрить въ пудовую припускную кадь, и сколько котораго хлѣба по опыту въ мѣрѣ будетъ, о томъ отписать къ воеводамъ Вас. Никитичу Пушкину съ товарищи.“ Дальше требуются подробныя извѣстія о количествѣ хлѣба, побитаго морозомъ, потопленнаго водою, вытертаго льдомъ, и т. п. Дополн. т. II, № 73. стр. 178—179.

*) Дополн. т. VIII, № 34.

шло отъ безхлѣбья изъ всей этой, по видимому, благоустроенной колонизаціи? Ссыльные всѣ разбѣжались; крестьяне, присланные для работъ издалека, также мало по малу разошлись, потому единственно, что, по недостатку хлѣба, должны были питаться исключительно произведеніями стадъ. Такимъ образомъ, поселенія опустѣли, потому что, при обиліи мяса, не было хлѣба, и никто не думалъ воздѣлывать плодоносной почвы. Когда Палласъ посѣтилъ эту несчастную колонію (въ 1772 г.), она уже находилась въ развалинахъ, и въ ней обиталъ только одинъ смотритель, состоявшій на пенсіи *).

Степень нужды въ хлѣбѣ и зависящія отъ нея цѣны зерна также имѣютъ вліяніе на движеніе земледѣльческой культуры и колонизаціи. Только высокая цѣна зерна дѣлаетъ лѣса и пустыни обработанными и заселенными **). Въ Россіи, въ наибольшей части мѣстностей, цѣна хлѣба большею частію была низкая, и потому самыя плодоноснѣйшія полосы оставались незаселенными и необработанными ***). Олеарій писалъ: «рѣдко услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства, гдѣ зерно даетъ малый всходъ, земля мало обработывается, такъ какъ крестьяне, запасая себѣ хлѣба на цѣлый годъ, не имѣютъ нужды засѣвать болѣе, и ежегодно употребляютъ только про себя свою богатую жатву. По этому самому, много прекрасной, плодоносной земли остается безъ обработки, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, когда мы проѣзжали черезъ нѣкоторыя мѣстности, покрытыя черною, жирною землею ****). Только въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе истощенія давно расчищенной изъ подъ лѣсовъ почвы и частыхъ отъ того хлѣбныхъ недородовъ, а также вслѣдствіе распространенія винокуренія, — цѣна на хлѣбъ возвысилась; часто хлѣбъ былъ дорогъ. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ даже земскихъ людей: отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городахъ, противъ прежняго, хлѣбу дорогая цѣна? Гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ дали отвѣтъ, что цѣна на хлѣбъ возвысилась, между прочимъ, отъ

*) К. Риттера, землевѣденіе Азіи, т. III, стр. 529.

**) Уже Bosguillebert говорилъ, что цѣна зерна опредѣляетъ, сколь далеко можетъ быть распространена культура (Traité des grains II, 2) „Der hohe Kornpreis macht alle Wüsten-oerter fruchtbar“ и пр. (Philippi Vertheidigter Kornjude, 1765, S. 116.)

***) А. Э. II, 99. III. С. Т. Тр. III, 362. Ворон. акт. I, 54.

****) Путеш. Олеарія, въ Архивѣ Калачева 1859 кн. III, 13.

хлѣбныхъ недородовъ» *). Вслѣдствіе такого возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, съ XVII вѣка замѣтно и болѣе сильное стремленіе къ обработкѣ и заселенію пустыхъ и непочатыхъ земель **). Особенно усилилась земледѣльческая культура и колонизація въ Сибири. И здѣсь, однакожъ, обиліе земли свѣжей и хлѣбородной, легкость годоваго запаса хлѣба и проистекавшая оттого крайняя дешевизна зерна замедляли успѣхи распространенія земледѣльческой разработки и колонизаціи во многихъ лучшихъ мѣстностяхъ Сибири. Красноярскій округъ, напримѣръ, въ Сибири—самый благодатный край для земледѣлія; минусинскій округъ, гдѣ родятся и арбузы, считается даже сибирской Италіей ***). Палласъ съ особеннымъ вниманіемъ указывалъ на плодородіе и удобность для заселенія этой прекрасной области Сибири ****). Но цѣны на хлѣбъ здѣсь были поразительно низкія: пудъ ржаной муки стоилъ отъ 2 до 3 копѣекъ, пшеничной отъ 4 до 5 копѣекъ. Не было выгоды въ большихъ размѣрахъ разработывать и заселять новыя земли, такъ какъ цѣны на хлѣбъ не обусловливали обширной, выгодной хлѣбной торговли. Поэтому самыя лучшія земли оставались необработанными и незаселенными. Во всей Красноярской области, на протяженіи болѣе 600 верстъ въ длину и ширину, въ 1772 г. считалось только 9228 крестьянъ, 807 поселенцевъ, 2023 горожанъ и посадскихъ, которые всѣ занимались земледѣліемъ *****). Не говоримъ, наконецъ, о степени разработанности

*) Полн. Собр. Зак. № 286.

**) Сознана была необходимость развѣдки и разработки земель: «Добро бы было, — говоритъ Юрій Крыжаничъ, выслать углядниковъ по всему царству или паче державникамъ (правителямъ областей) заповѣдать, да бѣху обыскивали и отвѣдывали и обличали: гдѣ ся буйно (изобильно) родитъ, либо родиться можетъ кое жито, зелье, древье, или былье, и проч. И дася учинить тетаномъ (земледѣльцамъ) и жителямъ заповѣдь, да бѣху со всякою марливостью (заботливостью) на тетаніе (земледѣліе) и умноженіе настояли» (Р. Т. розд. III, 44). По регламенту Камеръ-Коллегіи 1719 г. предписывается — «о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи увѣдомитися, и наипаче о томъ старатися, чтобы какъ возможно запустѣлые дворы и земли паки населять, такожъ земледѣліе... вездѣ умножать и къ приращенію приводить». П. С. З. № 3466 п. 13.

***) Записки Сибирскаго отдѣла Географич. общ.

****) Pallas, Reise, Th. III, s. 6. См. также s. 404 и др.

*****) Палласъ, описавши плодородіе Красноярской области, говоритъ о степени населенности ея: Ich bin hierin etwas umständlicher gewesen, um ein Beispiel des Ackerbaues im Ostlichen Sibirien zu geben, und zu zeigen, wie glücklich der Landmann in diesen fruchtbaren Gegenden ist, und wie sehr selbige

и населенности нашей юговосточной и югозападной полосы, заключающей въ себѣ до 90 милл. десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Эта, по выраженію Гакстгаузена, житница Европы во многихъ мѣстахъ представляетъ еще пустыни, ждущія сохи и селитьбы. «Черноземная полоса въ средней и южной Россіи, — говоритъ этотъ писатель, — заключаетъ въ себѣ (считая въ томъ числѣ и ту часть степей, которая еще не воздѣлана, но имѣетъ прекрасную почву) отъ 25 до 25,000 кв. миль самой плодоносной въ мірѣ почвы, но въ настоящее время населена мало и по всей вѣроятности не будетъ густо населена и въ слѣдующемъ столѣтіи. Со временемъ здѣсь образуется огромный хлѣбный магазинъ для Европы» *).

II. Производство хлѣба зависитъ отъ почвы, климата и вообще отъ внѣшней природы. Поэтому земледѣльческая колонизація и культура почти всецѣло подчинена физическимъ законамъ и условіямъ; по самому существу своему она не свободна такъ отъ природы, какъ торгово-индустріальныя, ремесленныя и фабрично-заводскія поселенія. Развитіе и распространеніе этихъ послѣднихъ зависитъ отъ живаго оборота капиталовъ, рынковъ, рабочихъ силъ, отъ путей сообщенія, отъ умственной изобрѣтательности и предпріимчивости, и т. п. А развитіе и распространеніе агрикультурныхъ поселеній всецѣло зависитъ прежде всего отъ почвы и климата, отъ изотермовъ или направленія ровной годовой температуры, отъ изотеровъ или линій одинаковой лѣтней теплоты, отъ изогеотермовъ или линій равной почвенной температуры, отъ химическихъ свойствъ и законовъ почвы, отъ физіологическихъ свойствъ и законовъ произрастанія, и т. п. Поэтому, всѣ удачи или неудачи земледѣльческой колонизаціи зависятъ отъ значенія географическаго распредѣленія, сущности и значенія этихъ физическихъ условій и отъ умѣнья направлять ихъ въ пользу агрикультуры или приспособлять къ нимъ самую агрикультуру. При незнаніи физико-географическихъ, метеорологическихъ и хи-

---

stärker bevölkert zu werden verdienen. Das Krasnojarskische Gebiet beträgt in die Länge und Breite bei sechshundert Werste und hat nicht mehr als etwas über fünfzehn Tausend männliche Seelen zur Bevölkerung, worunter noch drei Tausend Tataren und andre sibirische Völker, welche grösstentheils keinen Ackerbau treiben, sondern von Jagd und Viehzucht leben, mit eingerechnet sind. (Reise. Th. III, S. 7. См. еще S. 13).

*) Тенгоборскаго, о производительн. силахъ Россіи, ч. 1.

мико-физіологическихъ законовъ агрикультуры, земледѣльческія поселенія не могутъ вполнѣ правильно, раціонально-географически распространяться и вполнѣ успѣшно и экономично развиваться. Умственное развитіе и географическое распространеніе ихъ, въ такомъ случаѣ, находится въ рабствѣ у природы, въ пассивной зависимости отъ физическихъ законовъ.

Такъ, во-первыхъ, широты мѣстностей, минимумы и суммы необходимой для культурныхъ растеній теплоты опредѣляютъ различныя агрикультуры широты и предѣлы земледѣльческихъ поселеній. Вотъ краткій перечень условій температуры для нѣкоторыхъ европейскихъ растеній:

Виды.	Крайніе предѣлы въ Европѣ: страны	широта	Minimum необходим. температ.	Сумма минимума.
Hordei spec.	Въ Норвегіи	70°	5°	1250°
Виноградъ	— Германіи	52½	10	2900
Маисъ	— Idem	51	13	2500
Chamaerops humilis	— Ниццѣ	43⅔	19	2700 до 3000
Atractylis cancellata	— Id.	43⅔	15 до 16	3000 до 4000
Mesembryanthemum nodiflorum	— Далмаціи	43	9½	5730
Succowia balearica	— Сардиніи	41	11	5800
Dattier (Phoenix dactylifera)	— Испаніи	39½	18	5100

Культурныя растенія, которыя требуютъ для своего произрастанія отъ 9° до 19° минимума необходимой температуры и отъ 2700° до 5800° суммы необходимаго минимума, очевидно, могутъ обусловливать собою агрикультурную колонизацію только на югѣ Европы, въ странѣ Средиземнаго моря. Виды растеній, требующіе отъ 7° до 13° минимума и отъ 2200° до 3000° суммы, могутъ служить основаніемъ и даннымъ для агрикультурныхъ поселеній въ средней Европѣ, въ Германіи и Франціи. Наконецъ, минимумъ необходимой температуры отъ 5° до 8° и отъ 1250° до 2600° суммы минимума, и растенія, довольствующіяся этимъ количествомъ теплоты, могутъ обусловливать собою агриколярную колонизацію только на сѣверѣ Европы, и притомъ колонизацію и культуру, самую ограниченную, и въ интенсивномъ развитіи, т. е. по количеству и качеству воздѣлываемыхъ растеній, и въ экстенсивномъ, т. е. по географической обширности и пространственному развитію агриколярныхъ по-

селеній. По этому естественному закону, на сѣверѣ Россіи въ сѣверномъ Поморьи, отъ Мезени до Колы и Лапландіи, никакъ не могли развиться обширныя земледѣльческія поселенія, не только съ разнообразнымъ растительнымъ сѣвооборотомъ, но и съ однимъ ячменемъ и рожью. Всѣ попытки земледѣлія на крайнемъ русскомъ сѣверѣ полярный климатъ съ замерзлой почвой разрушалъ, и наши сѣверо-поморскіе поселенцы въ древней Россіи постоянно жаловались, что «на ихъ поморской украйнѣ, на студеномъ морѣ, гдѣ земля пришла каменистая, стужа великая, во все лѣто снѣги мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ» *). Только рѣпа могла еще расти на сѣверѣ, и *рѣпища* изстари распространены были на поляхъ сѣвернаго поморья **). Поэтому, вмѣсто земледѣльческихъ колоній, тамъ устроились поселенія оленеводческія, рыболовныя и море-промышленныя.

Съ поясомъ ячменя становится возможнымъ воздѣлываніе нѣкоторыхъ видовъ хлѣбныхъ растеній, и потому отселѣ начинается географическая область земледѣльческихъ поселеній. Вотъ средняя температура для нѣкоторыхъ предѣловъ и окрестностей ячменя:

Мѣстности	въ апр.	маѣ	іюнѣ	іюлѣ	авгус.	сентяб.	октяб.	лѣто
Фероэ 62°3′	5°55	7°43	11°51	12°83	12°30	10°78	8°08	12°24
								отъ мая до сент. 10 97
Альтенъ въ Норвегіи 70°0′	3 —0.5	4.81	8.14	11.71	10.55	5.66	—0.28	10.13
Улео 65°0′	—3.2	4.9	12.9	16.4	13.7	8.0	3.7	14.34
								отъ мая до сент. 11.18
Архангельскъ 64°32′	0.75	7.25	12.57	15.74	13.39	8.85	2.04	13.9
								отъ мая до сент. 11 56
Якутскъ 62°2′	—8.75	2.75	14.62	20.50	14.50	6.74	—8.50	16.54
								отъ мая до сент. 11.82

Такимъ образомъ метеорологическое состояніе весны, лѣта и осени, во всѣхъ этихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ опредѣляетъ полярный предѣлъ возможности земледѣльческихъ поселеній. Принимая за минимумъ необходимой для хлѣбныхъ растеній температуры 5° или 8°, сумма теплоты отъ 1250° до 1930° или отъ 965° до 1700°

*) А. И. т. IV, стр. 545.

**) А. Юрид. № 110: Новгород. сѣверопом. купчія и данныя.

обусловливаетъ возможность агриколярныхъ поселеній между 62°2′ и 70°0′ с. ш. Принимая за minimum необходимой для развитія растеній температуры 5°, полагаютъ, что въ странахъ, гдѣ дни лѣтніе очень долги, культура ячменя и, слѣдовательно, заведеніе поселеній, которые бы воздѣлывали ячмень, требуютъ суммы температуры:

между 59° и 60° с. ш.	1840°
подъ 62°	1780
между 64½ и 65	1460
подъ 68½	1300
подъ 70°	1250

Такимъ образомъ крайніе полярные предѣлы, гдѣ возможна культура ячменя и, слѣдовательно, земледѣльческая колонизація, обусловливаются:

Суммой температуры, считая отъ минимумовъ

	5°	8°
Подъ 62°2′ с. ш. въ Якутскѣ	1930°	1700
— 62°3′, въ Фероэ среднимъ числомъ		
— 64°32′, въ Архангельскѣ	1610	1472
— 65°9′, въ Улео среднимъ числомъ		
— 68°30′, въ Еконтекисѣ (въ Лапландіи)	1305	1165
— 70°0′, въ Норвегіи	1250	965 *)

Вслѣдствіе такихъ метеорологическихъ законовъ и физико-географическихъ предѣловъ, земледѣльческія поселенія въ Россіи не распространились нигдѣ дальше 66°10′ с. ш. (исключая Самарова подъ 70°,36′, около котораго по словамъ Палласа и Георги, еще сѣяли ячмень и овесъ). Именно въ архангельской губерніи, въ предѣлахъ Усть-Цыльмы, агрикультура и земледѣльческія поселенія оканчиваются подъ 65° с. ш., на границѣ вологодской губерніи къ сѣверу подъ 64¼° с. ш., въ Мезени на сѣверъ отъ Архангельска подъ 65°50′ с. ш. на Шижмѣ подъ 66°10′ с. ш. Такимъ образомъ физико-географическій и климатическій предѣлъ земледѣльческой культуры и колонизаціи,

(*) De-Candolle, Geograph. botan. t. I, p. 357.

на сѣверѣ Великороссіи, лежитъ между 65°50′ и 66°10′ с. ш. *) Здѣсь, слѣдовательно, сама природа полагаетъ предѣлъ земледѣльческой колонизаціи. И культурѣ, особенно невооруженной силою знаній, трудно было бороться съ климатическими и почвенными препятствіями и противодѣйствіями. Оттого, русскія поселенія здѣсь изнывали въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ и, какъ мы упоминали уже, постоянно жаловались, что мѣсто у нихъ подкаменное, студеное, подошло къ студеному океану—морю, что во все лѣто снѣги мало сходятъ и хлѣбъ по вся лѣта побиваетъ морозомъ. «Во всемъ Поморіи, — говоритъ жизнеописатель Трифона печенгскаго, — бяше великій гладъ, многіе годы овощіе и хлѣбъ побивашеся мразомъ» **) Вслѣдствіе неблагопріятныхъ для земледѣлія климатическихъ условій, населеніе въ сѣверномъ поморьи всегда было рѣдкое; деревни были маленькіе и разбросаны на далекомъ одна отъ другой разстояніи. Не говоримъ уже о кольскихъ и мурманскихъ рыбацкихъ поселеніяхъ, даже южнѣе 64° с. ш, напримѣръ въ лопскихъ погостахъ населенность деревень, въ XVI и XVII в., была самая малая. Такъ въ трехъ уѣздахъ вотской пятины—ладожскомъ, орѣховомъ и корельскомъ изъ 2710 деревень, въ 1419 деревняхъ было только по 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ только въ 58 деревняхъ, отъ 30 же до 45 дворовъ только въ 4 селахъ, и наконецъ, только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ ***). Волость отъ волости, погостъ отъ погоста

(*) Де-Кандоль (Geogr. botan. t. I, p. 335) говоритъ: En Russie, l'agriculture avance moins vers le nord; mais la population est rare dans cette partie de l'impire, et l'on n'a pas encore essayé tout ce que comporterait le climat. M. E. Meyer admettait en 1840 (Plant. Labrad. p. 132) que vers Archangel et Ust-Silma, l'agriculture atteint á peine le 65° degrè; elle a fait des progrès depuis quelques années, et M. Trautvetter, qui a puisé á de bonnes sources, indique d'une manière precise la limite des cultures de céréales c'est-à dire dans ce cas, la limite de l'Orge (Pflanz. Geogr. Varhältn. Europ. Russlandt, in-8°; Heft, III, p. 28). Selon cet auteur elle est à Mesen, au nord d'Archangel, sous 65° 50 lat., puis vers l'est, elle passe á Ishemskaja (64 degrés $^1/_2$ environ), et vers l'Oural, elle aboutit au point de contact des deux provinces d'Archangel et de Vologda sous le 64° degrè $^1/_4$ de latitude. A Mesen, on sème ou commencement de mai et l'on récolte en août. On essaie encore plus loin, car d'après Stuckenberg, il y a de l'orge à Sjemscha (66° 10′) et à Mylo, encore plus au nord, et d'après Schrenk (Trautr. ib. p. 62) jusqu'au 66° degré de latitude au N. E. de Mesen. M. Trautvetter admet pourtant comme limite celle indiquee tout à l'heure. Elle oscille de 65° 50′ à 66 degres.

*) Въ рукоп. Солов. библ. Житіе Трифона Печенегск. № 182.

**) Окладн. Новгород. книга въ 11 и 12 кн. Временника за 1852 г.

отстояли верстъ за 70, 80, за 100 и болѣе *). Отъ морозовъ, побивавшихъ хлѣбъ почти повсегодно, многія поселенія пустѣли, такъ что въ каждомъ погостѣ было деревень 20, 30 и болѣе пустыхъ, а часто цѣлыя погосты и волости опустѣвали отъ хлѣбнаго недорода вслѣдствіе морозовъ**). По суровости климата, огромныя пространства оставались невоздѣланными и незаселенными, и въ тѣхъ рѣдкихъ поселеніяхъ, какія существовали, жители не воздѣлывали и почти не употребляли хлѣба ***) Крайній недостатокъ хлѣба препятствовалъ умноженію народонаселенія и расширенію не только земледѣльческихъ, но и торгово-промышленныхъ и заводскихъ поселеній. Де-Геннинъ, въ 1717 г. ноября 7 писалъ съ петровскихъ заводовъ: «хлѣба нѣтъ и мастерамъ и мастеровымъ людямъ, которые находятся при олонецкихъ заводахъ у разныхъ дѣлъ, на прокормленіе дать нечего... И въ олонецкомъ уѣздѣ, во всѣхъ погостахъ, хлѣбомъ съ нуждою пронимались сами». «У нашихъ лопскихъ мужиковъ, писалъ Геннинъ 17 іюля 1718 г., хлѣба ни горсти нѣтъ, кромѣ того, что питаются сосновою корою... И нынѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣбъ ростетъ весьма плохъ. Хлѣба-рожъ и овесъ принимаются съ трудомъ». ****) По такой трудности земледѣлія, особенно на крайнемъ сѣверѣ поморья, за 64° с. ш., вмѣсто земледѣльческихъ колоній естественно устроились преимущественно поселенія лопарскія, оленеводческія, рыболовныя и особенно морепромышленыя. «Море вотъ наше поле, наша пашня» такъ говорятъ доселѣ поморцы. Отъ хлѣбнаго недороду, поморцы охотно шли на олонецкія петровскія заводы. Іюля 20, 1715 г. де-Геннинъ писалъ: «хотя и тягостна заводская работа, однакоже, при моей бытности, многое число олонецкаго уѣзда мужиковъ пришло жить съ иныхъ уѣздовъ» *****) А въ XVII в. отъ хлѣбнаго недорода Поморцы толпами переселялись въ хлѣбородныя земли Сибири******). Здѣсь на сѣверѣ Сибири, земледѣльческая колонизація и культура еще до такой степени слаба и такъ мало изслѣдовала и покорила физико-географическую природу, что хорошо неизвѣстны даже изогеометри-

*) Собран. архіер. грам. Рукоп. Солов. подъ № 20. № 40.

**) Неволина—о пятин. и погост. Новгор. прилож. VI и др.

***) Горн. Журн. за 1826 г. № 11, стр. 143—144 и 152.

****) Regim moscvit. p. 77, 79 и 80.

*****) Дополн. къ А. И. т. III, № 14.

******) Горн. Журн. 1826 № 1, стр. 103.

ческіе и климатическіе предѣлы агрикультуры. По свидѣтельству Палласа и Георги, ячмень и овесъ сѣяли даже у Самарова, подъ 70°36′ с. ш. и у Сургута, подъ 61°25′, но попытки были неудачны. Безсиліе колонизаціи въ агрикультурной борьбѣ съ климатомъ показалось также въ колоніи Богословской у Урала, подъ 59°45 с. ш. на высотѣ 822 ф. Неудача здѣсь земледѣлія побудила Купфера помѣстить эту мѣстность внѣ предѣла агрикультуры. Вѣроятно, замѣчаетъ Декандоль, предполагаютъ культуру невозможною безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, потому что не было болѣе положительныхъ опытовъ. Народонаселеніе Сибири еще слабо, и его занятія ограничиваются слабыми попытками культуры. У Березова на Оби ячмень очень хорошо родится подъ 63°55′ с. ш. Въ центрѣ Сибири, у Якутска, по словамъ Георги, воздѣлывали ячмень на берегахъ Вилюя, подъ 64° с. ш. *) Вообще подъ 64° и даже подъ 62° с. ш. едва ли не предѣлъ сколько нибудь успѣшной агрикультуры и возможности земледѣльческихъ поселеній. Линія, по которой кончается въ Сибири яровое земледѣліе и земледѣльческая колонизація, по болѣе точнымъ извѣстіямъ, идетъ при слѣдующихъ точкахъ: въ Камчаткѣ до шир. 57°, на сѣверномъ берегу Охотскаго моря не далѣе 59°30′, по Ленѣ до широты 62, по Енисею въ волости Анциферовой почти при 60°, по Иртышу въ селѣ Ряполовскомъ въ ш. 59°, на восточномъ предгорьи Урала еще ближе послѣдней широты. Притомъ по всей линіи не видно возвышающейся

(*) Де-Кандоль говоритъ: „Dans le nord de la Siberie, la limite est bien peu connue, surtout la limite de ce qui serait possible si la population était moins rare et multipliait les essais. D'après Pallas et Georgi (extr. par E. Mey, plant Labrad. p. 140), on ne cultive près de Samarof (lat. 70°, 36′, long. 65 degrés E. P.) que de l'orge et de l'avoine, et près de Surgutt (lat. 61°, 25′, long. 70° E. P.) les tentatives faites par les habitants avaient été si malheureuses qu'on a renoncé á semer. A Rogoslovsk, établissement de mines près de l'Oural sous le 59° 45′, à 822 p. d'élévation (Ermad, Reise t. I, p. 410), on a l'opinion qu'il serait impossible ne cultiver des céréales et même des choux et des raves, M. Kupfer place cette localitè hors de la limite; mais il parait plutôt, d'après les expressions du voyageur Erman, que des essais convenables n'ont pas encore été faits. On croit toute culture impossible, peut-être sans en avoir des preuves positives. La population est faible, et ses occupations la détournent des essais de culture. A. Beresow, sur l'Obi, 63° 55′ lat. l'Orge réussit très bien (Erman, Reise I. p. 603). Dans le centre de la Sibérie, près de Jakoutsk, on cultive de l'Orge sur les rives de la Wilvim, affluent de la Lena (64° lat), selon Georgi; et près de Amginsk, sous le 61 degré, il ne manque pas de céréales de même que dans le pays quisèpare Jakoutsk du fleuve Aldan, selon le temognage

постепенности въ хлѣбномъ плодородіи, отъ востока къ западу. Не видно также, чтобы съ углубленіемъ материка въ полярный кругъ, плодородіе простиралось пропорціонально продолженію матерой земли. Страны, выше 62° с. ш., кажется, обречены только на рѣдкія, малолюдныя и скучныя поселенія кочевыя, оленныя, рыбацкія, звѣроловческія и море-промышленныя. Русскіе тамъ нерѣдко умирали отъ суровости климата и безхлѣбья. Напримѣръ, въ 1759 г. въ отдаленныхъ отъ Якутска острогахъ умерло до 40 человѣкъ изъ служилыхъ командъ: они, какъ сказано въ указѣ 7 декабря 1760 г., ѣли кожи и ремни *). Правительству стоило значительныхъ хлопотъ поддерживать земледѣльческую колонизацію въ холодномъ, восточномъ поясѣ Сибири, не только подъ 62°, но и до 57° с. ш. Не даромъ оно заботливо освѣдомлялось объ ущербахъ, какіе претерпѣвали отъ морозовъ первыя земледѣльческія поселенія въ верховьяхъ Лены. Такъ въ 1644 г. Ленскіе воеводы наказывали служилымъ людямъ «досматривать у новопашенныхъ поселенцевъ, родился ли у нихъ хлѣбъ, и буде родился, и морозомъ тотъ хлѣбъ не побило ли, и буде побило, сколько десятинъ морозомъ побило», и проч. **) Чуть въ какой нибудь новоустроенной пашенной слободѣ морозъ побивалъ хлѣбъ, правительство немедленно велѣло выдавать поселянамъ хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, чтобы они не разбрелись и пашни не бросили. Такъ, въ 1678 г. Бирюльскіе пашенные крестьяне били челомъ, что «де въ 186 году, о Ильинѣ дни, въ Бирюльской волости на государевыхъ десятинахъ и на крестьянской пахотѣ хлѣбъ вызябъ весь безъ остатку, а у иныхъ крестьянъ остатки небольшіе отъ морозовъ остались, а у которыхъ де крестьянъ хлѣбъ вызябъ, и имъ де нынѣ кормиться

---

du voyageur Sarytschew (cité par E. Mey, ib.) A. Jakoutsk, on a même du froment d'été (Erman, Reise II, p. 253), par conséquent à plus forte raison de l'Orge. S. 335—336). І. Ф. Скау въ статьѣ о географическомъ распредѣленіи хлѣбныхъ растеній „говоритъ“: Обращаясь отъ скандинавіи къ востоку, мы находимъ склоненіе линіи хлѣбныхъ растеній уже въ Европейской Россіи, сѣвернѣе она идетъ у Архангельска подъ 67°. Замѣтнѣе склоненіе этой линіи въ азіятской Россіи; у Оби сѣверная граница хлѣбовъ проходитъ подъ 67°, у Енисея подъ 58°, у Лены подъ 75° (?) широты; въ Камчаткѣ, въ южной части которой воздѣлывается весьма мало хлѣбовъ, она опускается до 51°.

*) Историч. обозрѣн. Сибири, Словцова, 11, стр. 323—324.

**) Дополн. къ А. И. т. 11, № 73, стр. 178—179.

нечѣмъ». Вслѣдствіе этого, крестьянамъ велѣно было выдать хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, «чтобы ихъ одержать въ волостѣ и врознь не разбрелись бы и пашни не запустили бы» *). Если въ верховьяхъ Лены, или подъ 55° 58° с. ш. климатъ затруднялъ распространеніе и утвержденіе земледѣльческой колонизаціи, то на сѣверѣ, подъ 62° с. ш. еще труднѣе было ее водворить. Въ 1640—1643 г ленскій воевода Головинъ отписывалъ: «а въ якутскомъ, по сказкѣ торговыхъ и промышленныхъ служилыхъ людей *хлѣбной пашни нечаятъ*, земля и середи лѣта все не растаиваетъ. Въ якутской области всего яснѣе обнаружилась трудность земледѣльческой колонизаціи, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, безъ пособія науки и искусства. Вотъ что объ этомъ писалъ Н. Щукинъ въ 1844 году: «казаки, проникнувъ съ Сибирь, нашли тамъ жителей незнающихъ земледѣлія, но питающихся мясомъ и молокомъ въ различныхъ измѣненіяхъ. Русскому хлѣбъ столько же необходимъ, сколько свѣтъ дневной. Пища побѣжденныхъ народовъ была непривычна имъ, а въ иныхъ случаяхъ и противна уставамъ церкви. Казаки должны были везти съ собою провіантъ. Сколько разъ писали они, что, плавая по Охотскому морю безъ провіанта осквернили душу свою тюленями и другими морскими звѣрями. Начальство уважило эту крайность и завело хлѣбопашество на рѣкѣ Енисеѣ. Земледѣліе, подаваясь вслѣдъ за успѣхами казаковъ отъ запада къ востоку, достигло береговъ Илима, а потомъ и Лены. Но почва якутской земли никогда не таетъ глубже аршина, и потомуранніе холода лѣтомъ не благопріятствовали земледѣлію. Подъ 57° широты, на устьѣ р. Киренги, заложенъ городъ Киренскъ, и первые опыты земледѣлія тамъ удались, и жители Якутска оставили земледѣліе. Между тѣмъ, къ юговостоку отъ Якутска по р. Амгѣ, впадающей въ рѣку Алданъ, основано руское селеніе. Здѣсь земледѣліе поддерживалось кое какъ. Крестьене объякутились и привыкли къ мясной и молочной пищѣ. Мысль, что хлѣбъ не можетъ родится въ якутской области, сдѣлалась общею и внесена въ географію и статистику. Г. Бардовскій, въ изданной въ 1837 географіи, говоритъ, что рожь родится только въ Енисѣе, а далѣе къ востоку урожай ненадеженъ. На чемъ основалъ г. Бардовскій столь рѣшительное опредѣленіе, нельзя постигнуть. Если въ статистикѣ

(*) Дополн. т. VIII, № 34. (3) Доп. II, № 90.

г. Зябловскаго и сказано, что иркутская губернія не удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но значительную часть его получаетъ изъ томской губерніи, то показаніе это давно опровергнуто. Хлѣбъ родится худо только за 57° широты, а южная часть иркутской губерніи не только что удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но каждый годъ до 600,000 пудовъ отпускаетъ его въ Китай и въ якутскую область. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ городѣ Олекмѣ, на берегу Лены подъ 60° с. ш. тамошній коммисаръ Звѣревъ, не зная ни о широтѣ мѣста, ни объ улучшенномъ хозяйствѣ, посѣялъ рожь. Опытъ былъ неудаченъ. На слѣдующее лѣто онъ посѣялъ ярицу и ячмень. Первая замерзла въ колосу, второй созрѣлъ совершенно. Такимъ образомъ, изучивъ въ нѣсколько лѣтъ почву и климатъ, онъ дошелъ до того, что сталъ довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Явились подражатели. Хлѣбъ начали сѣять въ другихъ мѣстахъ. Но неудачи охладили рвеніе, а надежда на звѣриные промыслы льстила лучшими выгодами. Земледѣліе оставлено и поддерживалось кое-гдѣ въ ничтожномъ размѣрѣ. Въ 1835 г. одинъ чиновникъ въ Якутскѣ посѣялъ для опыта ярицу, хлѣбъ созрѣлъ и снятъ благополучно. Здѣсь опять явились подражатели, и земледѣліе шло съ перемѣннымъ успѣхомъ. Обыкновенно, хлѣбъ, не созрѣвши въ колосѣ, гибнулъ отъ павшихъ въ началѣ Августа инеевъ. Для полнаго созрѣнія жита не доставало недѣль двухъ теплаго времени въ концѣ лѣта. Многолѣтніе опыты научили, что весною не должно упускать ни одного теплаго дня и сѣять хлѣбъ тотчасъ, какъ скоро снѣгъ сойдетъ съ земли... Вообще опыты земледѣлія, доселѣ производимые, доказали, что хлѣбъ въ якутской области можетъ родиться только при благопріятныхъ случаяхъ; можетъ быть, со временемъ, когда оклиматизируются сѣмена, когда дознанъ будетъ способъ полеводства, земледѣліе и станетъ въ число принадлежностей сельскаго хозяйства; но теперь оно въ страдательномъ положеніи. *) Первый опытъ хлѣбопашества въ якутскомъ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 году, когда сибирскій дворя-

*) Н. Щукина, поѣздка въ Якутскъ 1844, стр. 241—245. „Вотъ, продолжаетъ онъ, нѣсколько видовъ якутскаго земледѣлія. Въ 1840 г. купецъ Леонтьевъ имѣлъ 17 десятинъ озимаго и 35 яроваго. Снялъ озимаго 137 четв. яроваго 262 четв. Купецъ Шиловъ имѣлъ 7 десятинъ озимаго и 17 десят яроваго. Снялъ перваго 21 четв., а втораго 106 четв. Почетная гражданка Колесова съ 15 десятинъ сняла 123 четв. За русскими увяеклись якуты и проч. стр. 245.

нинъ И. Старостинъ получилъ во владѣніе участокъ земли близь Якутска. Сначала попытки его были въ самомъ маломъ размѣрѣ, а потомъ, чтобы пріохотить другихъ, Старостинъ увеличилъ хлѣбопашество и засѣвалъ свои пашни только яровымъ хлѣбомъ. Въ 1768 г. были поселены отъ Якутска по тракту иркутскому нѣсколько семействъ поселенцевъ и небольшая часть изъ нихъ въ 1775 г. была переведена въ амгинскую слободу, собственно съ цѣлію водворенія тамъ хлѣбопашества. Долина р. Амги представляетъ всѣ выгодныя условія для земледѣлія; съ первыхъ лѣтъ переселенцы занялись обработываніемъ полей, но впослѣдствіи, переженившись на якуткахъ и свыкшись съ образомъ ихъ кочевой, скотоводческой жизни, бросили земледѣліе, такъ что оно вовсе тамъ прекратилось. Неудачи, причиняемыя суровымъ климатомъ, ослабляли энергію лѣнивыхъ русскихъ натуръ, неумѣющихъ раціонально и устойчиво бороться съ природою. Только назначенный въ 1800 г. въ амгинскую слободу коммиссаръ Неоструевъ, получивъ особое предписаніе о распространеніи хлѣбопашества и преслѣдуя праздность и нерадѣніе переселенцевъ, принудилъ ихъ къ воздѣлыванію земли, и съ тѣхъ поръ, по настоящее время, разведеніе зернового хлѣба было производимо на земляхъ амгинскихъ съ постояннымъ успѣхомъ. Во всей якутской области хлѣбопашество производится только въ двухъ округахъ: якутскомъ и олекминскомъ. По свѣденіямъ за 1835 г., всего въ области на 349 десятинахъ посѣяно было озимаго хлѣба $4\frac{3}{8}$ и яроваго $365\frac{5}{8}$; родилось перваго $26\frac{2}{8}$ и втораго $2,241\frac{4}{64}$ четверти. При всей суровости климата *), растительность въ якутскомъ краѣ необыкновенно сильна, развитіе ее совершается съ удивительною быстротою. И въ послѣдніе годы, т. е. съ 1853 г., хлѣбопашество въ Якутскѣ получило значительные размѣры. Съ переселеніемъ на берега р. Маи забайкальскихъ, верхнеудинскихъ крестьянъ, отличное трудолюбіе ихъ къ воздѣлыванію земель и знаніе этого дѣла поучительно подѣйствовали и на якутовъ. Вслѣдствіе благодѣтельнаго примѣра русской земледѣльческой колоніи, въ 1853 году сдѣланы были въ кутурусскомъ улусѣ небольшіе засѣвы; успѣхъ увѣнчалъ труды якутовъ, удачный урожай рѣшительно пріохотилъ ихъ къ разработкѣ полей. Примѣру ихъ послѣдовалъ и со-

*) См. таблицы наблюденій г. Давыдова въ кн. Dr. A. Th. V, Middendorfs Sibirische Reise, Band I, Theil 1.

сѣдній намскій улусъ, въ которомъ весною 1854 г. засѣяно до 2000 пудъ ячменъ, а въ 1855 г. въ намскомъ и бутурусскомъ улусахъ посѣвъ состоялъ изъ 4000 пудовъ ячменя, и также сдѣланы были опыты сѣянія пшеницы и овса. *)

Точно также климатъ затруднялъ развитіе земледѣльческихъ поселеній въ Камчаткѣ. **) Въ восточной, приморской сторонѣ ея климатъ вовсе неблагопріятенъ для земледѣлія: холодные туманы и морскіе вѣтры мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ растеній. Крашенинниковъ, довольно подробно описывая климатическое состояніе Камчатки, между прочимъ, говоритъ: «зима и осень составляютъ тамъ большую половину года, такъ что настоящей весны и лѣта не болѣе 4 мѣсяцевъ положить можно: ибо деревья начинаютъ тамъ распускаться въ исходѣ іюня, а иней падать въ началѣ августа мѣсяца... Лѣто (въ большерѣцкомъ вѣдомствѣ по пенжинскому морю) весьма неспокойно, мокро и холодно; а причиною тому великое исхожденіе народовъ, и около лежащія, нетающимъ снѣгомъ покрытыя горы. Часто случается, что по недѣлѣ, по двѣ и по три солнца небываетъ видно; напротивъ того не случалось во всю мою бытность, чтобъ недѣлю сряду было ведро. Нѣтъ такого яснаго по тамошнему мѣсту дни, въ который бы съ утра не видно было туману, который какъ сильный мелкій дождь до тѣхъ поръ продолжается, пока солнце близко къ полудню приближается, а отъ того ненастья, также и отъ помянутыхъ горъ, бываетъ въ приморскихъ мѣстахъ такая стужа, что безъ теплаго платья пробыть отнюдь невозможно... Объявленное лѣтнее не спокойство бываетъ причиною неплодородія земли.» ***). Напротивъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ моря, особенно около верх-

---

*) Записки Сибирск. отдѣла Географич. общества, кн. V, 1858 г. „о началѣ и развитіи хлѣбопашества въ якутской области“—Давыдова. II, стр. 13.

**) Декандоль говоритъ о камчатскомъ климатѣ и земледѣліи: «Sur la côte orientale du Kamtschatka, même sous le 53° 4′ lat., le climat est tout à fait contraire aux céréales. Da Chamisso (Linn. I, p. 2) dit qu'á Saint-Paul et Saint-Pierre, localité assez abritée des vents de mer, elles n'ont pas réussi, et que l'on a dû se borner aux pommes de terre et á quelques légumes. Il paraît cependant qu'il y a des points plus favorables á la culture, dans l'intérieur de la péninsule du Kamtschatka. Steller (cité par E. Mey ib. p. 151) mentionne de l'Orge cultivée près d'un couvent par des moines. Le littoral, même au midi, est battu de vents humides, qui empêchent les grains de mûrir convenablement (Malte-Brun, Geogr. III, p. 397. Geograph. botaniq. t. I, p. 336).

***) Опис. земли Камчатки. Спб. 1786 г. ч. стр. 160—170. См. также Лессенсово путешествіе по Камчаткѣ. 1801 г. ч. I. стр. 17—18.

БИБЛІОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА

няго камчатскаго острога, климатъ, по наблюденію Крашенинникова и другихъ, умѣреннѣе, теплѣе, суше, и благопріятствуетъ земледѣлію. Вслѣдствіе такой раздвоенности метеорологическаго состоянія Камчатки, различны были и мнѣнія о возможности земледѣльческой колонизаціи Камчатки. Одни находили климатъ Камчатки рѣшительно неблагопріятнымъ для водворенія и развитія земледѣльческихъ поселеній. И неудачные опыты агрикультуры утверждали это мнѣніе. *) Другіе же вѣрили въ возможность земледѣльческихъ колоній и хлѣбопашества во внутренней, континентальной Камчаткѣ. Крашенинниковъ писалъ: «О состояніи Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ея больше, или важнѣе преимущества. Что она безхлѣбное мѣсто и нескотное, что великимъ опасностямъ отъ частыхъ землетрясеній и наводненій подвержено, что большая часть времени проходитъ тамъ въ неспокойныхъ погодахъ, и что напослѣдокъ одно почти тамъ увеселеніе смотрѣть на превысокія и нетающимъ снѣгомъ покрытыя горы, или живучи при морѣ слушать шуму морскаго волненія, и глядя на разныхъ морскихъ животныхъ, примѣчать нравы ихъ и взаимную вражду и дружбу; то кажется, что она страна больше къ обитанію звѣрей, нежели людей способна. Но ежели напротивъ того взять въ разсужденіе, что тамъ здоровый воздухъ и воды, что нѣтъ неспокойства отъ лѣтняго жару и зимняго холоду, нѣтъ никакихъ опасныхъ болѣзней, какъ напримѣръ моровой язвы, горячки, лихорадки, воспы и имъ подобныхъ, нѣтъ страху отъ грома и молніи, и нѣтъ опасности отъ ядовитыхъ животныхъ: то должно признаться, что она къ житію человѣческому не меньше удобна, какъ и страны всѣмъ изобильныя, которыя по большой части объявленнымъ болѣзнямъ или опасностямъ подвержены, особливо же, что нѣкоторые недостатки ея со временемъ награждены быть могутъ: а именно, оскудѣніе въ хлѣбѣ заведеніемъ пашни, чему начало давно уже положено, и отправлено туда нѣсколько семей крестьянъ съ довольнымъ числомъ лошадей, рогатаго скота и всякихъ принадлежащихъ къ пашнѣ потребностей. Около вершинъ рѣки Камчатки, особливо же около верхняго камчатскаго острога и вверхъ по р. Козыревской, по мнѣнію Стеллера, могутъ родиться яровые хлѣба и озимь столь же хорошо, какъ и въ другихъ мѣстахъ подъ такою

*) См. въ Сѣверн. Архивѣ 1823 г. ч. VI, № 7 отд. III: „Краткое извѣстіе о Камчатскомъ земледѣліи“.

широтою лежащихъ; для того что земля тамъ широка, снѣги падаютъ хотя глубокіе, однако сходятъ заблаговременно; сверхъ того вешняя погода въ тѣхъ мѣстахъ гораздо суше противъ приморскихъ, и не бываетъ тамъ исхожденія паровъ великихъ. Что касается до яровыхъ хлѣбовъ, то какъ въ верхнемъ, такъ и въ старомъ нижнемъ камчатскомъ острогѣ многими опытами извѣдано, что ячмень и овесъ родятся тамъ столь изрядные, что лучшихъ желать не можно. *)

Съ крайнихъ сѣверо-восточныхъ границъ ячменя обратимся на югъ Россіи, въ поясъ винограда. Здѣсь климатъ благопріятствуетъ произрастанію и созрѣванію винограда: въ Буковинѣ и Могилевѣ подъ 48° с. ш. въ Кременчугѣ подъ 49°, на степяхъ Дона отъ Аксая до Черкасска, въ предѣлахъ Волги до 48°, до колоніи Сарепты, а по словамъ Палласа до Саратова и Царицына, до колоніи Верхней Добрянки, или до Дмитріевска и Камышина, т. е. почти до 50° с. ш. «Ни въ какой части земли, говоритъ Гумбольдтъ, даже на Канарскихъ островахъ, въ Испаніи или южной Франціи, я не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ плодовъ, особенно такого прекраснаго винограда, какъ въ Астрахани, близь каспійскаго моря (46° 21'). При средней годовой температурѣ около 9°, тамъ средня лѣтняя температура доходитъ до 21° 2', какъ около Бордо: тогда какъ зимою не только въ Астрахани, но еще гораздо южнѣе, въ Кизлярѣ у устья Терека (подъ широтой Авиньона и Римини) термометръ опускается до 25° и 30° мороза». **) Благопріятствуя такимъ образомъ разведенію винограда, южный климатъ, при этомъ, и въ самыхъ жителяхъ обусловливаетъ другую химико-физіологическую потребность, именно преимущественную потребность пищи плодовой, содержащей въ себѣ гораздо больше кислорода и меньше углерода, чѣмъ содержитъ ихъ полярная, жирно-мясная пища. «Плоды, говоритъ Либихъ, служащіе пищею для южнаго жителя, содержатъ въ свѣжемъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода, между тѣмъ какъ сало и жиръ, употребляемые жителями полярныхъ странъ, содержатъ отъ 66 до 80 процентовъ углерода.» Этотъ-то химико-физіологическій законъ былъ причиною того, что русскіе люди, поселившись на сѣверѣ, въ Поморьи, подъ 60°—68° с. ш., употребляли всѣ усилія на добычу жирной пищи—трески, палтуси-

*) Крашенинникова, описан. Камчатки. 1786 г. ч. II, стр. 150—152.

**) Космосъ, II. стр. 286.

ны, семги и тюленьяго жира и, не смотря на всю безплодную каменистость и мшистость почвы, не смотря на климатическія препятствія, все-таки бились изъ всѣхъ силъ, добывая хлѣбъ, и брались за хлѣбопашество; а поселившись на югѣ русской земли, въ тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и кукурузы, тѣ же русскіе люди явились лѣнивыми къ хлѣбопашеству и предались больше садоводству, культурѣ винограда и фруктовъ. Такимъ образомъ, виноградъ и вообще садоводство были главными или отличительными мотивами нашей колонизаціи на югѣ, начиная даже съ Дону. На Донъ виноградъ привезенъ моремъ колонистами изъ Греціи. Со времени Петра Великаго разведеніе его завлекло и заняло значительную часть донскаго населенія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны, виноградарство на Дону получило еще большее развитіе, и ведерниковская станица производила вино въ значительномъ количествѣ. Во время атаманства Платова, выписаны были изъ герцогства нассаускаго нѣмецкіе винодѣльцы-колонисты. Въ настоящее время почти всѣ донскіе виноградники тянутся, по правому нагорному берегу Дона. Виноградъ разводится въ самыхъ сѣверныхъ придонскихъ станицахъ: въ усть-медвѣдицкой, кременской, вешенской и казанской; онъ разведенъ даже въ хоперскомъ округѣ. По мѣстонахожденію, главныя виноградарскія поселенія, тянущіяся отъ нижне-чирской станицы до самаго моря, образуютъ три группы. Первая, наименьшая, лежитъ между станицами нижне-чирскою и кобылинскою. Вторая, средняя, какъ по величинѣ, такъ и по мѣстоположенію, находится между станицами цымлянскою и кумшацкою. Третья, наибольшая, начинается отъ константиновской станицы и продолжается черезъ золотовскую, кочетовскую, семикаракорскую, раздорскую, меляховскую станицы до самой бесергеневской. Въ 1859 г. считалось во всей области 2,477 виноградныхъ садовъ, а въ 1848 г. около 5,000 садовъ. *) Въ Астрахани, разведеніе винограда стало привлекать и занимать русское населеніе особенно съ половины XVII вѣка. По свидѣтельству актовъ, всякихъ чиновъ русскіе люди, монастыри, выходцы нѣмецкіе и французскіе и разные другіе иноземцы селились въ Астрахани и «строили и заводили виноградные сады». **) Въ

*) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Опис. земли войска донскаго, стр. 318—327.

**) Дополн. къ А. И. т. IV, № 60.

то же время, разведеніе винограда привлекало русскую колонизацію на Кубань и Терекъ. Въ 1652 г., декабря 20 дня, Алексѣй Михайловичъ писалъ астраханскимъ воеводамъ, что «по слухамъ, до него дошедшимъ, на Терекѣ ростетъ *виноградное кустье*, а потому, выбравъ русскихъ людей, бывшихъ питейнаго дѣла у нѣмецкихъ мастеровъ въ ученьи, и которымъ бы питейное дѣло было за обычай, должно послать ихъ на Терекъ для разводки винограда и для винодѣлья. *) Въ концѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII вѣка на Терекъ и Кубань мало по малу бѣжали разные русскіе люди, преимущественно казаки и старообрядцы. Въ 1773 г., на лѣвомъ берегу Терека, въ собственно-русскихъ поселеніяхъ, считалось: гребенскихъ служащихъ казаковъ 500 чел., семейскихъ 450, волжскихъ 507, кромѣ гарнизонныхъ, солдатскихъ поселеній. Прочіе поселенцы были: казацкіе инвалиды, русскіе, татарскіе и арменскіе купцы. Въ Кизлярѣ была смѣсь самыхъ разноплеменныхъ поселенцевъ. Всѣ эти жители Терека, Кизляра, Моздокской линіи и т. д., по видимому, должны бы были усердно заняться земледѣліемъ, такъ какъ земли тамошнія, по словамъ Фалька, «исполнены плодоносными, для земледѣлія весьма хорошими мѣстами, не нуждаются даже въ удобреніи, и неурожая почти никогда не бываетъ; обыкновенная жатва вознаграждала въ 10 и 15 разъ. Фалькъ проектировалъ даже для этого края спеціальную земледѣльческую колонизацію. **) Но не смотря на то, движимые больше естественною продуктивною особенностью, самородностью мѣста, поселенцы къ земледѣлію были весьма лѣнивы, не высѣвали хлѣба даже столько, сколько нужно было для своего расхода и винокуренія. Вмѣсто того, они всѣ больше радѣли къ садоводству. «Садоводства по Тереку, — говоритъ Фалькъ, — болѣе, нежели земледѣлія. Вездѣ при станицахъ, а особливо при Моздокѣ и Кизлярѣ, видно много садовъ и огородовъ. Въ плодоносныхъ садахъ находятся кислосладкія яблоки и разные породы грушъ, ростущихъ на горахъ дико. Вишни и сливы, даже абрикосы и персики, ростутъ на открытомъ воздухѣ. Во многихъ садахъ есть миндальные деревья. Есть въ садахъ фиги, росшія на открытомъ грунтѣ. Разведеніе винограда составляетъ главную часть садоводства. Сѣяли также во множествѣ сарацынское пшено. Арбузовъ садили въ ого-

*) А. И. т. IV, № 63.

**) Собран. Путешеств. академ. т. VI. Путеш. Фалька, стр. 71—79.

родахъ очень много», и пр. *) Въ мѣстахъ нынѣшней Бессарабіи разведеніе винограда первоначально введенно было генуэзцами, которые, какъ извѣстно, засадили и первые виноградники въ Крыму **). Изъ ханскихъ ярлыковъ, данныхъ въ XIV вѣкѣ православному духовенству на цѣлость ихъ виноградниковъ, видно, что уже въ то время населеніе бессарабской области занималось культурой винограда. Но она, въ наибольшихъ размѣрахъ, развилась съ распространеніемъ русской и особенно западно-европейской колонизаціи. Благодаря благопріятному климату и богатой производительности, Бессарабія привлекала на поселеніе разные національности. Особенно замѣчательна колонизація славянско-европейская. Русскихъ въ Бессарабіи поселилось не менѣе 20,000. Южные уѣзды, преимущественно аккерманскій и часть бендерскаго, заселены особыми обществами колонистовъ: швейцарцевъ, нѣмцевъ, и болгаръ. Разведеніе винограда, персиковъ и проч. завлекло ихъ сюда. Такъ возникла колонія швейцарскихъ французовъ, устроившаяся между 1820 и 1828 годами. Швейцарецъ Карлъ Тарданъ былъ первымъ «осадчикомъ» — основателемъ колоніи. Соотечественниковъ своихъ онъ звалъ въ Бессарабію письмами, убѣждая ихъ не искать счастья въ безвѣстныхъ пустыняхъ и лѣсахъ сѣверной Америки, а спѣшить на плодоносные земли новой Россіи, гдѣ виноградныя лозы, персики, шелковица поспѣваютъ и рано, и съ большимъ успѣхомъ. Швейцарцы прибыли сперва въ 1824 г. въ числѣ только 5 семействъ. Въ 1830 г. ихъ прибыли опять 17 душъ. Теперь число ихъ возросло до 538 душъ. Имъ отведена была прекрасная земля въ Буджакѣ, на самомъ днѣстровскомъ лиманѣ, въ 5 верстахъ отъ Аккермана, урочище Шаба, гдѣ они основали колонію этого имени, весьма цвѣтущую и преуспѣвающую въ своемъ сельскомъ быту. Ихъ виноградники одни изъ лучшихъ въ Бессарабіи. Нѣмцы колонизовались въ степи Буджака частію изъ Виртембергскаго королевства, а болѣе изъ бывшаго герцогства варшавскаго, и составляютъ особыя небольшія общества. Первое заселеніе ихъ было въ 1814 году: тогда перешло ихъ 1,743 семейства. Изъ бывшаго герцогства варшавскаго ихъ перешло сначала 1,143 семейства, которые основали въ 1814 году

*) Собран. путешествій академиковъ т. VI. Путеш. Фалька стр. 71, 72 и слѣд.

**) О винодѣліи академ. Кеппена. Записк. Имп. общ. сельск. хозяйства южн. Россіи 1843 г. № 1.

7 колоній: Бородино, Тарутино, Кульмъ, Малоярославецъ, Красное, Лейпцигъ и Кластицы. Въ 1818 году—колоніи Фершампенаузъ, Бріенъ, Парижъ и Арсисъ. Въ 1817 году—Теплицъ, гдѣ поселилось 96 семействъ, вышедшихъ изъ Германіи. Остальныя нѣмецкія колоніи основаны въ царствованіе Николая, въ періодъ времени отъ 1833 по 1842 годъ. Всѣхъ нѣмецкихъ колоній 24 съ 24,159 д. об. п. Эмиграція или колонизація болгаръ въ Бессарабію, вслѣдствіе гоненій и гнета турковъ, началась съ 1769 г. и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія и продолжалась по 1835 годъ. Они поселились въ 43 колоніяхъ, раздѣленныхъ на три округа: верхне-буджакскій (19 колоній), нижне-буджакскій (19 колоній) и измайловскій (5 колоній). Жителей въ этихъ колоніяхъ считается до 48,216 душъ обоихъ половъ. Виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ въ 1819 г. по оффиціальнымъ свѣденіямъ было только около 1997. Съ развитіемъ колонизаціи и культуры, число виноградниковъ возросло до 25,000 *).

По причинѣ холоднаго климата, садоводческія поселенія въ Россіи далеко не распространились такъ, какъ хлѣбопахотныя. До XVII вѣка садоводства у насъ, внѣ Москвы, вовсе не замѣтно. Только въ Москвѣ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ былъ особый разрядъ населенія—*садовники*. **) По словамъ Гербѣрштейна и Гваньини, въ Россіи, за большими холодами, невозможно было найдти ни одного хорошаго плода, ни вкуснаго яблока. Только съ XVII вѣка культура садовая стала распространяться по нѣкоторымъ сѣвернымъ областямъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,—говоритъ Олеарій, особенно же въ Москвѣ, находится много плодовъ, ростущихъ въ садахъ, какъ-то: яблонь, грушъ, вишенъ, сливъ и смородины. Кромѣ того есть много и другихъ плодовъ. Но въ Москвѣ не ростутъ ни греческіе орѣхи, ни виноградъ. Виноградъ только нынѣ начинается выдѣлываться въ Астрахани». ***) У русскихъ не было ни энергіи, ни культурной интеллигенціи и умѣнья распространять садоводство даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ благопріятствовалъ разведенію плодовыхъ садовъ. «Всякій можетъ видѣть, гово-

*) Матер. для статист. и географ. Россіи. Бессарабская область стр. 270—277 и 159— 169.

**) Собран. Госуд. грам. и догов. ч. I, № 40. Упоминаются, кромѣ того, Зворыкинъ садъ, Тереховъ садъ, Бутовъ садъ и проч.

***) Олеарій. въ Архивѣ 12, 16.

ритъ Олеарій,—что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовыхъ деревъ и кустарниковъ происходитъ не отъ свойства земли и воздуха, а скорѣе отъ незнанія и нерадѣнія самихъ жителей» *) По причинѣ этого же недостатка земледѣльческой интеллигенціи и нерадѣнья, и доселѣ садоводство плохо развито въ сѣверныхъ областяхъ Россіи. Напримѣръ, въ костромской губерніи небольшіе фруктовые (яблочные и вишневые) сады, хотя и находятся въ нерехтскомъ, юрьевскомъ и отчасти въ костромскомъ и кинешенскомъ уѣздахъ, но служатъ только для прихоти своихъ владѣльцевъ, не принося имъ никакого дохода. Вообще эта отрасль сельскаго хозяйства здѣсь случайная и временная. Плодовыя деревья, кромѣ яблони и вишни, не переносятъ здѣшняго климата, и тѣ только въ благопріятные годы, случающіеся здѣсь не часто, даютъ посредственный урожай. Только при знаніи и усиленныхъ трудахъ и издержкахъ возможно здѣсь поддержаніе садовъ. Въ настоящее время, только при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ и училищахъ заведено 13 садовъ. **) Въ такомъ жалкомъ состояніи находится садоводство во всѣхъ сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Въ прошломъ столѣтіи, ботаническіе сады въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ составляли исключительную и рѣдкую достопримѣчательность въ хозяйствѣ богатыхъ земледѣльцевъ. Таковъ, напримѣръ, былъ ботаническій садъ Демидова въ Красномъ селѣ, въ 2 верстахъ отъ Соликамска, въ оранжереяхъ котораго родились, между прочимъ, ананасы, лимоны, апельсины, померанцы, фиги, дули, груши и различныхъ родовъ вишни и яблоки. ***)

Такимъ образомъ, земледѣльческія поселенія въ Россіи, какъ непосредственно-натуральный отпечатокъ климатическихъ условій, представляютъ двѣ характеристическія крайности: полярную границу ячменя и южный предѣлъ винограда. Эта естественная продуктивная противоположность или разность произвели довольно рѣзкія различія не только въ колонизаціи, но и въ самомъ характерѣ сѣвернаго и южнаго населенія. «Исторія произведеній земли, говоритъ Георгъ Форстеръ, тѣсно и глубоко связана съ судьбами человѣчества, со всѣми его чувствованіями, мыслями и дѣйствіями». И дѣйствительно, суровый полярный климатъ и обусловленная имъ исключительная и убогая вѣковая культура ячменя и рѣпы, отсутствіе не только ви-

*) Ibid.

**) Костром. губерн. стр. 248. Матер. для стат. и географ.

***) Журналъ или дневн. Зап. Рычкова II, 100—101.

нограда и фруктовъ, но и высшихъ видовъ хлѣбныхъ растеній не остались безъ вліянія на умственную и нравственную жизнь сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеній. «Яблоки, говоритъ Молешотъ, ягоды, вишни, сливы, абрикосы, персики, дыни, огурцы и всѣ съѣдобные плоды способствуютъ растворенію бѣлковыхъ веществъ и разжижаютъ кровь. Плоды эти менѣе питательны, чѣмъ овощи, еще менѣе, чѣмъ картофель, но имѣютъ предъ послѣднимъ то преимущество, что не отягощаютъ кровь излишнимъ количествомъ жира. Разжиженная кровь быстро течетъ въ жилахъ южныхъ народовъ, обитающихъ въ тѣхъ благословенныхъ странахъ, «гдѣ, какъ говоритъ Форстеръ, была колыбель юнаго человѣчества, гдѣ люди, неосужденные на рабство, наслаждались правами свободныхъ существъ, гдѣ не платили они трудомъ и истощеніемъ за право жизни.» *) Ячмень, рѣпа, капуста и другіе овощи, потреблявшіеся въ сѣверовосточной Россіи въ большихъ размѣрахъ, при наибольшемъ количествѣ жирообразовательныхъ началъ, содержатъ наименьшее количество самаго питательнаго вещества — клейковины, которой даже изъ самыхъ хлѣбовъ всѣхъ видовъ, въ холодныхъ странахъ получается меньше, чѣмъ въ теплыхъ. Такая пища, очевидно, не могла доставлять полной оживляющей питательности мускуламъ, крови и мозгу, ослабляла метаморфозъ, живой обмѣнъ веществъ въ организмѣ и, — не обильно и не вполнѣ питая всѣ части организма, — только часть веществъ въ немъ, притомъ наименѣе важныхъ, приводила въ дѣятельность, слѣдовательно, сдерживала мышленіе, силу воли, энергію, движеніе. Въ суровомъ полярномъ климатѣ, въ снѣжныхъ сугробахъ ледяной тундры, такая бѣдная пища, мало утоляющая голодъ, и суровый полярный холодъ могли только въ полуголодныхъ поселенцахъ развивать и поддерживать постоянную раздражительность, грубость, суровость **). Такіе, дѣйствительно, факты и представляютъ сѣверныя земледѣльческія поселенія, въ сравненіи съ южными виноградно-земледѣльческими или садоводческими поселеніями. Въ тепломъ климатѣ на югѣ, въ полосѣ винограда и фруктовыхъ садовъ, въ низовьяхъ

*) Молешотта, ученіе о пищѣ, стр. 112.

**) Парри сообщаетъ любопытное наблюденіе, какъ въ полярномъ климатѣ суровый холодъ порождалъ въ его спутникахъ грубость и раздражительность. См. Опис. его плаванія въ Сѣверн. Арх. 1826 г.

Волги, близь Саратова и Астрахани, на Дону и въ Крыму, возникли и сильно распространились, напримѣръ, мистико-соціалистическія, до энтузіазма и экзальтаціи свободолюбивыя, демократичныя общины молоканъ или духоборцевъ и такъ называемыхъ людей-Божіихъ. Въ странѣ винограда и фруктовъ, духоборцы и люди божіи разселялись свободными общинами среди виноградниковъ и садовъ плодовыхъ, и проповѣдывали полную свободу мыслей, совѣсти и совершенное братство. Ученіе и взаимныя общинныя отношенія духоборцевъ отличаются особенною мягкостью и гуманностью *). Въ сѣверномъ Поморьи, напротивъ, въ суровой странѣ «морозовъ, по вся лѣта побивающихъ хлѣбъ», у «студенаго моря», на границѣ ржи, ячменя и рѣпы, съ конца XVII в. устроились грубые, сурово-аскетическіе скиты поморскіе, выгорѣцкіе и другіе, и въ концѣ XVII в. образовали въ лѣсахъ пудожскихъ разбойничьи банды въ борьбѣ съ православнымъ народомъ **). На югѣ, въ умѣренно-тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и фруктовъ, общины духоборскія, вмѣсто внѣшне-обрядоваго направленія, требуютъ духовнаго—умственнаго и нравственнаго развитія, и проповѣдуютъ терпимость. Такъ называемые люди Божіи, въ духовныхъ пѣсняхъ своихъ, всѣ символы заимствуютъ отъ садовъ и виноградниковъ: подъ образомъ бѣлаго винограда и виноградныхъ садовъ изображаютъ развитіе своей общины ***). На сѣверѣ, напротивъ, тундреннымъ холодомъ и мертвенностью вѣ-

*) Лѣтоп. рус. литерат. 1862 т. IV отд. III, стр. 3—15: объ обществѣ духоборцевъ.

**) А. И. т. V, №№ 223 и 226.

***) Напримѣръ, они поютъ: „Заросли чистыя поля дикимъ полымемъ, заросли дороженьки въ зеленые сады. Изготовилъ батюшка живой ли намъ воды; кипарисныя древа въ саду насадилъ... Отросли вѣтви благодатныя, расплодились листья благоуханныя, *созрѣли ягоды-бѣлый виноградъ*, сталъ же по чисту полю все *зеленый садъ*“, и проч. „Ужь *ты спѣй, созрѣвай—въ саду бѣлый виноградъ*, до время до поры до студеной до зимы“. Или:

Во лугахъ, лугахъ было зеленыихъ,
На травахъ было, травахъ шелковыхъ
На росахъ было, росахъ богатыихъ
На богатыихъ росахъ медовыихъ
Посаженъ тутъ былъ виноградный садъ.
И по тому саду виноградному
Ужь ходилъ гулялъ пребогатый гость—
Сударь сынъ Божій, сударь Духъ святой, и проч.

етъ отъ раскольничьихъ поселеній. Они оледенѣли въ грубости. Напримѣръ, Усть-Сылмскъ на р. Печорѣ, подъ 65°5′ с. ш., населенъ самыми грубыми и упрямыми раскольниками. Живя въ грубомъ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, не зная даже ни одной изъ 10 заповѣдей, эти полярные сектанты считаютъ себя лучше всѣхъ другихъ христіанъ, и воображаютъ, что Богъ для нихъ предназначилъ свое небо, за то, что они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестомъ, молятся передъ старинными образами, Спасителя зовутъ Іисусомъ, и проч. Когда пріѣхалъ къ нимъ въ селеніе извѣстный филологъ Кастренъ, то усть-сылмскіе раскольники объявили его колдуномъ, отравителемъ рѣкъ и колодцевъ, и ругали и оскорбляли его во время его странствія. Слѣпая ярость ихъ дошла, наконецъ, до того, что они собирались убить его, и онъ счелъ за нужное скорѣе уѣхать отъ нихъ на 100 верстъ южнѣе, въ Ижемскъ на Ижмѣ. И не одни раскольники, но и другіе русскіе поселенцы сѣвера испытывали на себѣ невыгодное вліяніе сѣвернаго климата и скудныхъ произведеній сѣверной почвы. Суровый климатъ и отсутствіе южныхъ плодовъ пріучали сѣверныхъ жителей къ грубой пищѣ, къ излишнему потребленію болѣе грубыхъ овощей и крѣпкой водки. Напримѣръ, Самуилъ Кихель въ 1586 г. писалъ о псковитянахъ: «они не разборчивы въ пищѣ и питьѣ и легче переносятъ голодъ и жажду, чѣмъ другіе народы. Народъ въ Псковѣ дикъ, суровъ, неблаговоспитанъ. У здѣшнихъ жителей нѣтъ ни яблокъ, ни сливъ, ни другихъ овощей, но они сѣютъ и употребляютъ въ большомъ количествѣ огурцы: они ихъ съѣдаютъ за обѣдомъ отъ 6 до 8 штукъ. Они пьютъ весьма крѣпкую водку, и безъ нея самый лучшій обѣдъ считается ни во что» *).

И не только въ такихъ огромныхъ и различныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, Великороссія, Сибирь и новая Россія, или климатическая область ячменя и винограда, но и въ малыхъ областяхъ климатъ полагалъ рѣзкія продуктивныя и бытовыя различія между земледѣльческими поселеніями. Часто въ одномъ и томъ же уѣздѣ, различный климатъ обусловливалъ различныя степени обезпеченія и благосостоянія земледѣльческихъ поселеній. Такъ, напримѣръ, Рычковъ писалъ о мѣстахъ и земляхъ соликамскаго уѣзда: «мѣста, составляющія всѣ

*) Чтен. Моск. обществ. Истор. 1863 кн. 2, стр. 236.

части соликамскаго уѣзда, болотистыя, лѣсистыя и исполненныя множествомъ горъ, долинъ и пригорковъ, а земли суть песчаныя, иловатыя, изрѣдка и черноземныя, видимыя по большей части посреди расчищенныхъ лѣсовъ. Хлѣбъ сѣютъ тамъ четырехъ родовъ, какъ-то: рожь, ячмень, овесъ и весьма малое число пшеницы; но все сіе въ разсужденіи различнаго воздуха, объемлющаго пространную область сію, приноситъ различное плодородіе. Въ полуденныхъ частяхъ сего уѣзда родятся сѣмена въ шестеро и въ семеро; напротивъ того, въ сѣверныхъ краяхъ едва приносятъ плоды втрое противу посѣяннаго. Посему не только уѣздъ соликамскій, но и сами землевладѣльцы не могутъ пропитаться собственнымъ своимъ хлѣбомъ». *) По причинѣ суроваго климата, неблагопріятствующаго земледѣлію, большая часть сѣверной половины соликамскаго уѣзда составляетъ даже «мѣста уже никѣмъ необитаемыя». **) Въ Алтайскомъ округѣ, всѣ мѣста, лежащія южнѣе, у самаго Алтая, особенно около снѣжныхъ горъ или альпійскихъ бѣлковъ, по причинѣ болѣе холоднаго климата, гораздо менѣе благопріятны для земледѣльческой колонизаціи и культуры, чѣмъ болѣе отдаленныя и низменныя равнины при-алтайскія. Уже Палласъ замѣтилъ, что Барнаулъ, напримѣръ, не смотря на свое сѣверное положеніе, пользуется климатомъ болѣе умѣреннымъ и лѣтомъ болѣе теплымъ, нежели страна, лежащая южнѣе, у самаго Алтая. Въ Барнаулѣ вызрѣваютъ весьма хорошо всякія овощи (даже артишоки), за исключеніемъ, впрочемъ, цвѣтной капусты. Арбузы дозрѣваютъ совершенно, даже на грядахъ, и довольно рано. Умѣренному климату этой страны, довольно низменной, наиболѣе способствуетъ песчаная почва и защита, представляемая окрестными лѣсами, ростущими на сухой мѣстности. По причинѣ близости обильнаго снѣгами Алтая, впрочемъ и въ Барнаулѣ средняя температура очень низка, равняется $1^{\circ},72$; холоднѣйшій мѣсяцъ — январь имѣетъ среднюю температуру — $13^{\circ},28$ — теплѣйшій — іюнь: средняя температура его $= + 16^{\circ},57$. По причинѣ очень теплаго лѣта, земледѣліе въ этой колоніи идетъ весьма успѣшно. ***) Съ другой стороны, вотъ поселеніе Каменщиковъ-Уймонъ

*) Журн. или днев. Записки изд. 1770 г. стр. 102—103.

**) Ibid. стр. 122.

***) К. Риттера, Землевѣд. Азіи т. III, стр. 248.

устроилось въ концѣ XVIII стол. при р. Коксунѣ, лѣвомъ притокѣ Катуни, подъ 51° с. ш., на высотѣ 3144 ф. надъ ур. моря. Жители его пшеницу уже вовсе не сѣютъ; рожь поспѣваетъ, также не каждый годъ, какъ напримѣръ, въ 1825 году, когда она вся погибла отъ мороза, и вообще здѣсь уже трудно добывать хлѣбъ, необходимый для пропитанія. Крестьяне по необходимости должны жить только отъ своихъ стадъ и отъ продажи мѣховъ, добываемыхъ ими на охотѣ. И число ихъ не умножалось: всего было 4 двора. *) Между тѣмъ, другая колонія каменьщиковъ, Фыкалка, тогда же устроившаяся въ Бухтарминскихъ горахъ Алтая, только однимъ градусомъ южнѣе Уймона, на высотѣ 3,951 или почти въ 4,000 ф. надъ поверхностью моря, т. е. почти на 1000 футовъ выше Уймона, не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, вышла цвѣтущею земледѣльческою колоніею. Здѣсь все еще преуспѣваетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевицы и яровой пшеницы; въ огородахъ же воздѣлываютъ капусту, лукъ, макъ, тыкву, огурцы. Вся причина этого агрикультурнаго различія двухъ алтайскихъ колоній—Уймона и Фыкалки—заключается въ томъ, что деревня Фыкалка, расположенная у южной подошвы высокаго Холсуна, защищена этимъ послѣднимъ, какъ стѣною, отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, и все еще довольно доступна теплымъ, даже жгучимъ, западнымъ и южнымъ вѣтрамъ киргизской степи, а потому ея лѣтняя температура, при большой абсолютной высотѣ, также гораздо выше. Такимъ образомъ подъ 50° с. ш., на такой высотѣ могутъ дозрѣвать лѣтнія растенія, которыя безъ мѣстнаго, весьма благопріятнаго отношенія въ положеніи этой колоніи, не доставляли бы никакого успѣшнаго результата для хлѣбопашества. «Эту мѣстность, замѣчаетъ Риттеръ, по частному преимуществу ея положенія предъ сосѣдственными полосами земли средней Азіи можно сравнить съ особенно благопріятными по своему положенію въ средней Европѣ сѣверными частями долинъ Тейсса и Гернада, въ Кашаускомъ округѣ.» **) Такое же вліяніе на температуру и хлѣбопашество производитъ удаленіе отъ снѣжныхъ горъ и болѣе низкое положеніе другихъ алтайскихъ колоній. Напримѣръ, когда въ Ридерскѣ, по словамъ Ледебура, хлѣбъ на поляхъ еще

*) Ibid. стр. 334—335.

**) Землевѣд. Азіи т. III, стр. 68.

зеленѣлъ 4 августа, въ окружности Тарханскаго поселенія онъ уже былъ сжатъ. И благодаря этому климатическому удобству для земледѣлія, селеніе Тарханское, хотя основано не ранѣе 1823 года, однакожъ уже хорошо устроено и довольно велико; крестьяне, поселившіеся въ немъ, богаты и гостепріимны, занимаются, сверхъ скотоводства и пчеловодства, не только земледѣліемъ, но и садоводствомъ. *)

*) Ibid. стр. 104.

А. Щаповъ.

Продолженіе слѣдуетъ.)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

III.

Въ первой статьѣ мы бросили общій взглядъ на характеръ русской колонизаціи и разсмотрѣли вліяніе климата на движеніе и распространіе населеній; теперь займемся другимъ великимъ факторомъ развитія колонизаціи—почвой. Законы почвы, такъ же какъ и законы метеорологическіе, обусловливаютъ географическое распространеніе, агрикультурный характеръ и развитіе земледѣльческихъ поселеній. Почва, составляющая главную и самую жизненную основу всѣхъ поселеній, плодородіемъ своимъ обусловливаетъ ихъ развитіе и умноженіе, а вслѣдствіе истощенія своего доводитъ цѣлыя государства и области до опустѣнія или паденія. Во времена древняго Лаціума, когда почва Италіи была чрезвычайно плодородна, совершалась цвѣтущая этрусская колонизація Ломбардіи; на мѣстѣ нынѣшнихъ болотъ устроено было до 23 сильно населенныхъ городовъ; племена самнитскія густо населяли страны хребта Аппенинскаго и воздѣлывали въ нихъ поля. Таково было состояніе тогда—и что же послѣ, что же теперь? Вмѣсто садовъ съ розами и роскошныхъ хлѣбныхъ полей, храмы Пестума окружены теперь пустынѣй, на которой ростетъ тощая трава и чертополохъ. Римъ палъ отъ истощенія почвы! Исторія земледѣльческой колонизаціи въ Сѣверной Америкѣ представляетъ подобный же грустный результатъ истощенія почвы. Въ нижней палатѣ конгресса въ Вашингтонѣ, депутатъ Морель Вермонтъ статистическими данными показалъ, что въ штатахъ Коннектикутъ, Массачусетъ, Родъ-Айландъ, Нью-Гемширъ, Мэнъ и Вермонтъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ теченіи 10 лѣтъ (съ 1840 — 1850) урожаи пшеницы уменьшились на поло-

вину, а урожаи картофеля — на одну треть; въ Теннеси, Кентуки, Георгіи и Алабамѣ и въ Нью-іоркскомъ штатѣ урожаи пшеницы также уменьшились на половину противъ прежнихъ. Въ 1850 г. средній урожай пшеницы въ Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ составлялъ на акръ только 7 бушелей (26 четвериковъ съ десятины), а въ Алабамѣ только 5 бушелей (18 четвериковъ съ десятины). На новыхъ земляхъ въ Техасѣ и Арканзасѣ собираютъ съ акра, среднимъ числомъ, отъ 700 до 750 фунтовъ хлопка (почти 2,080 фунтовъ съ десятины), тогда какъ на старыхъ поляхъ въ южной Каролинѣ только половину этого количества. «При переѣздахъ по странѣ, говоритъ депутатъ Алабамы Клей, часто попадаются опустѣлые домы фермеровъ, нѣкогда жилища трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ, свободныхъ людей. Они оставлены и преданы разрушенію; поля, нѣкогда плодородныя, покрыты сорною травою. Мохъ ростетъ по стѣнамъ, нѣкогда оживленныхъ мѣстностей, и въ рукахъ одного владѣльца соединяется теперь вся собственность, на которой нѣкогда въ довольствѣ жили до 15 бѣлыхъ семействъ. Страна, не пережившая еще своего дѣтскаго возраста, уже носитъ на челѣ своемъ признаки старости и упадка силъ; такъ въ Алабамѣ, въ Виргиніи и въ Каролинѣ. «Повсюду, — замѣчаетъ по этому поводу Либихъ, — во всѣхъ частяхъ и странахъ свѣта внимательный взоръ открываетъ, въ состояніи почвы, дѣйствіе одного и того же могущественнаго закона природы. Тамъ, гдѣ прежде цвѣли могущественныя государства и плотное народонаселеніе почерпало изъ почвы свою пищу и богатства, теперь поля производятъ такъ мало, что обработка не окупается»*). Обращаясь къ русской земледѣльческой колонизаціи и культурѣ, мы и здѣсь находимъ подобные результаты истощенія почвы. Нѣкогда цвѣтущій, вольный Новгородъ великій, какъ мы уже раскрыли въ другомъ мѣстѣ, сильно былъ подорванъ истощеніемъ своей, и безъ того, не очень плодородной почвы. Лѣтописныя цифры о неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ, съ XI по XIV столѣтіе, служатъ краснорѣчивыми цифрами постепеннаго упадка плодородія почвы. Цифры хлѣбныхъ цѣнъ начинаются 3-мя гривнами за кадь, переходятъ къ 4, 5, 6, 8, 10 и доходятъ до 20, 25 или 30 и наконецъ до 40 гривенъ за кадь. При этой послѣдней цѣнѣ, когда почва уже была сильно истощена, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ хлѣба изъ-за моря, еще

*) Либихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній, стр. 75—76.

спасенъ былъ на время отъ послѣдняго паденія. Съ тѣхъ поръ, какъ почва истощилась на тощихъ полихъ новгородскихъ, — задержка со стороны Москвы низоваго подвоза хлѣба окончательно рушила самобытное развитіе Новгорода и его колоній, и вѣчевой колоколъ на берегахъ Волхова замолкъ печально и на вѣки. И въ позднѣйшее время, даже на новыхъ земляхъ Сибири, истощеніе почвы, въ связи съ неблагопріятными климатическими контрастами, доводило нѣкоторыя колоніи до опустошенія и запущенности. Такъ въ Семипалатинскомъ округѣ, гдѣ почва состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и чернозема, толщиною въ 2 ф., подъ которымъ лежитъ сплошная глина, и гдѣ прохлада, господствующая на значительной высотѣ мѣста, защищаетъ почву отъ согреванія лучами солнца, отъ засухи, съ самаго начала колонизаціи, съ 1718 года, съ большимъ успѣхомъ сѣяли пшеницу польскую, китайскую, калмыцкую (Triticum polonicum, tricoccon, kalmanka) и обыкновенную (Trit. vulgare), также ячмень, яровую рожь, овесъ и просо. Поля прежде давали самъ-35, а нынѣ даютъ гораздо меньше. Отъ расхищающаго хозяйства поля истощились, и, какъ замѣчаетъ Риттеръ, «многолѣтніе неурожаи въ странѣ, гдѣ господствуютъ самые большіе климатическіе контрасты, превратили обширныя, прежде обработываемыя, пространства — въ пустыни.» *) Съ другой стороны, законы почвы обусловливаютъ переселенія народныя. «Для великаго цѣлаго, говоритъ Либихъ, окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя». Послѣ голодныхъ годовъ 1816 и 1817, когда почва въ европейскихъ государствахъ была уже сильно истощена расхищающимъ хозяйствомъ, начинаются громадныя выселенія изъ Европы. Тотъ же законъ почвы вынуждалъ многія переселенія и въ Россіи. Когда почва великорусской земли, во многихъ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, къ XVII вѣкѣ уже значительно истощилась отъ расхищающаго хозяйства, — тогда началось обширное и вѣковое переселеніе народа въ Сибирь, и стали колонизоваться ея обширныя, пустынныя пространства: русскіе люди тамъ искали *зе-*

*) Землевѣд. Азіи. Т. III, стр. 186—187.

мшицы, или *земель хлѣбородныхъ*. На сѣверѣ великорусской земли, почва и такъ была худая, каменистая, болотистая и мшистая, а къ XVII-му столѣтію и та истощилась, вслѣдствіе чего были частые неурожаи, особенно при тамошнемъ суровомъ климатѣ. И вотъ, сѣверные Поморцы, въ XVII вѣкѣ, первые толпами устремились въ Сибирь на новыя, непочатыя, хлѣбородныя земли. Такъ въ указѣ 1647 года сказано, что «съ Руси, съ поморскихъ городовъ, съ Устюга великаго, отъ Соли Вычегодской, изъ Перми великой, с Вятки, съ Кевроли, изъ Мезени и изъ другихъ русскихъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, сошли въ Сибирь посадскіе люди и многіе пашенные крестьяне съ женами и дѣтьми отъ хлѣбнаго недороду, и тамъ устроились на пашни на новыхъ земляхъ *)». Въ грамотѣ 1670 г. читаемъ: «пріѣзжаютъ къ Соли Камской и на Устюгъ и въ уѣзды изъ Тобольска, съ Тюмени, съ Верхотурья и иныхъ городовъ, изъ уѣздовъ поморскихъ городовъ бѣглые крестьяне по отцовъ своихъ и по братій и по сродниковъ; изъ Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ пахатные многіе крестьяне, покиня свои деревенскіе жеребьи впустѣ, выѣхали въ уѣзды сибирскихъ городовъ и нынѣ ѣдутъ, и учинилась въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ великая пустота. Во 178 году, въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числахъ, ѣхало мимо Верхотурья изъ русскихъ разныхъ городовъ, съ Тотьмы, съ Устюга великаго, съ Ваги, съ Мезени и съ Соли Вычегодской и Яренскаго городка, съ Сысолы и съ Кайгорода, по тобольскимъ и тюменскимъ проѣзжимъ, тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2051 человѣкъ **)». Вообще истощеніе почвы во многихъ великорусскихъ областяхъ было главною причиною того характеристическаго факта русской земледѣльческой колонизаціи и исторіи, что какъ только была открыта Сибирь, такъ крестьяне массами устремились туда, и садились тамъ на пашни, строились въ пашенныя слободы, на свѣжихъ, хлѣбородныхъ земляхъ сибирскихъ. Акты XVII вѣка наполнены извѣстіями объ этихъ добровольныхъ и даже самовольныхъ переселеніяхъ крестьянъ въ Сибирь. И доселѣ, какъ извѣстно, каждый годъ, отъ ранней весны до поздней осени, тянутся по сибирской дорогѣ вереницы крестьянскихъ семействъ, добровольно переселяющихся изъ малоземельныхъ и худоземельныхъ мѣстъ Россіи на новыя, непочатыя,

*) Доп. къ А. И. т. III, № 14.
**) Доп. т. VI, № 19.

хлѣбородныя земли Сибири. И въ самой Сибири колонисты часто принуждены бывали переселяться изъ неудачно-выбранныхъ, безплодныхъ мѣстъ на новыя, хлѣбородныя земли. Истощеніе почвы въ одномъ мѣстѣ немедленно передвигало культуру, а за нею и колонизацію въ другія, непочатыя мѣста. Такъ, напримѣръ, въ 1658 г. архіепископъ сибирскій Симеонъ, вслѣдствіе истощенія почвы на пашняхъ новоустроенныхъ, тобольскихъ, софійскихъ слободъ, билъ челомъ о дозволеніи занять новыя земли: «въ Софѣйскихъ слободахъ,—писалъ онъ,—учинился хлѣбу недородъ, *пашенныя земли выпахалися*, да отведены были подъ пашни неугодные мѣста и небольшіе межь ограней и боровъ, пашенные мѣста худые, и софѣйскіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду обнищали и одолжали великими долги, а людей въ слободахъ прибываетъ у отцовъ дѣти и братья и племянники, и пашенныя-де земли въ Софѣйскихъ слободахъ становится мало; а есть-де по Пышмѣ рѣкѣ вверхъ по обѣ стороны пашенные земли пустыя, никто ими не владѣетъ, лежатъ впустѣ, и ту бы землю пожаловать, дать софѣйскимъ крестьянамъ на пашни и устройство *)». Какъ въ древней Россіи, такъ и въ Сибири переселенія съ худыхъ земель на хлѣбородныя происходили весьма часто. Такъ, въ Алтайскомъ краѣ, на нижнемъ теченіи Чарыша, при впаденіи въ него р. Березовки, на низменности, устроилась прежде деревня Арапова. Здѣсь отъ Харлова къ С. и СЗ., по словамъ Палласа**), растилается одна только обнаженная степь; холмистыя высоты состоятъ уже изъ однихъ только глинистыхъ наносовъ. Степи, подверженныя сухимъ вѣтрамъ и палящимъ лучамъ солнца, давали плохіе урожаи хлѣба. И вотъ поселяне деревни Араповой должны были переселиться потомъ ближе къ горамъ, на земли болѣе удобныя для хлѣбопашества. Многія деревни еще прежде, по той же причинѣ, получили позволеніе переселиться въ болѣе возвышенныя горныя долины, близъ Чагирскаго форпоста и вокругъ него, между рр. Туляпой и Иней. Въ этихъ долинахъ известковыя породы покрыты черноземомъ, а потому также, какъ и въ Харловѣ, лежащей на известковой почвѣ, земли въ нихъ довольно удобны для произрастанія хлѣбовъ. Всѣ травы ростутъ въ этихъ известковыхъ горахъ, въ туманномъ и сыромъ горномъ воздухѣ, также гораздо лучше, краси-

*) Доп. къ А. И.т. IV, № 55.

**) Pallas, Reise th. III p. 577.

вѣе и роскошнѣе, нежели въ степяхъ, подверженныхъ сухимъ вѣтрамъ и палящимъ солнечнымъ лучамъ. Вотъ почему горная и степная колонизація и культура противоположны между собою такъ же, какъ—горная и степная флоры. Даже въ болѣе холодныхъ алтайскихъ долинахъ, лежащихъ еще выше, до Тигерецкаго форпоста на новой линіи, казаки собираютъ болѣе хлѣба, нежели въ жаркихъ степяхъ страны, и потому селятся тамъ охотнѣе *). Точно также съ иртышской степи крестьяне переселяются въ горныя долины по р. Чарышу, въ плоскогорье коргонское и т. п. Такъ въ 1824 г. заложена была крестьянами, пришедшими съ Иртыша, деревня Чечулиха, при впаденіи рѣчки Чечулихи въ Чарышъ. Это самое крайнее русское поселеніе со стороны кочующихъ калмыковъ. Окрестности деревни, расположенной очень живописно, окруженной высокими горами, по причинѣ плодородной земли, хорошо воздѣланы, и населеніе, въ продолженіи двухъ лѣтъ, значительно увеличилось. Дер. Чечулиха лежитъ, по измѣреніямъ Ледебура, на высотѣ 2,300 ф., по измѣренію Бунге — 2,314 ф. надъ ур. моря. Не смотря на свое высокое положеніе, эта пустынная полоса земли отличается мѣстами превосходною для земледѣлія почвою, и потому привлекаетъ населеніе съ безплодныхъ или истощенныхъ почвъ. Глядя на чечулинскихъ переселенцовъ, и другіе крестьяне, живущіе на иртышской степи, точно также испрашиваютъ, отъ времени до времени, разрѣшеніе губернатора строить тамъ новыя деревни и избирать новыя мѣста **). Такъ законы почвы и земледѣлія, и въ малыхъ и въ большихъ размѣрахъ, двигаютъ массами народа. Почва главнымъ образомъ обусловливаетъ возможность и успѣхи земледѣльческой колонизаціи. Поэтому, когда началась колонизація Сибири, правительство предписывало сибирскимъ воеводамъ, а воеводы служилымъ людамъ—разыскивать, развѣдывать, измѣрять и описывать «добрыя пашенныя земли» въ Сибири, чтобъ на нихъ устроить крестьянъ. И служилые люди составляли подробныя «росписи пашенныхъ мѣстъ доброй земли», опредѣляя, гдѣ сколько десятинъ ея, и сколько можно устроить крестьянъ***). Хорошая плодородная почва сильно привлекала населеніе: такія мѣста быстро

*) Pallas. Reise III, p. 263; II, p. 28.

**) Землев. Азіи III, 293.

***) Такова, напримѣръ, подробная роспись пашеннымъ мѣстамъ, добрыя земли, въ верховыхъ Лены. Дополн. къ А. И. т. II, № 89, стр. 243—248.

заселялись *). Какъ обильная, плодородная почва, производя богатые урожаи, способствуетъ умноженію народонаселенія, такъ худая, безплодная или истощенная почва частыми неурожаями подрываетъ въ самыхъ основахъ земледѣльческія поселенія. Въ какой области часто были неурожаи, тамъ рѣдѣло и убывало народонаселеніе. Въ сѣверныхъ областяхъ древней Россіи, по лѣтописямъ, насчитывается, среднимъ числомъ, по 8 неурожаевъ на столѣтіе, повторявшихся почти чрезъ каждые 13 лѣтъ. И каждый изъ нихъ сопровождался большою убылью народонаселенія; множество народа умирало съ голоду, большая часть расходилась врознь; по выраженію новгородской волости, «разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чужія грады и страны братьи нашей и сестеръ, а останокъ почаша мерети» **). Въ актахъ и писцовыхъ книгахъ часто также упоминается, что отъ хлѣбнаго недорода цѣлыя деревни расходились врознь. Вообще, физическіе законы земледѣлія въ древней Россіи противопоставляли сильныя препятствія развитію и распространенію земледѣльческихъ поселеній, особенно ощутительныя при тогдашней низкой степени культуры, при отсутствіи раціональныхъ средствъ бороться съ ними. Да и теперь еще физическія силы, управляющія плодородіемъ почвы и вообще земледѣліемъ, до такой степени преобладаютъ надъ земледѣльческой культурой, что каждый неурожай сопровождается страшною смертностью и большою убылью земледѣльческаго населенія. Напримѣръ, съ 20-тыхъ до 50-тыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, было 9 неурожаевъ, именно: въ 1820, 1821, 1832, 1835, 1839, 1844, 1846, 1848, 1850 годахъ, и вслѣдствіе ихъ было такое движеніе народонаселенія:

	Число родившихся.	Число умершихъ.	Разность чиселъ.
Въ 1820 г.	1.570,399	917,680	652,719
— 1821	1.545,679	945,088	600,591
— 1822	1.539,988	977,253	562,735

*) Доп. III, №№ 17, 167.

**) Новгор. лѣт. стр. 46. Или: „ови ихъ измроша, а друзіи разъидошася по чужимъ землямъ. Новг. 1, 5, 43 и др. Отъ неурожая 1230 г., въ Новгородѣ похоронено было 6530 труповъ, не считая тѣхъ, которые зарыты были въ общей могилѣ, *безъ числа*; въ Смоленскѣ умерло до 32,000. Въ Псковѣ, въ голодный 1422 г., трупами *пустотныхъ*, т. е. захожихъ бѣдняковъ напол нены были 4 скудельницы. Псковъ 11, 23, 24; Новгор. 11, 129.

Въ 1824 г.	1.646,224	1.032,301	713,923
— 1825	1.705,615	1.072,206	634,409
— 1829	1.922,695	1.216,708	705,987
— 1832	1.925,105	1.210,647	714,458
— 1835	1.869,842	1.482,533	387,309
— 1837	2.091,911	1.338,203	753,708
— 1839	2.309,672	1.642,635	667,037
— 1840	2.002,858	1.688,385	314,473
— 1842	2.125,090	1.814,119	310,971
— 1844	2.378,230	1.538,670	839,560
— 1846	2.280,005	1.718,194	561,811
— 1848	2.508,078	2.840,354	332,276
— 1849	2.337,668	1.875,858	461,810
— 1850	2.517,601	1.799,322	718,281
— 1851	2.399,558	1.805,740	593,818
— 1853	2.672,154	2.094,677	577,477
— 1854	2.557,890	1.907,749	650,141

Изъ этихъ цифръ видно, что послѣ каждаго неурожая смертность усиливается страшно въ самые годы неурожая и въ слѣдующіе за ними. По отдѣльнымъ мѣстностямъ, эта убыль населенія, вслѣдствіе неурожаевъ, была еще сильнѣе. Такъ, напримѣръ, за неурожаемъ 1839 г., въ тульской и рязанской губерніяхъ, слѣдовало огромное увеличеніе смертности въ ихъ эпархіяхъ въ 1840 и 1841 годахъ. Противъ 1839 года число умершихъ было болѣе.

	1840 г.	1841 г.
Въ рязанской эпархіи на	13%	21%
» тульской » »	20%	39%

Число родившихся противъ 1839 года также уменьшилось:

	1840 г.	1841 г.
Въ рязанской эпархіи на	30%	19%
» тульской » »	26%	29%

Тоже было во многихъ другихъ губерніяхъ. Въ псковской эпархіи въ 1845 г. родилось 26,402, умерло 39,057, а въ 1846 г. родилось 19,453, умерло 41,040 челов., т. е. въ теченіе двухъ неурожайныхъ лѣтъ сряду умирало болѣе, чѣмъ рождалось. *) Само

*) См. цифры полнѣе въ Статист. Кольба 1, стр. 174—175.

собою разумѣется, что при такомъ гибельномъ дѣйствіи неурожаевъ земледѣльческія поселенія не могли скоро поправляться, полнѣть населеніемъ и усиливать производительность. Подрывая, такимъ образомъ, посредствомъ неурожаевъ, развитіе и размноженіе земледѣльческихъ поселеній, почва, естественно, обусловливаетъ также густоту или рѣдкость поселеній. На безплодной или не хлѣбородной почвѣ поселенія всегда были рѣдки и малолюдны. Такъ, во всемъ сѣверномъ Поморьи еще въ XVI в. деревни состояли изъ 1, 2, 6, 7, 8, много 11 и 12 дворовъ, а наибольше — изъ 1 двора *). «Живутъ на рѣкѣ Волгѣ крестьяне, — сказано, напримѣръ, въ одномъ актѣ 1629 года, — а то мѣсто пришло въ пустѣ, отъ иныхъ волостей поудалѣло верстъ на 70, и на 80, и больше, а мѣста пришли непроходимыя зимою и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живетъ» **). Такъ рѣдко было населеніе въ томъ краю, гдѣ колонизація началась раньше XIV столѣтія, и Соловецкій монастырь дѣятельно распространялъ свои поселенія. На каждый погостъ на сѣверѣ приходилось обыкновенно отъ 150 до 300 и болѣе деревень, но многія десятки деревень были и писались *впустѣ* или *пустыми*; въ каждомъ погостѣ, среди *живущихъ* деревень, было деревень 20, 30, 40 и болѣе пустыхъ. И теперь, тогда какъ въ хлѣбородныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Венгріи есть деревни съ 20,000 жителей, а въ южной Россіи — съ 2,000 и даже съ 7—8000 д.***), въ сѣверныхъ не хлѣбородныхъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ, въ Ярославской губерніи на деревню приходится только среднимъ числомъ 13 дворовъ и 91 житель. Или, на безплодной почвѣ архангельской губерніи, на пространствѣ 16,025,39 кв. м., пахотныя земли занимаютъ только $^1/_{1000}$ всей поверхности, и на 1 кв. м. приходится только 17 жителей, между тѣмъ какъ въ югозападныхъ и большой части среднихъ губерніяхъ, на хлѣбородныхъ почвахъ, пахотныя земли занимаютъ болѣе половины всей поверхности, или пропорція ихъ колеблется между 40 и 50%, и жителей приходится на 1 кв. м. отъ 1400 до 2700 человѣкъ. — Неравенство почвъ также, какъ и неодинаковость климатическихъ условій, производило, въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и неравенство экономическое и бы-

*) Лешкова Рус. Нар. и Госуд. 248, 271.

**) Собран. архіер. грам. Сборн. Солов. № 20. 40.

***) Kohl's, Reise II, S. 68. 72. 299.

товое. Потому что, при отсутствіи раціональной культуры, при невооруженности нашихъ земледѣльцевъ естественно-научными знаніями и указываемыми наукою механическими средствами, при полной пассивной зависимости отъ непосредственныхъ дѣйствій природы,— наши земледѣльческія поселенія тамъ только и развивались и были богаты, гдѣ почва и климатъ благопріятствовали ихъ развитію; а въ другихъ мѣстностяхъ, хоть бы рядомъ, коль скоро почвенныя и климатическія условія, безъ раціональной энергіи и знанія, отказывались служить агрикультурѣ, — тутъ и земледѣльческія поселенія коснѣли въ полуразвалинахъ и бѣдности, если бѣдность не наводила умовъ и мыслей на другую промышленность. Такъ различіе почвъ въ верховьяхъ и низовьяхъ Волги, преобладаніе въ верховыхъ земляхъ—песчанистой и глинистой почвы, а въ понизовыхъ, волжскихъ земляхъ—чернозема, имѣло вліяніе на экономическое и бытовое различіе низовыхъ и верховыхъ земледельческихъ поселеній. Одно только общее было—то, что зависитъ собственно отъ ума или отъ вѣковыхъ обычаевъ, а не отъ природы—способы паханія и посѣва, которые испоконъ вѣка почти вездѣ были одинаковы. Лепехинъ такъ писалъ объ этомъ: «Проѣзжая отъ Москвы до Арзамаса толь многія села и деревни, я нигдѣ въ хлѣбопашествѣ не замѣтилъ никакой отмѣны, но вездѣ одинакій способъ паханія и посѣва. Одно только различіе: песчаныя, хрящевыя и иловатыя пашни (въ верховьяхъ Волги) поистинѣ крестьянъ дѣлаютъ труженикамі: ибо гдѣ кучка навозу, тамъ и кучка хлѣба, какъ говорятъ крестьяне. Въ то время, когда низовые мужики, посѣявъ яровое, отдыхаютъ, верховые удобряютъ свою озимовую пашню навозомъ, за которымъ удобреніемъ слѣдуетъ сѣнной покосъ и жатва. Низовый крестьянинъ во всю зиму даже до яроваго посѣва бываетъ свободенъ, и отправляетъ только домашнія надобности; верховой напротивъ того удобряетъ въ великой постъ свою яровую пашню. Низовый довольствуется однимъ паханіемъ и бороненіемъ; верховый дважды сію работу отправлять принужденъ бываетъ, первый подъ паръ, а другой подъ посѣвъ.» *) Да какой степени различіе почвъ, въ одной и той же области, имѣло вліяніе на промышленный и умственный складъ населенія, — это всего яснѣе можно видѣть, напримѣръ, при общемъ взглядѣ на характеръ и промышленное направленіе земледѣль-

*) Лепехина, Дневн. Записки 1795 г. ч. I, стр, 61—62.

ческихъ поселеній рязанской, губерніи. «Земля,— говоритъ Барановичъ—описатель рязанской губерніи,—есть основной элементъ естественнаго богатства. Промышленная дѣятельность населенія въ совершенной отъ нея зависимости. Тамъ, гдѣ земли много и гдѣ, при томъ, она плодородна, жители занимаются земледѣліемъ и живутъ среди своихъ семействъ, гдѣ же земля не въ состояніи прокормить живущихъ на ней, вся масса свободнаго населенія, заботясь о средствахъ существованія, ищетъ себѣ работы въ какихъ-нибудь другихъ, прибыльныхъ занятіяхъ, если они существуютъ въ краѣ; въ противномъ случаѣ жители выходятъ въ другія мѣста для заработковъ. Такимъ образомъ въ самомъ поземельномъ богатствѣ страны кроются начала особенностей характера народнаго труда. Рязанская губернія относительно поземельнаго богатства представляетъ разнообразіе, рѣдко встрѣчаемое въ другихъ мѣстахъ. Земля ея весьма не равномѣрно распредѣлена между поселянами и притомъ необыкновенно разнообразна въ своихъ качествахъ. Въ уѣздахъ данковскомъ, раненбургскомъ и южныхъ частяхъ ряжскаго и сапожковскаго жители обильно надѣлены землею, дающею урожай даже при посредственномъ удобреніи. Гораздо бѣднѣе землей остальные части степной стороны и уѣзды михайловскій и пронскій, при томъ же почва этихъ мѣстъ уже не столь производительна и не всегда вознаграждаетъ труды земледѣльца. Еще менѣе благодарна земля къ трудамъ поселянъ въ прочихъ уѣздахъ рязанской стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея приходится пропорціонально еще менѣе. Наконецъ въ мещерской сторонѣ почва песчаная, боровая, отличающаяся безплодіемъ, да и въ этой дурной землѣ крестьяне терпятъ явный недостатокъ. Общій выводъ тотъ, что чѣмъ земля лучше, тѣмъ ея болѣе, и обратно, чѣмъ хуже качество земли, тѣмъ бѣднѣе надѣлъ его. Ясно, что поземельное богатство, до такой степени неравномѣрно распредѣленное, должно было сильно отразиться на самомъ характерѣ промышленной дѣятельности населенія рязанской губерніи; и дѣйствительно, едва ли найдется другая губернія, въ которой промышленная жизнь проявлялась бы въ такихъ разнообразныхъ формахъ. Въ южной части степной стороны, какъ было уже сказано, земли много и притомъ черноземной, отличающейся плодородіемъ; населеніе здѣсь сосредоточивается въ небольшомъ числѣ довольно обширныхъ селеній, и потому земляныя дачи заключаютъ въ себѣ иногда по нѣскольку тысячъ десятинъ, растянутыхъ къ тому же по причинѣ черезполосно-

сти. Здѣсь нужно много времени крестьянину, чтобы управиться съ нѣсколькими десятинами тяжелой, черноземной земли, отдаленной очень часто на большое разстояніе отъ селенія, и потому не удивительно, что земледѣліе поглощаетъ въ этихъ мѣстахъ всю дѣятельность народа. Съ ранней весны и до глубокой осени крестьяне заняты обработкою земли и собираніемъ жатвы; въ остальное же время производится молотьба, разныя другія занятія по сельскому хозяйству, наконецъ отправленіе излишка хлѣба на продажу большею частію въ отдаленныя мѣста сбыта. Такимъ образомъ самая южная часть губерніи можетъ быть названа земледѣльческой въ полномъ смыслѣ слова; всѣ руки заняты обработкою земли, вездѣ встрѣчаются мельницы, крупорушки, маслобойни и т. п.; самые заводы въ этой мѣстности имѣютъ тѣсное отношеніе къ земледѣлію; таковы, напримѣръ, винокуренные, свеклосахарные, крахмальные и другіе; зимой, по дорогамъ изъ Раненбурга и Данкова, тянутся безпрерывно тяжелые обозы съ хлѣбомъ. Однимъ словомъ, здѣсь все живетъ и дышетъ земледѣліемъ; вся дѣятельность устремлена на сельское хозяйство; ни мануфактурная промышленность, ни промыслы и ремесла не могутъ здѣсь существовать и развиваться. Сѣверная часть степной стороны и уѣзды михайловскій и пронскій тоже земледѣльческіе по преимуществу; но земледѣліе преобладаетъ въ этихъ мѣстахъ уже не такъ исключительно, какъ въ южной части губерніи. Земли здѣсь менѣе, дачи не такъ обширны и мѣста сбыта ближе. Вслѣдствіе этого является небольшой досугъ времени, а въ мѣстѣ съ нимъ и разные промыслы. Гораздо въ большихъ размѣрахъ сельскіе промыслы и ремесла въ сѣверной части рязанской стороны. Земледѣліе въ этихъ мѣстахъ все еще составляетъ главное занятіе жителей и ему посвящается все лѣто; но такъ какъ земли здѣсь не много, дачи мелкія, а рынки подъ рукой, то жители, исполнивъ земледѣльческія занятія, имѣютъ еще много свободнаго времени, чтобы заняться на дому какими-нибудь ремеслами или отправиться на заработки въ сосѣднія мѣста московской губерніи. Заводовъ и фабрикъ въ рязанской сторонѣ почти не существуетъ, но выгодное положеніе этой части губерніи вблизи отъ Москвы и въ сосѣдствѣ такихъ пунктовъ, гдѣ торговая и мануфактурная жизнь имѣетъ большое развитіе, служитъ причиною, что здѣсь, и въ особенности въ уѣздѣ зарайскомъ, расчеты на заработки отъ промысловъ являются уже важнымъ и непремѣннымъ условіемъ существованія жителей. За Окой

въ мещерской сторонѣ, мануфактурная и промысловая жизнь въ полномъ развитіи; здѣсь сосредоточены почти всѣ фабрики и заводы губерніи, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются самые разнообразные сельскіе промыслы и ремесла. Земледѣліемъ въ мещерской сторонѣ занимаются лишь для домашняго обихода и вообще сельское хозяйство служитъ уже подспорьемъ другимъ занятіямъ, болѣе прибыльнымъ. Промышленность приняла здѣсь такое направленіе не вслѣдствіе личнаго расчета нѣсколькихъ семействъ, а вслѣдствіе общей потребности всего народонаселенія. Недостатокъ земли и ея безплодіе отвлекаютъ жителей отъ земледѣлія; хлѣба, собираемаго съ полей, недостаетъ имъ для пропитанія, и они должны пріобрѣтать его покупкою въ хлѣбородныхъ мѣстахъ; все это поневолѣ заставило ихъ снискивать себѣ другія средства для существованія и направило къ промысламъ... Здѣсь, при многочисленныхъ внутреннихъ фабрикахъ и заводахъ, развились не столько земледѣльческія, сколько торговыя села—Дѣдново, Ловцы, Любичи и Бѣлоомутъ, при населеніи въ 15,000 душъ, не имѣющія десятины пахатной земли. Въ Егорьевскомъ, напримѣръ, уѣздѣ на каждаго крестьянина не приходится и $2\frac{1}{2}$ десятинъ земли самой легкой, песчаной и размежованной на мелкія дачи. Не много нужно времени, чтобы управиться съ такимъ хозяйствомъ, и потому здѣсь $\frac{4}{5}$ работающаго населенія обращается къ разнымъ промысламъ. Такимъ образомъ, отъ самыхъ южныхъ границъ, къ которымъ прилегаютъ хлѣбороднѣйшіе и вполнѣ земледѣльческіе уѣзды тамбовской и тульской губерній, и до сѣверныхъ предѣловъ, пограничныхъ съ мануфактурными московской и владимірской губерніями, совершается въ рязанской губерніи съ замѣчательною послѣдовательностію переходъ отъ земледѣльческой промышленности къ мануфактурной и ремесленной. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, все болѣе и болѣе стѣсняется кругъ земледѣлія; различные промыслы и ремесла, только появляющіеся у береговъ Прони, за Окой, уже становятся господствующимъ занятіемъ жителей и если степная сторона имѣетъ всѣ качества страны земледѣльческой, то мещерская можетъ быть названа вполнѣ промышленною. Рязанская сторона, по мѣстному положенію своему, по качеству почвы и характеру народнаго труда, служитъ переходною отъ земледѣльческой къ промышленной. И эта постепенность въ измѣненіи промышленнаго характера поселеній, вполнѣ сообразная съ качествами почвы, является результатомъ ея. Относительно почвы рязанская гу-

бернія представляетъ замѣчательное разнообразіе. Отъ жирнаго, степнаго чернозема и до сыпучихъ песковъ въ ней встрѣчаются всякаго рода земли. Этотъ переходъ отъ чернозема къ песку совершается не вдругъ; въ измѣненіи качествъ почвы замѣтна послѣдовательность. Жирная, черноземная почва самыхъ южныхъ оконечностей губерніи, по мѣрѣ приближенія къ Пронѣ, перемѣшивается все болѣе и болѣе съ глиной и становится тяжелой и вязкой. За Проней уже замѣтно преобладаніе глины; слой чернозему становится все тоньше съ приближеніемъ къ Окѣ, такъ что мѣстами почва превращается въ чистую глину, у береговъ же рѣки перемѣшивается съ пескомъ. Наконецъ, за Окой почва песчаная; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются и сыпучіе пески, а далѣе на сѣверъ земля боровая, покрытая болотистыми и маховыми кочками» *).

Въ частности, различный геогностическій строй и химическій составъ почвъ, въ естественномъ ходѣ колонизаціи и культуры, обусловливаетъ различный агрикультурный характеръ земледѣльческихъ поселеній. Напримѣръ, преобладаніе лѣсной почвы, производящей наибольшее развитіе перегноя, чернозема, въ связи съ климатическими условіями сѣверо-восточной, континентальной полосы Россіи, было естественной причиной преимущественнаго развитія въ Россіи такихъ земледѣльческихъ поселеній, которыя больше всѣхъ хлѣбовъ сѣютъ рожь, меньше — пшеницу, и держатся перелога, залежи. «Перегной, говоритъ Либихъ, можетъ сообщить почвѣ плодородіе для хлѣбныхъ растеній, но пшеница въ чистой перегнойной почвѣ, даже на богатыхъ перегноемъ почвахъ во многихъ мѣстностяхъ Бразиліи и въ нашихъ климатахъ, ростетъ дурно, стебель ея не получаетъ твердости и растеніе ложится. Это происходитъ отъ того, что твердость стебля зависитъ отъ кремне-кислаго кали, что развитіе зерна требуетъ фосфорно-кислыхъ солей, а перегной не можетъ доставить пшеницѣ этихъ веществъ, потому что не содержитъ ихъ. Точно также пшеница не ростетъ хорошо и на песчаныхъ почвахъ, а равно известковая почва, если она не содержитъ значительнаго количества глины, также безплодна для этого растенія. Это зависитъ отъ того, что такія почвы не содержатъ щелочей и нѣкоторыхъ другихъ минеральныхъ веществъ, необходимыхъ для пшеницы; безъ нихъ ея развитіе оста-

*) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Рязанская губернія, стр. 164—168.

навливается, хотя бы другія вещества почва доставляла ей въ избыткѣ». *) На русской землѣ, въ особенномъ изобиліи развивалась почва черноземная, богатая перегноемъ, такъ какъ она издревле покрыта была густыми и повсемѣстными, черными лѣсами. И теперь еще при 85,000,000 десятинъ пахатныхъ земель, садовъ и огородовъ, — лѣсовъ 180,000,000 десятинъ, пахатныя земли занимаютъ только 17%, луга и пастбища 20%, а лѣса 36%. И въ числѣ 380 милл. десятинъ земли удобной находится до 95 милліоновъ десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Кромѣ лѣсовъ, луговая и степная низменность понтокаспійская, поросшая высокими и густыми травами, также въ изобиліи развиваетъ перегной. Въ древней Россіи во времена починочной колонизаціи и культуры, крестьяне, только-что расчищая еще землю изъ подъ лѣсовъ, «лѣсъ рубя, дворы, починки и деревни ставя на лѣсѣхъ и распахивая вновь пашни въ лѣсахъ пашенныхъ», неизбѣжно ступали больше всего на почву черноземную, богатую перегноемъ и, слѣдовательно, на почву ржи, а не пшеницы. «Лѣсная почва, — говоритъ Либихъ, — на которой въ продолженіи 40 или 80 или еще большаго числа лѣтъ истлѣвали листья и другіе растительные остатки, каждый годъ принимала въ себя нѣкоторое количество минеральныхъ веществъ отъ этихъ остатковъ; вещества эти были извлечены деревьями изъ слоевъ земли весьма глубоко лежащихъ и теперь они послужили для обогащенія верхней, рыхлой почвы. Выборка лѣснаго сору изъ лиственныхъ лѣсовъ удаляетъ матеріалъ для постояннаго образованія углекислоты, которая, растворяясь въ водѣ и проникая вмѣстѣ съ нею на значительную глубину, можетъ способствовать вывѣтриванію и растворенію породъ, съ которыми корни деревъ находятся въ прикосновеніи. Въ густомъ лѣсу, гдѣ воздухъ обновляется рѣже, чѣмъ на равнинѣ, доставленіе углекислоты можетъ также имѣть значеніе для растительности. Наконецъ слой лѣснаго сору защищаетъ почву отъ высыханія и способствуетъ удержанію въ ней влажности, которая особенно полезна для чернолѣсья, въ которомъ на поверхности листьевъ испаряется гораздо большее количество воды, чѣмъ у хвойныхъ. Кромѣ углекислоты,

*) Либиха. Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній, стр. 117—118.

черноземныя или богатыя перегноемъ, лѣсныя почвы всегда содержатъ углекислый аммоніакъ, а также всѣ щелочи и соли тѣхъ растеній, отъ гніенія и тлѣнія которыхъ образовался перегной или черноземъ» *). По такимъ естественнымъ условіямъ, лѣсная почва, въ древней Россіи преобладавшая, естественно всего больше обусловливала культуру ржи, а не пшеницы, такъ какъ она всего болѣе содержала перегноя, не доставляющаго пшеницѣ кремне-кислаго кали и фосфорно-кислыхъ солей. Древне-русскіе поселенцы, конечно, научнымъ образомъ этого не понимали и не сознавали. Но вѣковой опытъ, показавшій на практикѣ наибольшій успѣхъ разведенія на черноземной почвѣ ржи, а не пшеницы, — побуждалъ всѣ починки и деревни, «ставившіяся ново или на новѣ, на лѣсѣхъ», основывать преимущественно на ржаныхъ поляхъ. И дѣйствительно, вся лѣсная агрикультура основывалась главнымъ образомъ на ржаномъ хлѣбопашествѣ, и земледѣльческія поселенія насаждались и воспитывались въ горныхъ дикихъ лѣсахъ, на ржаной пашнѣ. Даже въ имѣніяхъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ бояръ, которые больше всѣхъ потребляли пшеницу, всѣ деревни сѣяли больше всѣхъ хлѣбовъ рожь, примѣрно: maximum пшеницы 20 десятинъ, minimum ржи 33—35 десятинъ. Крестьянскія же поля почти исключительно засѣвались рожью, съ небольшимъ количествомъ овса, ячменя и, отчасти, гречи и гороха **). Что культура ржи главнымъ образомъ мотивировала распространеніемъ земледѣльческихъ поселеній,—это видно изъ исторіи земледѣльческой колонизаціи Сибири, особенно восточной. Тамъ, напримѣръ, на Ленѣ, на Илимѣ, по Иркуту и проч., всѣ пашенныя поселенія устроялись главнымъ образомъ съ цѣлію воздѣлыванія ржанаго хлѣба для обезпеченія служилыхъ людей. И новоустроеннымъ пашеннымъ крестьянамъ, какъ видно изъ «ужинныхъ и умолотныхъ книгъ», выдавалась изъ казенныхъ житницъ въ ссуду на сѣмена только рожь, въ наибольшемъ количествѣ, съ небольшою прибавкою ячменя ***). Точно также преобладаніе культуры ржи въ земледѣльческихъ поселеніяхъ древней Россіи обусловливалось и выражалось тѣмъ фактомъ, что русскіе люди всегда ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной, имъ жили, на немъ вскармливались. Онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола.

*) Химія въ отнош. къ земледѣлію. Либиха, стр. 78—79.

**) Временникъ 1850 г. кн VII. Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя.

***) Доп. къ А. И т. VIII, № 51, грам. II.

Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе—хлѣбъ—значило собственно ржаной. Пшеничная мука употреблялась на просфоры да на «богородицынъ хлѣбъ». а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни — отъ этого и пословица: «калачемъ не заманишь» *). Издревле въ русскихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ видимъ только воздѣлываніе ржи съ нѣкоторыми другими хлѣбами, за исключеніемъ пшеницы. Въ русской правдѣ, изъ хлѣбныхъ растеній, упоминается только рожь, да овесъ, ячмень и полба; о пшеницѣ ни слова **). На сѣверѣ Россіи, въ новгородской и псковской областяхъ, до XII вѣка, лѣтописи, отмѣчая урожаи и цѣны хлѣбовъ, говорятъ только о ржи, а о пшеницѣ ни разу не упоминаютъ. И потомъ, съ XII до XVI столѣтія, въ неурожайные и голодные годы, если иногда и продавалась въ Новгородѣ пшеница, то она была почти всегда вдвое и даже втрое дороже ржи ***): видно, что ее мало воздѣлывали. Въ XVI и особенно XVII в. посѣвъ ржи долженъ былъ еще увеличиться, потому что въ это время былъ большой запросъ на стрѣлецкіе и другіе хлѣбные сборы, на безпрестанный и огромный отпускъ хлѣба въ Сибирь, на винокуреніе, на отпускъ за границу и проч. Однимъ словомъ, культура ржи преобладала въ древней Россіи надъ воздѣлываніемъ пшеницы. И это было весьма естественно, сообразно съ большею частію почвъ сѣверовосточной Россіи, да и съ климатомъ. Въ этихъ, большею частію, лѣсныхъ почвахъ пшеница не могла находить такого соединенія питательныхъ веществъ и такъ легко рости, какъ рожь. «Химическій анализъ показываетъ,—говоритъ Либихъ,—что почва, дающая прибыльный урожай ржи, въ слоѣ, имѣющемъ отъ 5 до 10 дюймовъ въ глубину, содержитъ въ 50, можетъ быть даже во 100 разъ болѣе питательныхъ веществъ, нежели сколько нужно для одного полнаго урожая пшеницы. Однакожъ, не смотря на такой избытокъ питательнаго матеріала, эта почва не производитъ такихъ урожаевъ пшеницы, которые бы были прибыльны въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ. Сравнивая количе-

*) Костомарова. Очеркъ жизни и нравовъ великор. народа, стр. 82.

**) Р. Пр. ст. XXII и слѣд.

***) Напр. въ 1498 г. четвертку ржи покупали по 9 денегъ, а пшеницы зобницу по 50. Карамз. VI, прим. 629. Въ 1230 и 1231 г. купили ржи кадь по 20 гривенъ, а пшена по 50. Новгор. I, стр. 46 и мн. др.

ство фосфорной кислоты и кали, которыя извлекаются изъ почвы одного гектара (=0,915 десятины) среднимъ урожаемъ пшеницы (2000 килогр.=122 пуда) зерна и 5000 килогр. (=305 п.) соломы) и среднимъ урожаемъ ржи, мы находимъ:

Получили изъ почвы:

	Пшеница.	Рожь.
Фосфорной кислоты	25 до 26 килогр.	17 до 18 килогр.
Кали.	52 »	39 до 40 »
Кремневой кислоты	160 »	100 до 110 »

Если гектаръ поля, достаточно плодороднаго для средняго урожая ржи, содержитъ:

1700 килогр. фосфорной кислоты.
3900 » кали.
10,200 » кремнезема,

то гекторъ поля, которое бы дало хорошій средній урожай пшеницы, долженъ содержать:

2560 килогр. фосфорной кислоты
5200 » кали
15,300 » кремнезема,

Слѣдовательно для производства пшеницы, почва требуетъ питательныхъ веществъ больше

Фосфорной кислоты.	Кали.	Кремнезема.
на 860	1300	5100 килогр. *)

Такія, по всей вѣроятности, условія въ особенномъ изобиліи представляетъ почва самарской губерніи и югозападной Сибири. Поэтому здѣсь земледѣльческія поселенія по преимуществу и удачно занимаются агрикультурой пшеницы. Въ югозападной Сибири цѣлые оазы или округъ земледѣльческихъ поселеній даже главнымъ образомъ продовольствуются пшеничнымъ хлѣбомъ.

«Если мѣстность,— говоритъ Либихъ,— состоитъ изъ твердыхъ скалистыхъ пластовъ, покрытыхъ не толстымъ слоемъ почвы, на которой ростетъ растительность съ густою листвою, то просачивающаяся черезъ такой слой вода, будетъ приносить мѣстностямъ, лежащимъ ниже, много минеральныхъ веществъ, служащихъ пищею растеніямъ, потому что не толстой слой, почва не можетъ задержать ихъ въ большомъ количествѣ. Частицы такой почвы, увлекаемой

*) Либиха. Химія въ прилож. къ земледѣ. стр. 91, 93, 97.

дождевыми потоками, и уносимые ими въ долины и низменности, образуютъ тутъ почву, степень плодородія которой можетъ быть весьма различна; она измѣняется съ ихъ химическимъ составомъ, отъ котораго зависитъ способность почвы извлекать тѣ вещества, которыя служатъ пищею для растеній; но во всякомъ случаѣ такая почва, образовавшаяся изъ нанесеннаго ила, будетъ насыщена тѣми минеральными, питательными для растеній, веществами, которыя содержались въ водѣ, изъ которой этотъ илъ отсѣлъ»*). Такія условія химическаго образованія наносной почвы изъ горныхъ породъ у насъ представляютъ, между прочимъ, всѣ прекрасныя рѣчныя долины въ предгорьяхъ Алтая, и вообще вся югозападная сибирская низменность, стелющаяся отъ предгорій Алтая и до конца средняго теченія громадныхъ сибирскихъ рѣкъ — Иртыша, Оби и Енисея, а также долины гористой забайкальской области. Благодаря такому физическому способу образованія почвъ, рѣчныя долины въ предгорьяхъ Алтая представляютъ вообще прекраснѣйшія мѣста для развитія земледѣльческой колонизаціи и культуры, не смотря даже на климатическіе контрасты. Здѣсь, напримѣръ, въ бухтарминскихъ горахъ Алтая, горныя массы или кряжи состоятъ главнымъ образомъ изъ грюнштейна и гранита, и въ подчиненіи имъ — изъ зеленыхъ сланцевъ, глинистыхъ сланцовъ, граувакк̀ъ, кварцитовъ, известняка, порфировъ, и проч. Гигантскія рѣки, стремительно прорывающіяся сквозь утесы и непрерывно плещущіяся и ударяющіяся своими быстрыми волнами о скалы и горныя кряжи, постоянно отщепляютъ и откалываютъ отъ нихъ обломки и осколки. Морозы также растрескиваютъ снѣжныя скалы на небольшіе острые осколки, которые вслѣдствіе движенія ледниковъ, ручей и горныхъ потоковъ округляются или растираются въ дресву и гравій. Рѣки и ручьи, вытекающіе изъ снѣжныхъ утесовъ или кряжей и ледниковъ, мутны отъ уносимыхъ ими порошковатыхъ частицъ; въ долинахъ и равнинахъ эти частицы горныхъ породъ постепенно осѣдаютъ, наслояются и, при химическомъ содѣйствіи воды, кислорода и углерода, вывѣтриваются и образуютъ такимъ образомъ пласты плодородной почвы. Ученые, посѣщавшіе и геогностически изучавшіе Алтай въ нынѣшнемъ столѣтіи, Гумбольдтъ, Энгельгардтъ, Германъ и др., указываютъ часто на это новое наслоеніе или образованіе наносной

*) Химія въ прилож. къ землед. стр. 78.

плодородной почвы въ долинахъ и равнинахъ предгорій Алтая *). Вслѣдствіе такого геогностическаго происхожденія,—почвы въ иртышскихъ и бухтарминскихъ долинахъ предгорій Алтая обусловили быстрое развитіе въ этомъ новомъ и долго неприступномъ краю богатыхъ земледѣльческихъ и горно-заводскихъ поселеній. Вотъ какъ, напримѣръ, географъ Риттеръ изображаетъ русскія колоніи на бухтарминской, приалтайской долинѣ, на основаніи самыхъ точныхъ русскихъ источниковъ: положеніе бухтарминской колоніи-крѣпости на возвышенномъ правомъ берегу Бухтармы, вблизи судоходнаго Иртыша, утесистые гранитные берега, черныя сланцовыя и известняковыя горы вокругъ, зеленыя, лѣсистыя высоты, плодородная земледѣльческая почва, стройные стволы тополей и другихъ лиственыхъ деревъ по берегамъ рѣкъ, успѣхи просвѣщенія—все это здѣсь, вблизи однообразной степи, придаетъ особенную прелесть обширной долинѣ. При этомъ, весна большею частію пріятна и прекрасна, лѣто обыкновенно жарко и сухо, осень продолжается до половины ноября. И вотъ, на этой плодородной земледѣльческой долинѣ, не смотря на сухость лѣта, благодаря горно-наносной, влажно-осадочной почвѣ, земледѣліе и земледѣльческія поселенія весьма естественно преуспѣваютъ; почва никогда не удабривается, а жатва всегда доставляетъ самъ-десять. И, вслѣдствіе того, народонаселеніе постоянно увеличивается; часто рождаются близнецы. Вблизи возвышенныя и обширныя горы глинисто-сланцевыя и гранитныя постоянно выдѣляютъ новые слои плодоносной почвы **). Еще до конца прошедшаго столѣтія вся бухтарминская долина была вполнѣ не обитаема, и только начала заселяться съ 1791 года, со времени помилованія горныхъ, вольныхъ, бѣглыхъ поселенцевъ—*каменьщиковъ*. Плодородная, горно-наносная почва магически привлекала земледѣльческое населеніе, невольно наводила на мысль о хлѣбопашествѣ и даже горно-хищныхъ каменьщиковъ мало по малу обратила, переродила въ мирныхъ земледѣльцевъ. При первомъ исчисленіи оказалось на бухтарминской долинѣ только 300 поселенцевъ. Съ 1803 года народонаселеніе значительно прибывало,

---

*) Engelhardt z. Kenntniss des Selsbeschaffenheit d. kleinen Altai und d. Soongarischen Kirgisensteppe въ Ledebour Th. I p. 418. Hermann, mineralogische Reise n. Sibirien. Abth. II: über d. Bergwesen zu Altai p. 352. Гумбольдтъ, Путешествіе по Сибири и Западному Алтаю въ 1829 г. Риттеръ Землевѣд. Азіи, т. III, стр. 44, 48 и мн. др.

**) Земледѣліе Азіи т. III, стр. 55—56.

и вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось земледѣліе. Въ 1809 г. считалось 5 деревень собственно въ бухтарминской долинѣ, да 4 въ сторонѣ отъ р. Бухтармы; но съ того времени число ихъ еще увеличилось *). Въ 1826 г. все народонаселеніе бухтарминской долины простиралось уже отъ 4 до 5000 душъ. Деревни каменьщиковъ построены были красиво; жители были достаточны, нарядны и гостепріимны. Лѣтомъ, въ страду, всѣ деревни были почти совершенно пусты; все ихъ населеніе находилось на пашняхъ. Всѣ поселяне обладали плодородными пашнями и прекрасными лугами. Во всѣхъ деревняхъ былъ отличный, пшеничный хлѣбъ; своей муки у нихъ было такъ много, что они ее продавали за хорошія цѣны въ китайскіе пограничные пикеты. За $1^1/_2$ пуда муки, цѣною отъ 40 до 50 коп. асс., получали они отъ китайцевъ 1 кусокъ дабы, т. е. 22 локтя бумажной, одноцвѣтной матеріи, цѣною отъ 4 до 5 р. асс. Даже въ деревнѣ Фыколкѣ, въ которой считалось 10 или 12 крестьянскихъ дворовъ, устроенной у южной подошвы высокаго холсунскаго хребта, окруженной горами и находящейся при горномъ потокѣ Фыколкѣ, на высотѣ почти 4000 ф. надъ ур. моря,—не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, все еще очень хорошо идетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевицы и яровой пшеницы. Горные потоки и ручьи постоянно наносятъ съ ближайшихъ скалистыхъ и лѣсистыхъ горъ плодоносные элементы почвы, и тѣмъ увеличиваютъ земледѣльческую привлекательность для колонизаціи рѣчныхъ и горныхъ бухтарминскихъ долинъ **). Иртышъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорывается чрезъ Алтай и въ изгибахъ своихъ, въ скалистыхъ ущельяхъ, съ шумомъ ударяется объ утесы, на мутныхъ волнахъ своихъ несетъ изъ горныхъ кряжей Алтая осколки и частицы глинистаго сланца, грюнштейна, гранита, слюдистаго известняка, кварца и т. п., и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими горными источниками и ручьями, наслояетъ окрестную почву самыми плодоносными веществами и пластами. Почва, поэтому, здѣсь весьма удобна для хлѣбопашества. И тутъ на земледѣліи основались новѣйшія колоніи—Березовскій форпостъ, Александровскій редутъ, Феклистовскій редутъ,

*) Первыя, вверхъ по долинѣ съ З. на В., называются—Осочиха, Буйкова, Сѣнная, Коровишенская (Коровихи), Верхъ-бухтарминская; послѣднія, на высотахъ по южному берегу Бухтармы, называются: Малонарымская, а надъ сѣвернымъ берегомъ Язовая, Бѣлая и Фыколка.

**) Землевѣд. Азіи т. III, стр. 68.

и хлѣбопашество идетъ весьма успѣшно: здѣсь произрастаетъ озимовая и яровая пшеница, яровая рожь, польская пшеница (Triticum polonicum), ячмень и овесъ. Значительную выгоду доставляетъ также воздѣлываніе льна *). Точно также плодородная, наносная почва горнаго образованія обусловила быстрое развитіе земледѣльческихъ поселеній—Тарханскаго села, Краснаго яра, Бобровки и другихъ, въ долинахъ рѣки Ульбы и Убы—правыхъ притоковъ Иртыша. Быстрое теченіе Ульбы постоянно вырываетъ и увлекаетъ весною деревья и скалы, громоздитъ изъ нихъ новыя прибрежныя плотины, наслоенія и пласты, и прорываетъ и размелчаетъ старыя. Рѣчная долина, отъ этого, еще не вполнѣ развилась и не получила опредѣленной пластики. Когда Ледебуръ проѣзжалъ здѣсь въ августѣ, русло рѣки ушло на $1\frac{1}{2}$ до 2 верстъ къ сѣверу отъ русла предыдущаго года, засыпаннаго валунами и заросшаго желтымъ макомъ (papaver croceum), подобнымъ встрѣчающемуся въ такихъ же мѣстахъ въ савойскихъ альпахъ papaver alpinum. Сибирскій бальзамическій тополь (populus lavrifolia) образуетъ прибрежныя рощи. На этой-то, новообразующейся изъ горныхъ породъ, почвѣ, около 1823 года, основалось село Тараханское. Благодаря хлѣбородной почвѣ, оно быстро развилось; крестьяне, живущіе въ немъ, занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, и богаты. Село хорошо выстроено и довольно велико**). Точно также, въ предгорьяхъ Саянскаго хребта, въ прекрасныхъ долинахъ Енисея, Абакана, Минусы, стремительный прорывъ сквозь утесовъ и скалъ и быстрый, полноводный потокъ Енисея и другихъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ постоянно наносилъ и доселѣ наноситъ съ высокихъ горъ частицы, обломки горныхъ породъ для образованія плодоносной почвы. И долины—минусинская, абаканская и енисейская теперь уже значительно обстроены довольно богатыми и замѣчательными земледѣльческими поселеніями, но особенно ждутъ впереди цвѣтущей земледѣльческой колонизаціи и культуры***).

IV.

Въ связи съ климатомъ и почвой, дѣйствовали на распространеніе, устройство и развитіе земледѣльческихъ поселеній и многія дру-

*) Pallas, Reise Th. III p. 89—91.

**) Землевѣденіе Азіи, т. III, 104.

***) Pallas, Reise III, p. 300. Землев. Азіи стр. 498—532.

тія физико-географическія условія. Здѣсь мы укажемъ на двѣ или на три характеристическія особенности нашихъ земледѣльческихъ поселеній, развившіяся подъ вліяніемъ физическаго преобладанія пространства надъ числомъ народонаселенія и лѣсовъ надъ полями.

Громадность пространства пахатныхъ земель, лѣсовъ и неудобныхъ мѣстностей превышала землеустроительныя силы народныя, замедляла географическое распространеніе земледѣльческихъ поселеній, и, обусловливая экстенсивное, агрику ѣтурное направленіе, препятствовала внутреннему, умственному, интенсивному развитію и увеличенію земледѣльческихъ общинъ. Пространство земли постепенно, быстро и въ громадныхъ размѣрахъ увеличивалось, совершенно непропорціонально возрастанію народонаселенія. Именно, при Иванѣ III (1462 г.) было около 18,000 кв. м., при Василіѣ Ивановичѣ (1505 г.)—24,000 кв. м., при Иванѣ IV (1584 г.) — 72,000 кв. м., при Алексѣѣ Михайловичѣ (1650 г.)—237,000 кв. м., при Петрѣ I (1689 г.)—280,000 кв. м., при Аннѣ Ивановнѣ (1730 г.)—324,000 кв. м., при Екатеринѣ II (1775 г.)—335,000 кв. м., при Александрѣ II (1860 г.) — 392,000 кв. м. Между тѣмъ жителей до XVI вѣка было не болѣе 7,000,000, въ концѣ XVII вѣка — не болѣе 10 милл., въ 1722 г. — 14 милл., въ 1742 г. — 16 милл., въ 1782 г.—27 милл., въ 1793 г.— 34 милл., въ 1803 г. — 36 милл., въ 1815 г. — 45 милл., въ 1829 г. — 50 ½ милл., въ 1850 г.—65 милл. При такой непропорціональности народонаселенія съ пространствомъ земли, особенно до начала прошлаго столѣтія, естественно, должно преобладать экстенсивное развитіе и распространеніе земледѣльческихъ поселеній надъ интенсивнымъ, раціональнымъ развитіемъ ихъ. Географическій, пространственный элементъ рѣшительно подавлялъ умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній. Во первыхъ, огромное равнинное пространство и обиліе земель просторомъ своимъ невольно вызывало массы къ свободному, привольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, пріучало къ полукочевому земледѣлію, къ полукочевой, полуномадной колонизаціи. Только на обширной и равнинной землѣ, на громадныхъ пространствахъ пахатной земли могъ произойти этотъ характеристическій обычай и способъ колонизаціи—свободный переходъ крестьянъ, господствовавшій до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Благодаря этому переходу, распространилась земледѣльческая колонизація и культура; русская земля повсюду болѣе

или менѣе обстроилась слободами, селами, сельцами, починками, сѣдѣньями и деревнями. Но за то земледѣльческія поселенія долго не имѣли прочной осѣдлости, носили полукочевой, полуномадный характеръ. Въ народонаселеніи развилась страсть къ разгулу, къ расходчивости, расплывчивости по широкому пространству русской земли и, наконецъ, склонность къ *броженію врозь*, къ бродяжничеству и бѣгству. Отсюда возникъ характеристическій и многочисленный классъ населенія — такъ называемые вольные *гуляще́е лю́ди*. Они потомъ составляли главный элементъ заселенія Сибири. Раздольный просторъ русской земли, украинъ и степей, вызвавшій прежде дикій, буйный разгулъ новгородскихъ *повольниковъ* и *ушкуйниковъ*, сталъ, потомъ, вѣковымъ и широкимъ просторомъ для буйнаго разгула и скопища станицъ казачьихъ, шаекъ разбойничьихъ и раскольничьихъ согласій. Только благодаря широкому пространству и раздолью русской земли, въ ней могла по украйнамъ пріютиться и сосредоточиться сбродная колонизація казачья и раскольничья *). Вѣковая страсть къ разгулу, странничеству и бѣгству на раздольномъ, обширномъ пространствѣ русской земли, отразилась и въ географическомъ, и въ умственномъ движеніи массъ, напримѣръ — въ согласіи бѣгуновъ или странниковъ, отрицающихъ прочную гражданскую осѣдлость и проповѣдующихъ «странство» по бѣлу-свѣту, выразилась въ народныхъ пѣсняхъ о раздольныхъ степяхъ, о разгулѣ буйныхъ добрыхъ молодцевъ по степямъ саратовскимъ и т. п. И только на огромныхъ пространствахъ Россіи, путемъ странничества, скрытія и бѣгства, могла распространиться земледѣльческая колонизація. Такъ основались раскольничьи и земледѣльческія поселенія на огромныхъ волокахъ, за лѣсами, озерами и болотами сѣвернаго Поморья, въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, въ лѣсахъ стародубскихъ, на Вяткѣ, въ юго-восточной степной Украйнѣ, по Хопру, Медвѣдицѣ, Тереку и Кубани, во многихъ мѣстахъ громадной Сибири, въ пограничныхъ горахъ Алтайскихъ, и т. д Во вторыхъ, обширныя пространства, раздѣленныя рѣками, озерами, бо-

*) Котошихина, IX, ч. Исторія о бѣгствующ. священствѣ. Лѣтоп. русс. литер. т. IV. 1862. отд. III, стр. 57, 58, 59, 63. Русскій расколъ старообрядства Щапова. гл. III. Находящіяся у насъ рукописныя извѣстія о Заволжской раскольничьей колонизаціи, мы сообщимъ въ подробномъ обзорѣ русской колонизаціи. Исторія выговской пустыни, изд. Кожанчикова, о поморской раскольнической колонизаціи.

лотами и лѣсами, естественно обусловливали раздѣльность, раскинитость самой земледѣльческой колонизаціи, разбросанность и разрозненность поселеній. Каждая волость, колонизуясь на особой водной системѣ, на особой рѣкѣ, стремилась вслѣдствіе того быть *особно, опричь*, на томъ основаніи, что у ней *земля и вода въ раздѣлѣ* съ другими сосѣдними волостями *). Такимъ образомъ, по причинѣ огромнаго пространства русской земли, какъ отдѣльныя лица, крестьяне и посадскіе, такъ и цѣлыя общины, волости стремились къ простору, къ расходчивости, къ расплывчивости и, по характеристическому выраженію актовъ, постоянно *разбродились врознь*. Вся эта расходчивость, расплывчивость народонаселенія по широкому пространству земли, весь этотъ географическій, пространственный разгулъ и просторъ народныхъ силъ неизбѣжно повели къ такъ называемому *собиранію русской земли*, къ централизаціи, къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и къ крѣпостному праву надъ цѣлой половиной земледѣльческихъ поселеній и ко всѣмъ послѣдствіямъ этихъ явленій. Въ третьихъ, огромныя пространства русской земли обусловили особый разрядъ земледѣльческихъ поселеній — ямскихъ слободъ и селъ. Такими поселеніями колонизована была большая часть Великороссіи, по большимъ дорогамъ, и особенно громадныя пустыни Сибири **). Тамъ огромныя пространства и разстоянія невольно дали ямской, извозническій характеръ и всѣмъ прочимъ земледѣльческимъ поселеніямъ. Проѣзжая такія обширнѣйшія пустыни и степи сибирскія, какъ, напримѣръ, Бараба, при одномъ томительномъ видѣ огромныхъ равнинныхъ пространствъ, невольно чувствуешь всю географическую или пространственную естественность и необходимость ямскихъ, извозническихъ, земледѣльческихъ поселеній, какія и были устрояемы тамъ въ XVII вѣкѣ воеводами и московскимъ правительствомъ, въ XVIII столѣтіи — губернаторомъ Чичеринымъ ***). Наконецъ, огромное пространство русской земли естественно обусловило болѣе экстенсивное развитіе и распространеніе агрикультуры и земледѣльческихъ поселеній, чѣмъ интенсивное, интеллектуальное. Такъ экстенсивное земле-

*) Неволина, о Пятинахъ и погостахъ Новгород. стр. 107. „Великорусскія области и смутное время“, въ Отеч. Зап. 1861 г. № 10

**) А. Ю. № 278, № 294, актъ II. А. И. II, № 36; III, № 57. Историч. обозр. Сибири. Словцова 1838. I, 30 II, 41, 50—51.

***) Pallas, Reise Th. III. Buch. II, S. 462 и слѣд. Истор. обозр. Сибири. Словцова. ч. II. Доп. къ А. И. т. IV, №№ 68, 89. А. И. II, 81, 85.

дѣліе господствуетъ и доселѣ въ плодосныхъ и рѣдко населенныхъ степяхъ южной Россіи, въ сѣверо-восточныхъ малолюдныхъ и лѣсныхъ губерніяхъ, въ юго-западной Сибири, и проч. *). При этомъ распространеніи земледѣльческой колонизаціи, покореніе природы выражалось только въ выжиганіи лѣсовъ подъ нова. Балуемые просторомъ и обиліемъ земли, русскіе люди постоянно перемѣняли новь на новь, старые пашни и починки на новые, и т. д. Полагаясь съ полнѣйшею безпечностью на пространственное обиліе земель, не думали о результатахъ истощенія ихъ качественнаго содержанія—плодородія, и безпощадно расхищали естественную продуктивную экономію почвы. При огромности пространства, умственныя и физическія силы населенія не экономно и не производительно тратились въ пространствѣ. Въ теченіи 9 или 10 столѣтій, русскій народъ едва могъ справиться съ пространствомъ, завладѣть имъ всѣмъ, пройти его отъ Карпатовъ и Днѣпра до Восточнаго океана. Семь или восемь столѣтій онъ напрягалъ силы на одни географическія развѣдки и открытія, на пріисканіе новыхъ землицъ, на завладѣніе огромнымъ пространствомъ, на переходы, странствованія и блужданія по немъ въ качествѣ повольниковъ, гулящихъ людей, сибирскихъ странствователей, казаковъ и служилыхъ людей,— на одну росчисть, роз-

*) Лепехинъ (Дневн. записки путеш. ч. I, стр. 63) говоритъ: „Вмѣсто изсушенія болотистыхъ мѣстъ употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашенъ, который *новиною* называютъ... Такого распространенія пашни во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки: ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко выгораютъ обширныя палестины лѣса.“ Палласъ (Reise, III, S. 6 и 7) такъ описываетъ сибирское экстенсивное распространеніе хлѣбопашества: „Bleiben die meisten Aecker, wenn man sie nur ums dritte Jahr brach löst, zehn, funfzehn und mehr Jahre tragbar. Nimmt alsdenn die Fruchtbarkeit ab, so hat der Bauer schöne Bergflächen und Steppe genug, wo er ein neues Stück zurichten kann. Dieses pflegt gemeiniglich gleich nach der Sommersaat zu geschehen, da man das wilde Feld im Anfang des Junius zuerst aufreist, die Wurzeln unteregget und mit Ausgang des Monaths nochmals überpflügt; wodurch ein neues Land (Salog), nachdem es den Julius hindurch gelegen, schon im August zur Wintersaat geschickt ist, welche nur unterregget werden darf; oder man sät auch im nächstfolgenden Frühling Waizen darauf, in welchem Fall der neue Acker aber nochmals umzupflügen ist. Denn Winterwaizen hat man noch in ganz Sibirien nicht, ohngeachtet er im Kasanischen und an der Kama so gemein und nützlich ist. Nach der ersten Erndte lässt man einen solchen Acker (Perelog) den Winter hindurch ungepflügt ruhen und sät gleich das folgende, so wie auch im dritten Jahre irgend ein Sommergebrach liegen und besät solche Brachäcker (Pary) erst wieder im Herbst oder auch im Frühling des folgenden Jahres, etc.

дѣлъ лѣсныхъ пространствъ, на распространеніе починковъ, деревень, селъ, слободъ, посадовъ, сторожевыхъ и станичныхъ линій, становъ и ямовъ, остроговъ и зимовей, и проч. На это народъ русскій потратилъ много силъ и времени въ ущербъ интеллектуальному развитію и умственнымъ занятіямъ. Оттого произошелъ его умственный застой. Такъ какъ экстенсивное земледѣліе выгоднѣе на низшихъ степеняхъ культуры, а интенсивное на высшихъ *), то оно заманивало земледѣльческія поселенія все дальше и дальше въ непочатые лѣса и на не воздѣланныя и никѣмъ еще незанятыя земли. При огромномъ пространствѣ пахатныхъ земель и при экстенсивномъ хозяйствѣ, земледѣльческія поселенія распространялись далеко и широко, но крайне бѣдно, разбросанно и рѣдко. И все таки, по причинѣ огромности пространства, заселеніе всей русской земли шло весьма медленно и слабо. Напримѣръ, западную Сибирь, простирающуюся на 83,067,10 кв. м., въ теченіи 150 лѣтъ, населили только 23,256 человѣкъ, отъ 5 до 50 лѣтъ, — и въ томъ числѣ только до 19,000 приходится на земледѣльческія поселенія всей огромной западной Сибири **). «Имѣетъ ли и нынѣ Россія, говоритъ Мордвиновъ, достаточное число рукъ для обработанія и приведенія въ урядство всей обширности земель ея! На главной въ Россіи дорогѣ, между двумя столичными городами, мы встрѣчаемъ селенія въ 15 и 20-ти, города же въ 180-ти верстахъ, и сіи послѣдніе едва ли имѣютъ жителей по 10 тысячь человѣкъ. Между селами и деревнями, по обѣимъ сторонамъ дороги, лежатъ еще пространныя болота, видны лѣсная дичь и тощіе пески, и проч.***). И теперь, въ Сибири, на пространствѣ 260,441,5 кв. м., на 1 кв. милю приходится только около 16 человѣкъ, въ томъ числѣ: въ западной Сибири, на протяженіи 83,067,10 кв. м., приходится только 36 чел. на 1 кв. м., а въ восточной Сибири, на пространствѣ 177,374,4 кв. м., всего только 7 человѣкъ причитается на 1 кв. м. И въ европейской Россіи пространство большею частію еще преобладаетъ надъ численностью населенія; на 1 кв. м. приходится еще только около 646 человѣкъ, въ томъ числѣ — въ архангельской губерніи,

*) W. Roscher, Syst. d. Volkswirth. B. II, S. 89—91. Онъ приводитъ числовой примѣръ, между прочимъ, изъ Сибирскаго экстенсивнаго земледѣлія.

**) Географич. Вѣстн. т. XXIX. отд. II: свѣдѣн. о числѣ жителей въ Запад. Сибири въ полов. XVIII столѣтія. стр. 207—235.

***) Чтен. общ. ист. 1859. кн. III.

при 16,025,39 пространства, только 17 жителей причитается на 1 кв. м., въ Олонецкой губерніи, на пространствѣ 2,705,98 кв. м., 107 на 1 кв. м., въ Оренбургской губерніи, при 6,917,31 кв. м. пространства, 290 чел. на 1 кв. м., въ Пермской губерніи, на протяженіи 6,050,12 кв. м., приходится только 338 чел. на 1 кв. м. *).

Вѣковое преобладаніе лѣса надъ полемъ, хлѣбородной земли надъ нехлѣбородной было естественною причиною преобладанія деревенской, земледѣльческой колонизаціи надъ торгово-промышленной, городской, лѣниваго, бѣднаго и крѣпостнаго населенія надъ развитіемъ энергическихъ, богатыхъ, свободныхъ и раціональныхъ, промышленныхъ ассоціацій, лѣсной дикости умовъ и нравовъ надъ гражданской интеллигенціей и цивилизаціей. «Въ первобытной дичи лѣсовъ, говоритъ Риль, пашетъ первый поселенецъ: онъ производитъ противоположность лѣса и поля, и съ этимъ вмѣстѣ начинается выходъ земли и людей изъ состоянія первобытной, животной естественности. Только тамъ, гдѣ есть поле и лѣсъ, начинается твердая осѣдлость, и только тамъ почва образуетъ даже основу, грунтъ органическаго общественнаго состоянія. Позднѣе изъ всеобщей формы поселенія происходитъ противоположность города и земли. Отсюда происходятъ соціальныя революціи, новые толчки въ естественной жизни народовъ» **). На русской землѣ, до начала земледѣльческой колонизаціи и долго послѣ нея, были почти сплошные, дремучіе, непроходимые лѣса дѣвственные. Лѣсъ до XVI в. еще рѣшительно преобладалъ надъ полемъ и одолѣвалъ рабочія землеустроительныя силы земства. Герберштейнъ, въ XVI в. еще около самой Москвы видѣлъ кругомъ огромные пни, свидѣтельствовавшіе о только-что срубленномъ лѣсѣ, а чѣмъ далѣе онъ подвигался на юго-западъ и особенно на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше и больше изумлялся обилію дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, сквозь которые еще не про-

*) Кольба, руков. къ статист. I, стр. 165—168.

**) W. H. Riehl, Land und Leute. Stuttg. 1861 S. 63. In der Urwildniss rodet der erste Siedler: er schafft den Gegensass von Feld und Wald und hebt damit das Verhältniss von Land und Leuten über die Linie der uranfänglichen bestialischen Natürlichkeit. Nur wo Feld und Wald ist, da ist feste Siedelung, da bildet der Boden selbst den Grund organischer Gesellschaftszustände. Später hebt sich aus der allgemeinen Form der Siedelung der Gegensass von Stadt und Land heraus. Hiermit kommt eine sociale Revolution, ein neuer Umschlag im Naturleben des Volkes.

ложены были даже пути и тропинки. Кругомъ онъ видѣлъ лѣса темныя, непочатыя, земли невоздѣланныя, болота непроходимыя *). И видно, что много еще было лѣсовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, когда судебники установляли различіе между лѣсными и безлѣсными мѣстами, на основаніи разстоянія жилья отъ строеваго лѣса на 10 или менѣе верстъ кругомъ. Деревня, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10, признавалась уже безлѣсною, *въ полѣхъ*. Подъ лѣсами находилась почти повсемѣстно почва въ высшей степени хлѣбородная, и хлѣбородность ея тѣмъ болѣе была заманчива для земледѣлія, что лѣто въ Россіи бываетъ теплое, даже жаркое. «Какъ сильны бываютъ морозы зимою,—говоритъ Олеарій, такъ же велики бываютъ и жары въ лѣтнее время... Русская земля, при плодоносной, добротной почвѣ, не требующей большой обработки, чрезвычайно плодородна (исключая нѣсколькихъ миль песчаной земли, находящейся въ окрестностяхъ Москвы) и даетъ въ изобиліи рожь и пшеницу, не смотря на то, что на всемъ пространствѣ своемъ пустынна и болотиста; по большой части покрыта она кустарникомъ и лѣсомъ, въ особенности же сосновымъ и еловымъ лѣсомъ и орѣшникомъ» **). При такомъ преобладаніи лѣсовъ въ древней Россіи надъ полемъ, и хлѣбородной земли надъ безплодной, естественно

*) На сѣверо-западъ отъ Москвы, по словамъ Гербенштейна, coetera sylvae magnae vastae que cinguni. По р. Москвѣ на юго-востокъ также ingentes occurunt sylvae. (Rerum moscovit. p. 65). Здѣсь и русскіе путешественники, по словамъ жизнеописанія Макарія Унженскаго и Желтоводскаго, проходили внутреннею пустынею и непроходимыми блаты, и бѣ мало отъ живущихъ ту во всѣхъ и въ пустыняхъ лѣсныхъ водились цѣлыя стада лосей и оленей (Сборн. Солов. библ. № 817, л. 420—424). Даже тѣ юго-западныя отъ Москвы области, которыя издавна были путемъ и средоточіемъ колонизаціи, двигавшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, даже область Черниговская и Новгородо-сѣверская, по словамъ Герберштейна, vastos desertos que passim campos habet, а около Брянска—Sylvam ingentem (p. 68, 61). А на сѣверо-востокѣ Гербенштейна кругомъ поражали дремучіе, непроходимые, сплошные лѣса. Напримѣръ, о пути на Бѣлоозеро онъ говоритъ: Via (per quam ex Moscovia iter Bieloiesero) propter ereBras paludes et sylvas fluviis obsitas... Accedet ad hanc itineris difficultate, ut propter ereBras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, loca inculta sint, nullisque civitatiBus frequentata, etc. (p. 77). Объ областяхъ вологодской, двинской и ватской онъ тоже говоритъ: Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris ratione propter ereBras paludes et fluviorum anfractus, hoc quoque in loco viatores observare non possent. Quo enim magis progrediare, hoc pluves et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurant, etc. (Rer. Moscov. p. 79, 80).

**) Олеарій. Архивъ 1859 г. кн. III, стр. 13. 16.

лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація должна была преобладать надъ колонизаціей полевой, торгово-промышленной, городской, и притомъ долго должна была имѣть характеръ *займищный* и *починочный*. Въ самомъ дѣлѣ, когда кругомъ и повсюду виднѣлись передъ глазами одни дремучіе, дикіе, непочатые лѣса, и подъ ними—дѣвственная хлѣбородная почва, — о чемъ было тутъ прежде всего и естественнѣе всего думать, что дѣлать, чѣмъ жить? Невольно нужно было прежде всего съ топоромъ, косой и сохой пробиваться сквозь непроходимые, безпредѣльные лѣса, занимать удобныя мѣста въ пашенныхъ лѣсахъ, лѣсъ рубить, ронить и чистить, пашни распахивать и изъ срубленныхъ *деревьевъ* строить *деревни*, заводить на займищахъ починки. И дѣйствительно, въ этомъ состояла вся первоначальная, архитектоническая и вѣковая работа русскаго народа и вся колонизаціонная обстройка русской земли. Всѣ, по словамъ актовъ, лѣсъ рубили, ронили, чистили, пашни распахивали и посажали, поставляли въ лѣсахъ только починки и деревни. Вездѣ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, естественно, ставились только деревни и села. Въ самыхъ лѣсистыхъ сѣверныхъ областяхъ ставилось почти за разъ починковъ по 300. Лѣсъ давалъ и мѣсто, и строевой матеріалъ, и пашню, и названіе всѣмъ первымъ поселеніямъ: отъ деревьевъ лѣсныхъ поселенія названы были *деревнями*, а поселенцы—*деревенщиками*; многія деревни и села назывались *лѣсками*, *борами* и т. п. Однимъ словомъ, лѣсъ составлялъ первоначальное основаніе всего земскаго строенья. И потому лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка, преобладала надъ полевою, городскою, торгово-промышленною колонизаціею. И это было естественно. Когда всѣ умственныя и физическія силы народа устремлены были въ лѣса, на борьбу съ лѣсною природою, на самую первоначальную, починочную работу—на расчистку изъ подъ лѣсовъ мѣстъ для поселенія и хлѣбопашества, для «сѣдѣнья и кормленья»,— могли ли тогда развиваться гражданскія, индустріальныя способности, понятія и стремленія? И гдѣ, въ этотъ первоначальный, займищный, починочный періодъ культуры и колонизаціи могли развиваться умственныя, индустріальныя понятія, потребности и силы, откуда могло развиться разнообразіе труда и производства, въ какой сферѣ долженъ былъ вращаться живой оборотъ труда и капиталовъ, когда кругомъ синѣлись и чернѣлись лѣса темные, дремучіе, непроходимые, прерываемые только болотами, озерами и рѣ-

ками, — и въ дикой, дремучей глуши этихъ лѣсовъ тутъ-индѣ распахивались починки и деревни на «лѣсѣхъ», и тамъ-индѣ, рѣдкими и раздѣльными, черезполосными дачами виднѣлись среди лѣсовъ такъ называемыя черныя или общинныя и бѣлыя или вотчинныя волости! Въ тѣ архитектоническія, основоположительныя времена, когда русскіе люди, идя на новоселье — на сѣверовосточныя земли и всюду встрѣчаясь только съ лѣсами дремучими и непроходимыми, а подъ лѣсами всюду находя обширныя полосы дѣвственной, непочатой хлѣбородной почвы, естесвенно, прежде всего должны были позаботиться о пищѣ, о хлѣбѣ насущномъ и о сѣдѣньяхъ или жилищахъ. И вотъ они и заняты были главнымъ образомъ тѣмъ, что завоевывали у лѣсовъ хлѣбородную землю и «мѣста для дворовъ, для починковъ и деревень», распахивали пашни и ставили свои хлѣбныя деревни. И вотъ одна изъ естественныхъ причинъ, почему деревни въ Россіи, какъ и вездѣ въ лѣсистыхъ странахъ, гораздо древнѣе городовъ, и ихъ устроено было несравненно больше, чѣмъ городовъ. На огромныхъ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пространствахъ не было ни одного города: по словамъ Герберштейна, propter sylvas, loca aculta sint, nullisque civitatibus frequentata*). Въ XVII в. Олеарій насчитывалъ въ Россіи только 18 большихъ городовъ, а деревень нашелъ безчисленное множество. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ города особенно необходимы были, какъ военно-стратегическія или административно-финансовые центры, ихъ было весьма мало, сравнительно съ земледѣльческими, деревенскими поселеніями. Напримѣръ, въ вотской пятинѣ, гдѣ по причинѣ частыхъ нападеній шведовъ, а прежде чуди, города необходимы были какъ военно-стратегическіе пункты, было всего только 3 плохихъ города, и тѣ возникли не путемъ торговли и ремесленности, а построены были князьями, между тѣмъ какъ деревень тамъ было до 2,710, и въ нихъ до 6295 дворовъ. Во всей западной Сибири, на протяженіи 83,067,10 кв. м., въ половинѣ XVIII столѣтія, городскихъ жителей считалось только около 4400, и тѣ состояли изъ разночинцевъ, занимавшихся главнымъ образомъ земледѣліемъ; между тѣмъ крестьянъ было около 19,000. Въ XVII вѣкѣ сами сельскіе жители чувствовали недостатокъ городовъ, жаловались, что села ихъ отдалѣли отъ городовъ, и имъ въ зимнюю и лѣтнюю пору для своихъ нуждъ выѣхать для торгу не-

*) Rer. Moscov. p. 77.

куда, «отъ городовъ отдалѣли, купить и продать ничего нельзя» *). Да и вообще. города древней Россіи нельзя считать городами въ европейскомъ смыслѣ, т. е. ассоціаціями индустріальной дѣятельности, торговъ промышленнаго и ремесленнаго труда и т. п. Они имѣли основу или правительственную — административную и военно-стратегическую, какъ остроги, или большею частію тоже, какъ села, — земледѣльческую. «Кто бывалъ въ отдаленныхъ нашихъ городахъ, — замѣчаетъ Лепехинъ, — тотъ знаетъ, что купецъ вмѣстѣ и пахарь» **) . Города стали нѣсколько развиваться у насъ не раньше, какъ послѣ городоваго положенія Екатерины II. И тогда они, однакожъ, не стояли прочно; многіе города были упразднены или сдѣлались заштатными вскорѣ послѣ основанія; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Соликамскъ, даже чуть не бунтовски отстаивали свой первобытный, земледѣльческій, сельскій типъ. Хотя Екатерина II и создала вновь изъ селъ не одну сотню искусственныхъ городовъ, все-таки численность земледѣльческихъ поселеній преобладала надъ числомъ городовъ, и города на Русской землѣ плохо развивались, потому что земледѣльческія наклонности народа преобладали надъ индустріальною интеллигенціею. «Въ Россіи, писалъ Мордвиновъ, — 18 милліоновъ муж. пола душъ сѣютъ хлѣбъ, чтобы прокормить 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей. Въ Англіи изъ всего народонаселенія $^1/_3$ упражняется въ сельской работѣ, когда, напротивъ, въ Россіи $^8/_{10}$ пашутъ землю, живя въ деревняхъ. Можно не обинуясь сказать, что Россія отстала отъ прочихъ народовъ въ обогащеніи потому, что предпочитала доселѣ сельскія занятія городской промышленности» ***). И доселѣ городовъ въ Россіи еще весьма мало, и большая часть изъ нихъ еще не отрѣшилась отъ сельскаго земледѣльческаго элемента. Земледѣльческія поселенія слишкомъ преобладаютъ надъ городскими. Сельскихъ поселеній, по статистическимъ таблицамъ за 1856 г., считалось 305,439, а городовъ 678 ****).

Преобладаніе лѣса надъ полемъ, почвъ лѣсныхъ, непочатыхъ надъ почвами расчищенными и воздѣланными обусловило также развитіе

---

*) А. Э. т. IV, № 95.

**) Дневн. Зап. I, 92.

***) Чтен. М. Общ. Ист. 1860 г. кн. I. отд. V. стр. 29—32.

****) Quetelet, sur l'homme et le developpement de ses facultes 1836. t. II, p. 151. Кольбъ, статист. I, 186. W. Roscher, syst. d. Volkswith. I, S. 112, 113—114. II, S. 56.

частной земледѣльческой колонизаціи и происхожденіе вотчинныхъ и потомъ крѣпостныхъ, земледѣльческихъ поселеній. Уже въ періодъ лѣсныхъ, охотничьихъ, звѣроловныхъ поселеній, когда славянскіе племена, по словамъ лѣтописи, «жили въ лѣсахъ звѣринскимъ образомъ», — лѣса, развивая звѣроподобную, хищническую и разбойничью жажду добычи, обусловливали вмѣстѣ съ тѣмъ неравенство развитія мышечныхъ и умственныхъ силъ дикихъ лѣсныхъ жителей, въ борьбѣ съ звѣрями и въ хищническихъ набѣгахъ, а оттуда неравенство добычи, достатка, средствъ. На переходѣ изъ лѣснаго, звѣроловческаго состоянія къ земледѣльческой колонизаціи, когда лѣса, хлѣбородныя земли подъ лѣсами всѣхъ манили на займища и починки, на роздѣлъ, росчисть и распашку лѣсовъ, для того, чтобы быть сытымъ, богатымъ и домовитымъ,—естественно, уже съ самаго начала не всѣ имѣли одинаковыя силы и средства для того, чтобы завоевать у лѣсовъ хлѣбородныя земли. Возникшее еще въ періодъ лѣсной, звѣроловческой жизни естественное неравенство наловленной и награбленной добычи родами предъидущими, старѣйшими, уже имѣло вліяніе и на наслѣдственную зажиточность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліятельность родовъ послѣдующихъ, «молодшихъ», и, слѣдовательно, на общее неравенство силъ и средствъ. Явились, такимъ образомъ, люди *лучшіе, старѣйшіе, житьи* или *житѣйскіе*, т. е. зажиточнѣйшіе и богатѣйшіе, и люди *меньшіе, худшіе, молодшіе*, т. е. бѣднѣйшіе. Богатѣйшіе иначе назывались въ старину *большими* и *сильными*. Такимъ образомъ, естественно, и земледѣльческая борьба съ лѣсами, по равенству силъ и средствъ, должна была быть не равная. Потому-то и владѣнье землею называлось *силою* и *посильемъ*, опредѣлялось и ограничивалось только мѣрою силъ, трудовъ и средствъ поселенцевъ, почему и говорилось и писалось: «куда топоръ, коса и соха ходили, или сколько силы было», т. е. сколь далеко хватали средства и труды владѣльцевъ, займовщиковъ земель, дотолѣ простиралось и поземельное владѣніе;—*посилье*: за чертою труда, за мѣрою силъ прекращалось владѣніе, займище и поселеніе. Неравенство силъ и средствъ, какія требовались для борьбы съ лѣсною природою, для завоеванія у лѣсовъ хлѣбородныхъ земель, тѣмъ больше и ощутительнѣе являлось, чѣмъ дальше и глубже забиралась колонизація и культура въ сѣверовосточные лѣса, чѣмъ больше требовалось со стороны поселенцевъ энергіи, силъ, средствъ и рабочихъ рукъ для расчистки лѣ-

совъ подъ пашни и деревни. Кто имѣлъ силы и средства большія, капиталъ для найма рабочихъ рукъ, рабочихъ силъ, лишнія земледѣльческія орудія — топоры, косы, сохи и т. п., — тѣ, естественно, больше захватывали лѣсовъ и разчищали ихъ подъ пашни и дворы или деревни. Лѣса и земли, особенно въ русскомъ климатѣ и при первобытномъ состояніи русскаго общества, представляли сырой, безплодный матеріалъ, не могущій прокормить своего владѣльца, если онъ не употребитъ на нихъ своего труда и капитала. Дикій лѣсъ, дикую землю, какіе первоначально были сплошь и рядомъ, прежде всего нужно было разчистить, а потомъ воздѣлать и засѣять, чтобы она дала хлѣбъ; а для воздѣланія нужны рабочій скотъ, «животина страдная» и орудія, а для засѣянія готовыя сѣмена, и сверхъ того нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, и готовую избу, дворъ, или по крайней мѣрѣ подмогу для постройки новой избы, либо для покупки на торгу готоваго избнаго сруба и для заведенія первоначальнаго домашняго обихода. А всего этого бѣдные люди, очевидно, не могли пріобрѣсти, не имѣвши скопленнаго капитала. Въ тѣ времена крайней экономической неразвитости и бѣдности *), при неразвитости даже кузнечнаго искусства,— тысячи бѣдныхъ людей не имѣли и не могли завести даже топора, косы, и сохи **), чтобы срубить лѣсъ, расчистить и распахать пашни и срубить избу, и та-

*) Чтобы судить, до какой степени бѣдны были многіе русскіе люди, изъ за какихъ ничтожныхъ денегъ закабаляли свои рабочія силы на службу и работу при дворахъ зажиточныхъ и сильныхъ людей «по свой животъ», см. дѣла о запискѣ въ кабалу. Акты, относ. до юрид. б., изд. Калачевымъ, № 93, стр. 594—602.

**) Юрій Крижаничъ писалъ о недостаткѣ земледѣльческихъ орудій даже въ XVII вѣкѣ: «Наши люди, якоже во многихъ иныхъ промыслѣхъ, разумомъ недалеко досягаютъ, такъ и въ земли тетанію (въ земледѣліи) многу скудость разума и лѣность за неработливость свою сказуютъ. Тежаки бо наши посудія и орудія или нѣмаютъ съ потребу, или нечисто, тупо, некорыстно, нестройно, непригодно оно имѣютъ. Державники (воеводы) уѣздны или областные намѣстники да держатъ всякое орудіе на продажу, и да продаютъ его кметамъ безъ прибыли, по указной цѣнѣ, вѣрно и по вѣсу, т. е. ножи, серпы, косы, мотыки (лопаты), заступы, рала, топоры, млаты, клещи, оскорды (скребки), скобли, трезубы, зубачи, вилы» и проч... Далѣе Юрій Крыжанычъ подробно говоритъ о томъ, какъ недостатокъ и несовершенство земледѣльческихъ орудій отнимало у нашихъ крестьянъ и время, и возможность выгодныхъ работъ, и проч. См. раздѣлъ III, стр. 50 и слѣд.

кимъ образомъ самостоятельно завести починокъ или поселье въ лѣсу, на нови. И вотъ, не имѣя рѣшительно никакой возможности справиться съ лѣсомъ, для того, чтобы распахавши пашню, добывать свой хлѣбъ насущный, и обстроиться своимъ дворомъ, — бѣдняки волей неволей должны садиться на чужой землѣ, «поряжаться во крестьяне» къ богатымъ собственникамъ-землевладѣльцамъ, для того, чтобы имѣть готовый дворъ, избу, рабочій скотъ и даже денежную подмогу или ссуду *). А на этомъ и основалась земледѣльческая, вотчинная колонизація, создавшая впослѣдствіи обширныя, крѣпостныя, земледѣльческія поселенія. Богатые люди, землевладѣльцы-собственники, князья, бояре, дѣти боярскіе, владыки, игумены, имѣя всѣ средства и силы, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, капиталы,—вдоволь занимали огромныя лѣсныя пространства кому сколько было угодно и возможно; а бѣдные, вольные, охочіе люди, не имѣвшіе ни топора, ни косы, ни сохи, ни кола, ни двора, ни рабочаго скота, невольно шли къ нимъ на эти лѣсныя пространства, получали орудія, деньги на заведеніе скота и проч., и устроялись на ихъ отводныхъ лѣсныхъ земляхъ или дачахъ дворами въ вотчинныя, землевладѣльческія деревни. Поряжаясь во крестьяне и получая вспомогательныя средства, бѣдные вольные охочіе люди обязывались: 1) срубить лѣсъ, расчистить мѣсто для поселья, поставить дворъ съ городьбою и хоромами, или починить старыя дворы и хоромы, какихъ у богатыхъ землевладѣльцевъ бывали настроены или наготовлены цѣлыя деревни, срубить избу, клѣть, хлѣвъ и сѣнникъ, мшанникъ, гумно, мыльню или баню; 2) расчистить изъподъ лѣсу и распахать пашню, пожни или покосы очистить, луга и огороды огородить и *земли впустѣ не оставлять*, т. е. должны ее засѣять и засадить; 3) до срока никуда на другую росчисть или землю не сходить, ни въ *Княщину*, за князя, ни въ *боярщину*, за боярина, ни въ *монастырщину*, на земли монастырскія,

*) См. „Порядныя во крестьянство“ въ Ак. Юр. и въ Акт. относ. до Юридич. быта: ихъ много. Для образца здѣсь мы приведемъ одну: „Се азъ Иванъ Кондратьевъ сынъ Большаковъ въ нынѣшнемъ 199 году, Декабря въ 5 день, далъ я на себя сію ссудную запись стольнику Ивану Григорьевичу Неронову, а взялъ я у него на ссуду денегъ десять рублевъ, и на тѣ ссудныя деньги мнѣ Ивану завесть лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и всякой крестьянской заводъ, и съ тѣмъ крестьянскимъ заводомъ жить мнѣ Ивану, за нимъ государемъ своимъ Ив. Григорьевичемъ во крестьянствѣ, гдѣ онъ государь мой укажетъ“, и проч. А. относ. до Юрид. б. № 94.

и никуда *неотыматься*, ни въ казачество, ни въ стрѣлечество, и, вообще, до срока быть *крѣпкимъ владѣльцу* и быть у него въ послушаніи. Такимъ образомъ быстро расчищались лѣса, разработывались пашни и обстроивались села и деревни землевладѣльческія, вотчинныя, помѣстныя. И когда, въ главныхъ частяхъ, кончилась починочная вырубка лѣсовъ и основоположительная, архитектоническая постройка землевладѣльческихъ селъ и деревень,— тогда кончилась и *вольнымъ воля*, и богатырскому, землеустроительному крестьянству, за его вѣковую *страдомую работу*, воздано было крѣпостнымъ правомъ, и грустно увѣковѣчилась пословица: *вотъ тебѣ бабушка и юрьевъ день*!

А. Щаповъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе.)

V.

Изъ всего предъидущаго очерка видно, что естественныя силы и условія всецѣло преобладали надъ умственными усиліями, средствами и основами нашихъ земледѣльческихъ поселеній. Въ устройствѣ и географическомъ распространеніи ихъ не видно умственной дѣятельности, знанія, а вездѣ явственно отпечатлѣлось преобладаніе физическихъ законовъ и непосредственныхъ вліяній природы русской земли. Во-первыхъ, въ дѣлѣ распространенія земледѣльческой колонизаціи и культуры недоставало самаго главнаго—разумнаго и подробнаго землевѣделія. До Петра великаго, когда собственно и совершалась разработка и обстройка русской земли, — народъ нашъ, по словамъ Петра, не зналъ ни земли, ни воды своей. Правительственныя описи—земляные списки, писцовыя, окладныя и другія книги только отрывочно и крайне-поверхностно измѣряли и описывали «земли орамыя, земли добрыя, середнія и худыя, лѣса пашенные и непашенные». Раціональнаго, научнаго знанія почвъ и климата русской земли не было ни у народа, ни у самаго правительства *).

*) Извѣстный писатель царствованія Алексѣя Михайловича, Юлій Крыжаничъ, первый высказалъ правительству, еще только какъ pium desiderium, мысль о необходимости изслѣдованія естественно-производительныхъ силъ русской земли. Онъ писалъ: «Добро-бы было выслать углядниковъ (дозорщиковъ, наблюдателей) по всему царству; или паче державникамъ (областнымъ

Отсюда проистекали весьма частыя ошибки въ выборѣ мѣстъ для земледѣльческихъ поселеній. Не смотря на обиліе хорошихъ, хлѣбородныхъ земель, поселенцы часто, по незнанію, селились на тощихъ земляхъ, и послѣ горько жаловались на безплодность своихъ полей. Большею частію земледѣльческая культура и колонизація шла наугадъ и на авось, безъ всякаго предварительнаго обслѣдованія и изученія почвы и климата выбираемой подъ заселеніе мѣстности. Отсюда, весьма нерѣдко случалось, что одни крестьяне выбирали и расчищали черный дикой лѣсъ, распахивали пашни, ставили починки, деревни и селились въ нихъ,—и земля выпадала на ихъ долю хорошая. А рядомъ, въ той-же области, цѣлая волость населялась наземлѣ худой, безплодной. И не было точнаго знанія ея. Тогда какъ писцы находили въ этой волости много доброй земли,—сами землевладѣльцы жаловались на ея совершенную безплодность. Такъ въ вятской области, въ хлыновскомъ уѣздѣ, въ бобинскомъ стану, гдѣ было 209 дворовъ кретьянскихъ и бобыльскихъ, по писцовымъ книгамъ 1629 года, было» пашни паханыя добрыя земли 48 четвертей съ четверикомъ, середней земли 464 чети,» худой земли 24 чети». А землевладѣлецъ этого бобинскаго стана въ 1670 году жаловался, что «тотъ бобинскій станъ на Вяткѣ самый нужный,—земли боровыя, песчаныя, а не хлѣбородныя, и крестьяне кормятся отъ того, жгутъ смолу и уголья на продажу, а не отъ пашенъ» *). Крайній недостатокъ разумнаго плана и направленія русской земледѣльческой колонизаціи и культуры, между прочимъ, довольно наглядно обнаружился въ томъ характеристическомъ фактѣ, что вмѣсто наиболѣе-обширнаго и энергическаго направленія къ югу, въ обширную полосу чернозема, въ область умѣреннаго климата, ближе къ поясу пшеницы, винограда и кукурузы, — наша земледѣльческая колонизація, много вѣковъ, съ безплоднымъ и страдальческимъ напряженіемъ, устремлялась на сѣверъ, къ тундрамъ и ледовитому морю. И мы, такимъ образомъ, не путемъ научнаго изслѣдованія, а путемъ горькой и неудачной крест-

---

начальникамъ, воеводамъ) заповѣдать: да бѣху обысковали и отвѣдовали и обличали, гдѣ ся буйно (хорошо, обильно) родитъ, либо родиться можетъ кое жито, зелье, древве или былье, якоже: ленъ, конопле, хмѣль, медъ, главатица, лукъ, и иное». (о моск. госуд. розд. III стр. 44). Петръ В. предписывалъ Камеръ-Коллегіи, какъ средоточію *Земскаго Экономства*: „о состояніи, *натурѣ и плодородіи* каждой провинціи увѣдомлетися, и стараться какъ-бы запустѣлыя земли заселить". (П. С. З. № 3466).

*) Доп. къ А. Ист. т. IV, № 14, стр. 82.

янской практики — *страдомой* работы, изъ ошибочнаго направленія и изъ напрасныхъ усилій нашихъ земледѣльческихъ поселеній узнали границы земледѣлія на сѣверѣ Россіи, напримѣръ—на р. Сосвѣ въ Першинскихъ юртахъ, въ Реполѣ при Иртышѣ, на Пелымѣ въ Атимье-паулѣ, на Кондѣ въ Шаимѣ, близъ Пузяима и по близости Сатига, близъ устья Щугоры, при устьяхъ Ижмы и Цыльмы *). Незнаніе почвы и климата постоянно и жестоко наказывало наши земледѣльческія колоніи за этими границами земледѣлія. Въ актахъ историческихъ часто встрѣчаются жалобы сѣверныхъ поселенцевъ на то, что они поселились «на украйнѣ, у студенаго моря, земля пришла каменистая, и стужа великая, и снѣги по вся лѣта мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ». Сѣверныя крестьянскія поселенія, устроившіяся по указу правительства, большею частію были бѣднѣйшія. Вотъ, напримѣръ, челобитная крестьянъ пустозерскаго острога, 1667 года: «бьютъ челомъ сироты, Пустозерскаго острога бѣдные осталые Пермяченка отъ разброду, отъ хлѣбнаго голоду, сотской и всѣ крестьяне: мы бѣдные людишка бѣдны и безхлѣбные и безоленные, что было оленишокъ осталыхъ отъ прежнихъ самоядцкихъ грабежовъ, и тѣхъ достальныхъ самоядъ всѣхъ отгонили... Для рыбныхъ и бѣлужьихъ промыслишковъ не ходимъ на море, и судовъ у насъ морскихъ, лодей и кочей нѣтъ, что дѣлать не умѣемъ и не изъ чего, лѣсу нѣтъ, мѣсто тундряное», и проч. **). Или посмотрите на крестьянскія поселенія, напримѣръ, на пути отъ Соликамска до Чердыни: вся страна кажется безплодною и жители бѣдны. Во многихъ мѣстахъ деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, да и то большая часть изъ нихъ, а иногда и всѣ пусты: бѣдные обитатели ихъ переселились въ другіе уѣзды губерніи, особенно въ осинскій, и заняли тамъ земли. Но и тутъ, не умѣя выбрать хорошія земли, или посредственную почву сдѣлать достаточно-хлѣбородною, переселенцы принуждены бываютъ оставлять новыя свои жилища и вести полукочевую жизнь ***). Что значитъ умъ въ борьбѣ съ природой на крайнемъ сѣверѣ Россіи,—показываютъ, между прочимъ, наши туруханскія колоніи духоборцевъ и разныхъ другихъ ссыльныхъ поселенцевъ. Духоборцы, по словамъ

*) Записки рус. географ. общ. 1849 г. кн. III, стр. 165—166.

**) Доп. V, № 35, стр. 172.

***) Зап. Географ. Общ. 1853. кн. VII. Дневн. Латкина въ Пегорѣ въ 1840—1843 г. стр. 6.

Кастрена, живущіе умно in dem geräumigen Tempel der Natur, и отличающіеся примѣрнымъ трудолюбіемъ,— съумѣли домовито устроиться и въ суровомъ климатѣ, и на безплодной почвѣ туруханской ледовитой тундры, за предѣлами земледѣлія, кончающагося на Енисеѣ въ дер. Вороговой въ анцыферовской волости. Они съумѣли развести здѣсь даже сады съ хорошими корнеплодными растеніями, съ макомъ, съ астрами, съ гераніями и проч. Между тѣмъ, другіе русскіе ссыльные колонисты, кромѣ кое-какихъ плохихъ жилищъ, ничего не могли завести, не умѣли, подобно духоборцамъ, успѣшно заниматься культурой и оставались безъисходными страдальцами суровой сѣверной природы и своей несчастной доли. Само правительство, для своихъ цѣлей заселяя пустыя мѣста, устроя крестьянъ въ села и слободы, большею частію наугадъ и ошибочно отводило имъ земли на заселеніе, и въ мѣстностяхъ крайне-невыгодныхъ, непроизводительныхъ. Такъ, напримѣръ, самаровскихъ ямскихъ охотниковъ, пашенныхъ крестьянъ, «посадили подъ самаровскими горами, на дальнемъ пустомъ мѣстѣ непашенномъ» *). Таковы же всѣ сѣверныя поселенія, въ родѣ жалкихъ деревушекъ пустозерскихъ, обдорскихъ, березовскихъ, туруханскихъ, нижне-колымскихъ и т. п. Въ Сибири, гдѣ производилась спеціальная земледѣльческая колонизація, правительство поручало воеводамъ составлять росписи и чертежи пашеннымъ мѣстамъ»**). «Но росписи эти составлялись небрежно, наугадъ, невѣрно. И въ наше время иногда весьма неудачно отводились земли для поселенія крестьянъ, напримѣръ, на Аянѣ и на Амурѣ: многіе переселенцы перемерли, а другіе назадъ возвращались, остальные бѣдствовали. Какъ русскіе крестьяне, такъ и иноплеменные колонисты, отъ незнанія сибирскихъ мѣстностей и почвъ, и отъ неправильнаго указанія земель мѣстнымъ начальствомъ, часто должны были долгое время блуждать безпріютно по пустынямъ Сибири. Такъ, колоніи ссыльныхъ лютеранскаго исповѣданія испытали такія бѣдственныя странствованія по пустынямъ минусинскаго округа. Напримѣръ, 5 семействъ изъ нихъ, со скотомъ, почти цѣлое лѣто, въ 1847 году, тянулись на отведенную имъ землю, въ 200 верстахъ ниже Минусинска, вблизи Енисея. И что-же увидѣли, когда пришли? На первыхъ порахъ эти несчастные нашли голые, ска-

*) Доп. IV. № 96.

**) Доп. II, № 89, стр. 243—248.

листые берега Енисея, испытали продолжительныя бури надъ безлѣсною мѣстностью, увидали тощую и негодную степную траву, убѣдились въ недостаткѣ удобной земли и строеваго лѣса, словомъ, послѣ перваго обзора мѣстности, они пришли къ тому убѣжденію, что имъ предстоитъ лишь возможность поддержать свое жалкое существованіе единственно рыбной ловлей. Это обстоятельство вынудило путешественниковъ направиться на югъ, и опять, въ тоскѣ и неизвѣстности, блуждали они долгое время, все отыскивали землю плодородную, разбродясь только на зиму по русскимъ деревнямъ. Наконецъ, уже въ 1851 году, послѣ долгихъ, изнурительныхъ, безплодныхъ и разорительныхъ странствованій, они нашли искомую землю и поселились въ мѣстности, совершенно необитаемой, при рѣчкѣ Суэтукѣ *). Точно также каждое лѣто тянутся въ Сибирь безпрерывныя и длинныя вереницы горемычныхъ добровольныхъ переселенцевъ — крестьянъ, — и большая часть изъ нихъ идутъ туда на авось, безъ всякаго знанія почвъ, на которыхъ хотятъ селиться, или зная вновь искомыя и выбираемыя земли только по невѣрнымъ, обманчивымъ слухамъ и преданіямъ. Худо, что этимъ переселенцамъ не сообщаются предварительныя, подробныя и точныя свѣдѣнія о почвѣ и климатѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ можно селиться крестьянамъ, или куда они сами идутъ. На помощь имъ и вообще колонизаціи Сибири, у насъ какъ-то немыслимы ни компаніи или общество колонизаціи, на подобіе французско-алжирскаго, или англо-американскихъ, ни какія-нибудь популярно-научные вѣстники землевѣдѣнія, которые бы распространяли въ народѣ точныя и подробныя знанія о русской и сибирской землѣ—знанія физико-географическія, климатическія, почвенныя или химическія и т. п. — Между тѣмъ, по причинѣ нераціональнаго выбора мѣстъ подъ населенія, — наши земледѣльческія колоніи часто жестоко страдали не только отъ вліяній климата и безплодья или истощенія почвъ, но и отъ другихъ мѣстныхъ физико-географическихъ вліяній. Не умѣя предотвратить разрушительныя дѣйствія природы, не зная средствъ противодѣйствовать сокрушительнымъ силамъ стихій,—наши поселенцы не всегда умѣли и устроиться разумно, предусмотрительно и прочно. Если не пожары, не бури, то весенніе разливы рѣкъ и наводненія нерѣдко разрушали или потопляли цѣлыя волости. Напримѣръ, въ 1679 го-

*) Записки Сибир. Отдѣл. Геогр. Общ. 1864. кн. VII, смѣсь, стр. 17—18.

ду, пашенные крестьяне чечюйской волости на Ленѣ жаловались: «въ 186 году, въ чечюйскомъ острожкѣ, судомъ божіимъ, вешнею водою, дворенка ихъ льдомъ изломало, и скотишко и хлѣбные запасы и всякое борошнишко потопило и насѣянныя въ поляхъ великаго государя и ихъ крестьянскій хлѣбъ и сѣнные покосы и скотинные выпуски пескомъ и иломъ насадило»*). Въ 1660 году енисейскій воевода писалъ: «въ нынѣшнемъ, во 168 году, апрѣля противъ 17 числа, въ ночѣ, божіею волею, пришла вешняя большая вода изъ Тунгуски, съ Байкала озера, и изъ Енисея и изъ сторонніхъ рѣкъ, и пошелъ ледъ, и тою большею водою енисейскій острогъ и въ посадѣ дворы поняло, и лдомъ сломило наугольную фроловскую башню, и отъ той башни, подлѣ Енисея рѣки, выломило острожной стѣны 170 саженъ, и у жилецкихъ многихъ людей избы и дворы ихъ поломало и посносило и домы разорило; а въ енисейскомъ уѣздѣ въ деревняхъ, которыя деревни стояли и пашни были на низкихъ мѣстахъ, на лугахъ, и въ тѣхъ деревняхъ у енисейскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ насѣянный хлѣбъ, рожь, что сѣяна въ прошломъ во 167 году къ нынѣшнему ко 168 году, льдомъ скопало и водою смыло и снесло, и на тѣ-жъ сносныя земли, гдѣ были сѣяны ржи, послѣ большія воды, какъ та земля обсохла, многіе крестьяне сѣяли яровой хлѣбъ гдѣ была посѣяна рожь; и тѣ енисейскіе всякіе жилецкіе люди отъ того великаго потопу обѣднѣли и въ конецъ одолжали, и домы у многихъ разнесло, и впередъ чаемъ отъ воды надъ городомъ великаго дурна»**). Такъ стихіи природы, волны рѣкъ сносили съ лица земли и разрушали цѣлыя волости и города. Не умѣя предотвращать разрушительныя дѣйствія разливовъ рѣкъ, поселенцы не знали также никакихъ искусственныхъ средствъ завоевывать у природы и улучшать почвы на земляхъ неудобныхъ, напримѣръ,—болотистыхъ, кочковатыхъ, каменистыхъ и пр. И по невѣжеству своему, или умственному безсилію жаловались на безземелье, когда кругомъ было много земли подъ болотами или подъ кочками. Лепехинъ, во время путешествія своего по Россіи усмотрѣвшій вообще много умственныхъ недостатковъ въ нашихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, между прочимъ, писалъ о всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвою и Арзамасомъ: «рѣдко найдешь деревню, гдѣ бы крестьяне почитали себя довольными пахатною зем-

*) Доп. VIII, № 51, стр. 226.

**) Доп. IV, № 76. Также т. VII, № 74, стр. 348, № 38 стр. 205.

лею, но вездѣ жалуются на недостатокъ оной, хотя нерѣдко передъ глазами ихъ лежатъ обширныя мѣста, годныя ко всякому плодородію. Я разумѣю болотистыя мѣста, которыя небольшимъ трудомъ изсушить можно. Они не только бы съ избыткомъ могли наградить трудъ тучною пашнею, но и много бы способствовали къ прекращенію другихъ вредностей, какія какъ сами крестьяне, такъ и скотъ въ разсужденіи здоровья чувствуютъ; не упоминая о препятствіи въ ростѣ лѣсовъ и пахатныхъ произрастеній, да и самая ржа, нерѣдко побивающая хлѣбъ и скоту непріязненная, по большой части отъ болотныхъ мѣстъ начало свое имѣетъ. На мѣсто изсушенія болотистыхъ мѣстъ, употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашенъ, который *новиною* называютъ... Такого распространенія пашенъ во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки; ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко обширныя палестины лѣса выгораютъ.»*) Въ Сибири, въ новоустроенныхъ поселеніяхъ, на новыхъ, свѣжихъ почвахъ, чуть, по выраженію актовъ, *выпахивалась земля*,—поселенцы непремѣнно страдали отъ безхлѣбья, бѣднѣли, били челомъ царю о помощи, о хлѣбной и денежной ссудѣ изъ казны, и, не зная никакихъ средствъ возстановить или усилить плодородіе почвы, не находили никакого другаго исхода, кромѣ переселенія на новую землю, или полученія хлѣба изъ казенныхъ житницъ: иначе разбродились врознь. Такъ, въ тобольскомъ уѣздѣ, въ софійскихъ слободахъ, по словамъ акта 1658 года, «учинился хлѣбу недородъ, пашенныя земли выпахались, крестьяне отъ хлѣбнаго недорода обнищали и одолжали великими долги», — и одно только средство знали они, какъ избавиться отъ истощенія почвы и хлѣбнаго недороду — занятіе и роспашку новыхъ земель по р. Пышмѣ.**) «На Ленѣ,—писалъ въ 1679 году якутскій воевода, — пахатныя земли выпахались, хлѣбъ не родится»,—и вслѣдствіе этого въ Якутскѣ помирали съ голоду, ѣли сосновую кору и всякую мерзость, а другіе разбродились врознь.***) Вообще, не естественно-научными знаніями руководилась земледѣльческая колонизація и культура, а шла, по словамъ актовъ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, распространялись по непосредственному указанію природы, вполнѣ и рабски подчиняясь топо-

*) Дневн. Записки изд. 1795 г. ч. I стр. 62—63.
**) Доп. IV, № 55.
***) Доп. VIII, стр. 234.

графическимъ, климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. И вотъ, земледѣльческія поселенія наши закоснѣли въ умственномъ и рутинномъ рабствѣ передъ природой, передъ законами климата, почвы и, вслѣдствіе того, въ застоѣ и бѣдности *).

Вѣковое преобладаніе въ Россіи земледѣльческой колонизаціи и культуры надъ распространеніемъ и индустріальнымъ развитіемъ городовъ не совсѣмъ выгодно было для умственнаго саморазвитія русскаго народа. Народъ нашъ, въ сравненіи съ европейскими передовыми націями, стоитъ на низшей степени гражданственности и умственнаго развитія, между прочимъ, именно отъ того, что онъ всегда былъ главнымъ образомъ земледѣльческимъ народомъ. А націи и государства чисто земледѣльческія всегда развиваются съ особенною медленностью, и долго коснѣютъ на одной и той-же степени умственнаго состоянія. Исключительно земледѣльческая колонизація и культура, по причинѣ существенной и пассивной зависимости своей отъ природы, гораздо болѣе, чѣмъ бытовыя и умственныя условія городовъ, благопріятствовала развитію предразсудковъ и суевѣрія.

Въ Россіи, кромѣ незнанія законовъ метеорологическихъ, вообще

---

*) Извѣстный нашъ государственный умъ, Мордвиновъ, писалъ: «Народъ просто земледѣльческій всегда бываетъ бѣденъ, и въ случаѣ неурожаевъ не имѣетъ даже способовъ избавиться отъ голода... Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, занимаемая въ россійскомъ государствѣ 12 милліонами сихъ мужес. и женск. пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться на долго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожая даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 милліоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать неможно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и могущемъ вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ заведеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія инаго, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, *ни лицъ, могущихъ просвѣщать*, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій къ возрожденію впредь благоустройства. Какое нелѣпообразное великой части имперіи состояніе! Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 милліоновъ пахателей и пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, оставляемы будутъ безъ всякаго просвѣщенія». (О причин. разстр. финанс. въ Россіи. Чтен. моск. общ. истор. 1860 г. кн. 1, отд. V, стр. 31).

незнаніе природы, въ теченіи первоначальной колонизаціи и культуры, породило въ земледѣльческихъ поселеніяхъ много всякаго рода суевѣрій. *) При отсутствіи въ древней Россіи естественно-научнаго образованія и промышленной городской дѣятельности,—устроявшіяся въ темныхъ, дикихъ лѣсахъ земледѣльческія поселенія, во всѣхъ своихъ основахъ и отправленіяхъ, проникнуты были суевѣріями и предразсудками. Возникало ли вновь село, — происхожденіе его обставляли какимъ нибудь чудомъ. **) Удачный выборъ новаго мѣста для поселенія обусловливался и гарантировался не разумнымъ разсчетомъ удобствъ, а суевѣрными примѣтами и знаменіями. Когда хотѣли селиться на новое мѣсто, рубить лѣсъ и ставить дворъ, то прибѣгали къ разнымъ суевѣрнымъ обрядамъ. Между прочимъ, лечебникъ давалъ такія правила: «когда хочешь дворъ ставить на новомъ мѣстѣ, или избу, или иные которые хоромы, и ты вели испечь три хлѣба маленькіе: вынь ихъ изъ печи, и подложи одинъ хлѣбецъ подъ пазуху, а другой подъ другую, а третій положи на сердце, и вшедши на то мѣсто, гдѣ хочешь избу ставить, и ставъ на томъ мѣстѣ, спусти на землю тѣ три хлѣбца подпазушные и отъ сердца. И если всѣ три хлѣбца лягутъ къ верху коркою верхнею, то мѣсто добро: тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставь избу и всякіе хоромы; если-же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ къ верху верхнею коркою, еще ставь—добро; когда же падетъ одинъ хлѣбецъ къ верху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ.» Вотъ какими соображеніями руководствовались и до сихъ поръ руководствуются наши крестьяне, окруженные непроницаемой тьмой невѣжества.

Точно также народъ имѣлъ свой взглядъ на годовыя перемѣны и вліянія погоды. Въ сборникахъ, напримѣръ, распространялись такія сказанія о вліяніи праздниковъ на погоду и плодородіе: «аще будетъ рождество христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождева, жатва суха, меду пооскудно, скотомъ и овцамъ пагуба; аще будетъ рождество христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру; аще будетъ прилу-

*) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ историч. очеркахъ интеллектуальнаго или умственнаго развитія народонаселенія, въ исторіи земледѣльческаго народнаго міросозерцанья.

**) Владим. Сборн. стр. 67.

чится рождество христово во вторникъ, то зима велика и снѣжна, жатва ведрена, очень добра, овощей и меду и пряныхъ зелей поо-скуду, скотомъ и овцамъ пагуба, и женскому полу „болѣзненно», и т. д. *) Подъ вліяніемъ такого міровоззрѣнія, земледѣльческія поселенія руководствовались разными примѣтами и мистическими понятіями при взглядѣ на природу.

Такъ, въ сборникѣ пословицъ, изданномъ Далемъ, земледѣльческій мѣсяцесловъ заключаетъ въ себѣ до 983 суевѣрныхъ примѣтъ. Кромѣ того, въ томъ же сборникѣ напечатано до 560 суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій, относящихся собственно къ земледѣлію и погодѣ. (Чтен. общ. истор. 1862 г. кн. 1, стр. 970—1029). И развитіе земледѣльческаго суевѣрія довело, такимъ образомъ, сельскія поселенія до глубокаго умственнаго рабства. — Суевѣріе до того наконецъ съузило сферу земледѣльческаго міросозерцанія и культуры, что кромѣ немногихъ видовъ хлѣбовъ и нѣкоторыхъ огородныхъ овощей,—многіе изъ нашего народа не только не находили нужнымъ и не умѣли, но даже считали излишней, грѣховной затѣей—разводить какія-нибудь другія растенія.

Расколъ возвѣстилъ ученіе, что такія произведенія, какъ табакъ, картофель—богомерзкія, чортовы произрастенія, и съ фанатическимъ отвращеніемъ возсталъ противъ производства и употребленія этихъ растеній. Въ рукописяхъ раскольничьихъ, ходящихъ по рукамъ, встрѣчаются, напр., слѣдующія наставленія: «Аще кто изъ православныхъ дерзнетъ пить чай, отчается самаго Господа І. Х. троекратно; аще кто дерзнетъ пить кофей, въ томъ человѣкѣ будетъ ковъ лукавый, не будетъ благодати божіей. Возниче трава бѣсовская — табакъ». Кортофель, по рукописямъ раскольничьимъ, выросъ изъ трупа какого-то царя, котораго народъ считалъ богомъ. «На VII вѣкъ приплодился онъ — картофель по всей землѣ и возлюбятъ губину—сирѣчь картофій **)». Въ пословицахъ, изданныхъ Далемъ, подъ словами: *изувѣрство — расколъ*, читаемъ такія раскольничьи бредни: «Чай, кофе, картофель, табакъ—прокляты на семи вселенскихъ соборахъ. Пагуба душевная и тѣлесная: чай, кофе, табакъ. Картошка проклята, чай двою проклятъ, табакъ да кофе трою. Разводить и продавать картофель еще можно, но ѣсть грѣшно. Не сыт-

*) Сборн. Солов. Библ. № 889. Пам. стар. р. лит. III, стр. 157—158.
**) Матер. для географ. и стат. Россіи. Казанск. Губ. стр, 476.

ное, проклятое былiе, еже по еллински обилiе т. е. картофель. Кто кофе пьетъ, того Богъ или громъ убьетъ. Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай. Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ христіанскія сердца—сгубила всѣхъ до конца. Корень горести высь прозябаетъ—табакъ. Кто табакъ пьетъ т. е. нюхаетъ да куритъ—Святаго Духа изъ себя туритъ», и т. п.*). Въ рукописяхъ старовѣрскихъ встрѣчаются даже цѣлыя легенды или большія повѣсти о нечистомъ происхожденіи и богопротивности картофеля и табака **). Вслѣдствіе такого нелѣпаго взгляда, въ XVII в. само правительство нѣкоторое время запрещало разводить табакъ, а впослѣдствіи цѣлыя селенія готовы были бунтовать противъ разведенія картофеля. Извѣстны такъ называемые *картофельные бунты*.

VI.

Съ другой стороны, сильная зависимость земледѣльческой колонизаціи и культуры отъ климата, почвы и вообще отъ природы была естественной причиной умственнаго застоя земледѣльческихъ поселеній въ соціальномъ отношеніи. Какъ отъ незнанія законовъ метеорологическихъ и отъ совершеннаго отсутствія духа изслѣдованія и естествознанія сильно развилось въ земледѣльческихъ поселеніяхъ суевѣріе,—такъ отъ незнанія законовъ естественно-историческихъ и соціальныхъ, отъ совершенной неразвитости политическаго смысля сильно развилось и укоренилось невѣжество и суевѣріе соціально-экономическое. И главной причиной этого была именно умственная подавленность земледѣльческихъ поселеній, подъ гнетомъ тяготѣющихъ надъ земледѣліемъ законовъ природы. Только всестороннее естественно-научное развитіе просвѣщаетъ умственный горизонтъ общественнаго міросозерцанія и самосознанія, даетъ людямъ свѣтъ — опознаться въ сферѣ природы и жизни, осмысливаетъ и эманципируетъ отъ гнета природы бытъ и складъ общества, раскрываетъ истинныя причины общественныхъ недостатковъ, истинныя условія и средства ихъ исправленія и, наконецъ, истинные законы общественнаго строя и развитія. Безъ этого, непонятые законы природы,

*) Послов. изд. Далемъ въ Чтен. Общ. стр. 15.

**) Пам. стар. р. лит. вып. II, стр. 427 — 435. У меня есть такая же рукописная легенда о происхожд. картофеля.

дѣйствующіе въ общественныхъ явленіяхъ, наказываютъ общество не только деморализаціей, слабостью и пассивностью силъ общественныхъ, бѣдствіями физическими и экономическими и, наконецъ, суевѣріемъ или слѣпымъ умственнымъ рабствомъ и страхомъ передъ природой, но и глубокимъ умственнымъ коснѣніемъ. Такимъ путемъ у насъ, въ древней Россіи, первоначальное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ мало по малу обратилось въ полное крѣпостное рабство.— Климатическія или метеорологическія неудачи земледѣлія и постепенное истощеніе почвы, при господствовавшемъ въ старину экстенсивномъ, хищническомъ хозяйствѣ, безвозвратно поглощавшемъ у почвы минеральныя и органическія производительныя силы, также естественно вели земледѣльческія поселенія къ застою и лишенію гражданской свободы. Въ концѣ XVI в. и въ XVII столѣтіи великорусская земля была заселена уже довольно плотно; массы народа, въ XVI вѣкѣ и даже въ началѣ XVII столѣтія, еще не уходили въ Сибирь на новыя почвы, а наполняли и обработывали старыя великорусскія земли. Вслѣдствіе этого, почва великорусской земли естественно истощилась, особенно при тогдашней, крайне-нераціональной, хищнической культурѣ. А часто случавшееся, въ тоже время, раннее и внезапное наступленіе морозовъ, на истощенныхъ почвахъ еще болѣе учащало случаи хлѣбныхъ недородовъ, на которые въ XVII вѣкѣ крестьяне постоянно жаловались. По такимъ естественнымъ причинамъ, именно вслѣдствіе обѣднѣнія почвы и частыхъ неурожаевъ, крестьяне, по собственнымъ словамъ ихъ, «обнищавшіе и оскудѣвшіе до конца и должавшіе великими долги» для собственнаго прокормленія и для уплаты долговъ и государственныхъ налоговъ, невольно подвергались въ XVII в. кабалѣ и рабству. Въ самомъ дѣлѣ, чуть истощенная почва не родила хлѣба или морозъ побивалъ посѣвы, крестьяне толпами бѣжали въ вотчинныя и помѣщичьи слободы, села и деревни, охотно обращались, въ закладчиковъ и захребетниковъ за сильныхъ людей, за богатыхъ землевладѣльцевъ и такимъ образомъ поступали въ зависимость отъ нихъ,— въ зависимость, которая послѣ окончательно, и de facto и de jure, сдѣлалась крѣпостнымъ рабствомъ. Толпы сельскихъ людей, не имѣя на столько силъ или энергіи, чтобы заставить почву прокармливать себя, шли въ боярскіе и вообще земледѣльческіе дворы, и часто изъза куска хлѣба, изъ-за одного прокормленія закабалялись въ вѣчные холопы. Либихъ прекрасно раскрываетъ этотъ естественный процессъ порабощенія и униженія земледѣльцевъ, вслѣдствіе истощенія почвы.

«Наибольшая свобода и независимость, говоритъ онъ, составляетъ удѣлъ земледѣльца, владѣющаго такимъ участкомъ земли, который онъ и его дѣти могутъ обработать собственными руками, который достаточно производителенъ, чтобы дать возможность уплачивать требуемые государствомъ налоги, и доставить ему съ семействомъ средства къ удовлетворительному существованію и нѣкоторой степени благосостоянія; увеличеніе семейства составляетъ для него благословеніе. Если, вслѣдствіе истощенія и обѣднѣнія почвы, свободный земледѣлецъ исчезаетъ, то съ нимъ вмѣстѣ угасаетъ истинная гражданская доблесть и любовь къ отечеству, потому что въ земледѣльцѣ сохраняются религіозныя убѣжденія и привязанность къ землѣ, на которой онъ родился, которую онъ обработываетъ и холитъ; болѣе другихъ онъ способенъ цѣнить дары природы, живительный лучъ солнца и плодотворный дождь; что былъ бы онъ безъ нихъ? Его небольшой участокъ, которымъ онъ живетъ; для него дорогъ; онъ цѣнитъ его не деньгами, онъ имѣетъ для этого болѣе вѣрный масштабъ. Но если въ своемъ невѣдѣніи онъ нарушаетъ законы природы и противодѣйствуетъ имъ,—онъ долженъ получить за то возмездіе; его трудъ и заботы, его прилежаніе къ обработкѣ своихъ полей только ускоряютъ ихъ истощеніе. Для него наступаетъ наконецъ тяжелое время, когда истощенная почва не даетъ ему столько, чтобы пропитать его съ семействомъ. Онъ не понимаетъ причины своего обѣдненія и приписываетъ разнымъ другимъ причинамъ уменьшенія урожаевъ, никогда не попадая на настоящую. Онъ надѣется, что придутъ лучшіе годы, и прибѣгаетъ, для покрытія настоятельнѣйшихъ нуждъ, къ займамъ; сборщикъ податей наконецъ заставляетъ его продать хлѣбъ еще на корнѣ, несжатый; послѣ нѣсколькихъ генерацій участокъ переходитъ въ руки заимодавцевъ. Изъ нѣсколькихъ небольшихъ крестьянскихъ хозяйствъ возникаетъ тогда большое хозяйство; крупный землевладѣлецъ прогоняетъ семейство земледѣльца и оставляетъ только рабочія руки», и пр. *). Такимъ естественно историческимъ путемъ и у насъ изъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ и поселеній составились большія землевладѣльческія крѣпостныя имѣнія, и къ концу XVII вѣка захватили въ свое крѣпостное владѣніе большую часть такъ называемыхъ *черныхъ волостей*—единственныхъ свободныхъ сельскихъ общинъ, еще уцѣлѣвшихъ въ XVII вѣкѣ. Вообще, земля дѣлала

*) Химія въ приложеніи къ земледѣлію, стр. 69—70.

всѣхъ земскихъ людей служебными, крѣпостными государства, и земледѣльцовъ въ особенности. Когда царь Иванъ Грозный постановилъ государственнымъ закономъ, чтобы *земля изъ службы не выходила*,— земледѣльцамъ уже невозможно было быть свободными, некрѣпкими землѣ и землевладѣльцамъ, неслужебными и повинными государству. А потомъ, безсиліе въ борьбѣ съ природой на томъ тяжкомъ, многотрудномъ вѣковомъ пути, куда шолъ топоръ, шла коса и соха, частые, внезапные и совершенные подрывы всѣхъ разсчетовъ, какія неумолимо и неотвратимо производились физическими законами климата, истощенной почвой и неурожаями, постоянная необходимость, вслѣдствіе того, посторонней помощи, поддержки и опеки въ случаѣ неурожаевъ — вотъ окончательные мотивы къ умственному застою земледѣльческаго населенія, къ крѣпостной зависимости и подчиненію. Когда истощалась почва и были частые неурожаи, — крестьяне невольно, по собственнымъ жалобамъ ихъ, «обнищали и оскудали до конца» и, вслѣдствіе того, или «задолжали великими долги» и потомъ за долги закабалялись заимодавцамъ, или «разбродились врознь», или селились въ слободы и села богатыхъ землевладѣльцевъ закладчиками и захребетниками за сильныхъ людей, и потомъ становились крѣпостными ихъ. Все, такимъ образомъ, вело или прямо къ крѣпостному рабству, или вообще къ несвободному, зависимому положенію. А за тѣмъ уже, на нихъ, обнищалыхъ и оскудѣлыхъ до конца, не имѣвшихъ никакой могуты, легко было наложить всякаго рода крѣпостное иго. И вотъ, они съ XVII вѣка погрязли въ немъ, и съ тѣхъ поръ закоснѣли въ совершеннѣйшей неразвитости и неподвижности. Никакой разумно-сознательной идеей не осмыслены были азіятски-дикія движенія крѣпостныхъ массъ въ бунтѣ Стеньки Разина, въ Пугачевщинѣ. Безсмысленны, суевѣрны и ложны также и всѣ политическія ученія раскольничьихъ общинъ. Не было никакой разумно-сознательной идеи въ политическихъ движеніяхъ и эмиграціи нашихъ разныхъ сектъ. Тогда какъ, напримѣръ, пуритане, эмигранты Англіи, поселились въ Новомъ Свѣтѣ, на берегахъ Новой Англіи, во имя *идеи*, во имя человѣческаго братства и основали цвѣтущія, свободныя колоніи (штаты Коннектикутъ, Роде-Айландъ, Массачусетъ, Вермонтъ, Нью-Гемпширъ, Майнъ), создали новую, поучительную для человѣчества общественную организацію,— наши сектанты, какъ безсмысленныя стада или овцы безъ пастыря, бѣжали, гонимые однимъ страхомъ гоненій, безъ

всякой разумной, ясно-сознательной идеи, на украйны Россіи, на Кавказъ, въ Сибирь, въ Турцію, въ Австрію, въ Польшу. И колоніи ихъ были или жалкимъ скопищемъ грубаго стараго суевѣрія и невѣжества, какъ наприм. Вятка, стародубскіе слободы, скиты поморскіе и нижегородскіе и проч., или сбродомъ хищниковъ и разбойниковъ, какъ наприм. поселенія алтайскихъ каменщиковъ, или ассоціаціями мистико-спиритуалистическаго направленія, совершенно чуждыми истиннаго понятія о духовной свободѣ человѣческой, каковы, напримѣръ, общины духоборцевъ, на Молочныхъ Водахъ, и т. п.

VII.

Наконецъ, обратимъ вниманіе изслѣдователей исторіи русскаго народа на физіолого-географическія условія земледѣльческихъ поселеній. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ своего Будена (Boudin), который бы составилъ намъ подробную медицинскую географію. Мы поневолѣ должны ограничиться только общей и поверхностной намѣткой нѣкоторыхъ гигіено-статистическихъ и медицинско-географическихъ вопросовъ земледѣльческой исторіи.

Мѣста жительства, города и села, говоритъ Кетлé, имѣютъ вліяніе на цифры плодовитости жителей. По 10-лѣтнимъ выводамъ бельгійскимъ, съ 1803—1813 г., найдено, что 100 браковъ производятъ въ городахъ 484 рожденія, а въ селахъ 450. Что касается до энергіи плодовитости по отношенію къ населенію, то въ большихъ городахъ оно превосходитъ силу плодовитости сельскихъ общинъ. По таблицѣ, напечатанной въ Bulletin des sciences geographiques за апрѣль 1831 г., главные города даютъ 1 рожденіе на 22,4 жит., и такихъ городовъ до 78. Города, представляющіе крайніе предѣлы, суть: Утрехтъ 19,0; Ливерпуль, 18,0; Опорто, 19,6... Лондонъ, 40,8; Петербургъ, 46,7. Въ Бельгіи число рожденій, относительно населенія, также въ селахъ меньше, въ городахъ—больше. Именно, въ селахъ рожденіе къ населенію относится какъ 1 къ 30,4, а въ городахъ 1 къ 29,1, въ теченіи 1825—29 г. Ясно, слѣдовательно, что въ городахъ представляется больше причинъ, дѣйствующихъ на плодородіе, чѣмъ въ деревняхъ*). У насъ, въ Россіи, и теперь еще большая часть го-

*) Sur l'homme et le developpement de ses facultés, ou essai de physique sociale, par A. Quetelet (1836) t. I. p. 86—88.

родовъ не много разнятся и даже почти ничѣмъ не разнятся отъ селъ, и потому находятся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ плодородія. Въ старину же, города или посады, по плодовитости жителей, еще менѣе разнились отъ селъ. Разница стала замѣчаться только съ развитіемъ въ Россіи большихъ, столичныхъ и губернскихъ городовъ. По нѣкоторымъ даннымъ, теперь и у насъ оказывается, что сельскія поселенія менѣе благопріятствуютъ плодородію, чѣмъ городскія, и особенно менѣе, чѣмъ лучшіе губернскіе города. Напримѣръ, въ костромской губерніи, въ уѣздныхъ, большею частію земледѣльческихъ поселеніяхъ, maximum рождаемости относится къ суммѣ населенія, какъ 54 : 1000, а minimum какъ 39 : 1000. А въ поселеніяхъ городскихъ число рожденій или сила рождаемости къ суммѣ городскаго населенія находится въ пропорціи 69 : 1000. Это отношеніе очевидно показываетъ, что плодородіе между сельскимъ населеніемъ слабѣе, чѣмъ между городскими жителями. Причина этого ясно заключается въ наибольшемъ довольствѣ городскихъ поселеній въ сравненіи съ сельскими*). Въ виленской губерніи также ежегодное приращеніе сельскаго населенія отъ прибыли новорожденныхъ составляетъ только 1,4%, а въ городахъ, гдѣ ежегодно рождается среднимъ числомъ до 2,962 душъ об. п., ежегодное приращеніе новорожденныхъ равняется 3,8%**)- За то сельскія поселенія, вообще, больше благопріятствуютъ живучести, долгожизненности населенія, чѣмъ городскія. «Между мѣстными причинами, имѣющими вліяніе на смертность, говоритъ Кетлѣ, несомнѣнно вліяніе мѣста жительства въ городахъ или селахъ. Въ Бельгіи, напримѣръ, вотъ результаты послѣднихъ лѣтъ (его времени):

	Населеніе:	Среднее число смертныхъ случаевъ:	1 смертный случай на
городовъ	998,118	27,026	36,9 жителей
деревень	3,066,091	65,265	46,9 —

Ясно, что смертность городская относится къ смертности сельской почти какъ 4 къ 3»***). По соціально-физическимъ изслѣдованіямъ вообще оказывается, что земледѣльческія поселенія гораздо меньше под-

*) Матер. для географ. и статист. Россіи. Костромской губерн. стр. 180.
**) Виленск. губер. (Мат. для геогр. и стат. Р.) стр. 342—343.
***) Sur l'homme, par A. Quetelet. t. I, p. 147—149.

лежатъ смертности, чѣмъ мануфактурныя. «Статистики, говоритъ Кетле, теперь уяснили, что шансовъ для смертности гораздо болѣе въ странахъ мануфактурныхъ, чѣмъ въ агриколярныхъ, земледѣльческихъ, и больше въ окрестностяхъ и внутри большихъ городовъ, чѣмъ среди сельскихъ общинъ. Если мы взглянемъ на Англію, то найдемъ весьма ясныя различія между провинціями мануфактурными и провинціями агриколярными. Вотъ нѣкоторые результаты, которые сообщилъ относительно этого предмета M. Villermé, за годы 1813—1830 включительно:

Въ мѣстностяхъ:	Изъ 10,000 смерт. случаевъ приходится: Въ возрастъ до 10 лѣтъ.	Отъ 10 до 40 лѣтъ.
Въ общинахъ земледѣльческихъ дистриктовъ. . . .	3505	3142
Въ общинахъ дистриктовъ частію земледѣльческихъ, частію мануфактурныхъ. . .	2828	3318
Въ общинахъ мануфактурныхъ дистриктовъ	4355	3727

Очевидно, что здѣсь всѣ преимущества на сторонѣ дистриктовъ земледѣльческихъ. Въ Нидерландахъ провинція болѣе земледѣльческая de Gueldres, и смертный случай въ ней только 1 на 53,7 индивидуумовъ; между тѣмъ какъ въ коммерческихъ провинціяхъ Голландіи смертность относится какъ 1 къ 35. Въ Бельгіи, меньше всего насчитываютъ смертныхъ случаевъ въ провинціяхъ de Luxembourg, de Namur и de Hainaut; а эти провинціи—существенно земледѣльческія, хотя двѣ послѣднія и имѣютъ города мануфактурные...Ясный знакъ, что состояніе болѣе благопріятное человѣку, есть то состояніе регулярной жизни, которое достаточно обезпечиваетъ его нужды и не ажитируетъ его страстями, или иррегулярностью городской жизни. Въ земледѣльческихъ занятіяхъ человѣкъ преимущественно находитъ состояніе довольства, обезпеченности; онъ не подвергается, какъ въ странахъ мануфактурныхъ, альтернативамъ роскоши и нужды,» и проч. *) Сообразно съ такимъ естественно-соціальнымъ принципомъ,

*) Sur l'homme, par Quetelet I, 216.

и въ Россіи земледѣльческія поселенія заключали въ себѣ менѣе условій смертности, чѣмъ городскія. Напримѣръ, въ такихъ большихъ мануфактурныхъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, смертность неизбѣжно сильнѣе, чѣмъ въ селахъ, особенно занимающихъ здоровыя и удобныя мѣстности. Въ виленской губерніи, въ городахъ среднимъ числомъ ежегодно умираетъ 3,295 обоего пола душъ, или изъ числа городскаго населенія ежегодно умираетъ 4,2%. Превышеніе умершихъ надъ родившимися равняется 0,4%. Между тѣмъ какъ въ сельскихъ поселеніяхъ ежегодное приращеніе отъ перевѣса родившихся надъ умершими составляетъ 1,4%. Ежегодное уменьшеніе городскихъ жителей, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ образа и способовъ городской жизни *). Въ костромской губерніи, maximum умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 36 изъ 1000 душъ, напр. въ костромскомъ уѣздѣ 36 на 1000, въ нерехтскомъ 35, въ буйскомъ 33 и т. д. minimum умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 22 изъ 1000 душъ, напр. въ варнавинскомъ уѣздѣ 22, въ солигаличскомъ 24. Въ городахъ же костромской губерніи изъ 1000 человѣкъ умирало въ годъ, среднимъ числомъ, 57 душъ. Смертность между городскими жителями,— замѣчаетъ г. Крживолоцкій,—сильнѣе, чѣмъ между сельскими обывателями **). Въ казанской губерніи, въ большой части сельскихъ поселеній, въ 1848 до 1858 г., смертность уменьшилась на 6%, между тѣмъ какъ въ самомъ городѣ Казани изъ 100 умирало 8, 3, 9, 5 и даже 10%.

Впрочемъ соціально-физическій законъ наименьшей смертности въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и наибольшей въ городскихъ часто видоизмѣняется или реактируется въ своемъ дѣйствіи другими естественными условіями и законами—физико-географическими. Климатъ разныхъ странъ и областей, безспорно, имѣетъ вліяніе на рождаемость и смертность, какъ земледѣльческихъ, такъ и городскихъ поселеній. M. Benoiston de Châteauneuf, въ своихъ сочиненіяхъ sur l'intensité de la fecondité en Europe, au commencement du XIX siecle, говоритъ: «Если раздѣлить Европу на два климата, изъ которыхъ одинъ, начиная отъ Португаліи и кончая Pays-Bas, распространяется такимъ образомъ отъ 40° до 50° с. ш., и характеризуетъ югъ, между тѣмъ какъ другой, идя отъ Брюсселя до Стокгольма, отъ 50° до 67° с. ш., опредѣляетъ сѣверъ, то окажется,

*) Вилинск. губ. матер. для геогр. и стат. Р. стр 343.

**) Костром. губ. матер. для географ. и стат. Россіи, стр. 183—184.

что въ первомъ 100 браковъ даютъ 457 рожденій, а во второмъ тоже число союзовъ производятъ только 430 рожденій. Различіе окажется еще больше, если сравнить между ними двѣ крайнія температуры. Въ Португаліи приходится 5,10 дѣтей на бракъ, а въ Швеціи только 3,62. Наконецъ, въ самой Франціи можно найдти новое доказательство этого наблюденія. Плодородіе, говоритъ Moheau, умножается во Франціи съ сѣвера на югъ. Здѣсь средній терминъ рожденія 5,03 на каждогодній бракъ; а въ провинціяхъ сѣверныхъ только 4,64. Старый выводъ и теперь истина для насъ. Въ южныхъ провинціяхъ (Дофинэ, Лангедокѣ, Провансѣ) среднее число рожденій, за 5 лѣтъ (1821—25), представляетъ 4,34 на бракъ; а во Фландріи и Пикардіи оно только 4,00 *). У Кетле находится еще слѣдующее наблюденіе:

1 смертный случай приходится

На сѣверѣ Европы	на 41,1 жителя.
Въ центрѣ . .	— 40,8 —
На югѣ . . .	— 33,7. —

Обращаясь къ Россіи, мы хотя и не находимъ подробныхъ статистическихъ фактовъ, но можемъ сдѣлать нѣкоторыя приблизительныя заключенія. Статистическія таблицы за 1856 годъ принимаютъ, напримѣръ:

	1 рожденіе.	1 смертный случай.
Въ Сибири . . .	на 27,62 жителя	на 40,00 жителей.
— Кавказскомъ намѣстничествѣ	— 26,74 —	— 36,90 —
Въ европейскихъ губерніяхъ и областяхъ .	— 23,04 —	— 28,05 —

Очень естественно можетъ быть, что въ кавказскомъ намѣстничествѣ, съ одной стороны, жаркій климатъ долинъ, съ другой стороны—холодъ снѣжныхъ альповъ Кавказа, и особенно болотныя міазмы, производящія тамъ гибельные изнурительные поносы болотнаго худосочія, послѣ перемежающихся лихорадокъ,—всѣ эти причины, во взаимнодѣйствіи, уменьшаютъ силу рожденій и увеличиваютъ смертность. Въ Сибири, напротивъ, слишкомъ холодный кли

*) Quetel, I, 82—84. Вилерме говоритъ: les époques du *maximum* et du *minimum* des conceptions avancent dans les pays chauds, et retardent dans les pays froids, surtout l'epoque du *minimum*.

матъ восточно-континентальный и ледовито-тундренный, въ связи съ этнологическими и народно-бытовыми условіями, уменьшая возбужденность и даже возможность излишнихъ супружескихъ сочетаній, убиваетъ или ослабляетъ энергію рождаемости; а съ другой стороны, закаляя родившихся въ привычкѣ къ суровымъ, но здоровымъ морозамъ и не обусловливая болотныхъ лихорадокъ и отравленій, болотныхъ кахексій, смертоносныхъ изнурительныхъ поносовъ и т. п. болѣзней, какіе обычны въ жаркихъ и болотныхъ мѣстностяхъ Кавказа, такимъ образомъ естественно уменьшаетъ смертность *). Въ европейской же Россіи, въ центральныхъ областяхъ, умѣренно холодный климатъ очень благопріятствуетъ раждаемости и уравновѣшиваетъ ее съ смертностью. — Еще въ 1819 году Каразинъ, составляя свое «статистическое обозрѣніе слободско-украинскихъ губерній», нашелъ, что южные, слободско-украинскія поселенія, въ 1808 и 1811 г. давали среднимъ числомъ такія отношенія къ числу жителей:

рожденій.	смертныхъ случаевъ.	браковъ.
1:23	1:28	1:109.

Въ сѣверной, вологодской области отношенія были уже менѣе выгодны: рождался 1 на 25, умиралъ 1 изъ 30, бракъ заключался въ числѣ 113 жителей. А еще сѣверо-восточнѣе, въ тобольской губерніи, въ тоже время, заключался только 1 бракъ въ числѣ 119 жителей, слѣдовательно и рожденій было менѣе**).

По отношенію къ народному здоровью и правильному физіологическому развитію, весьма важное значеніе имѣютъ мѣста народнаго поселенія, и ихъ физико-географическій и топографическій характеръ. Изъ ряда цифръ Кетле заключаетъ, что смертность менѣе въ умѣренныхъ климатахъ, чѣмъ на сѣверѣ и на югѣ, и что она болѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ. «Если, говоритъ онъ далѣе,—разсматривать каждую страну въ частности, то найдутся, по мѣстностямъ, большія различія. Такъ во Франціи департаментъ de l'Orne

*) „Остяки, говоритъ Георги, по причинѣ суроваго воздуха не могутъ *размножиться*, однакожъ число ихъ и *не уменьшается*. (Опис. нар. ч. I, 67), Женщины самоѣдовъ, пишетъ онъ же, не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать... Суровый поясъ ихъ страны конечно также причиною тому... Однакожъ онѣ и отъ обыкновенныхъ у нихъ болѣзней—горячекъ и лихорадокъ мало умираютъ, доживаютъ до 60 и до 70 лѣтъ [ч. III, 5.] по Лепехину и до 100 лѣтъ (Дневн. записки IV, 276).

**) Въ чтен. общ.

даетъ только 1 смертный случай на 52,4 жителя, а департаментъ du Finistére даетъ 1 смертный случай на 30,4 жителей, — различіе весьма значительное для мѣстъ столь близкихъ. Въ странѣ des Pays-Bas и за десятилѣтній періодъ, 1815 — 1824 г, въ провинціи Зеландіи считали 1 смертный случай на 28, 5 жителей, въ провинціи de Namur не насчитывали болѣе 1 смертнаго случая на 51, 8 жителей. Надобно замѣтить, что большая смертность почти всегда идетъ въ уровень съ большимъ плодородіемъ. Такъ, напримѣръ, въ указанныхъ мѣстностяхъ:

	жителей.		
	на 1 рожденіе	на 1 бракъ	на 1 смертный случай
Въ департаментѣ			
de l'Orne . . .	44,8	147,5	52,4.
—du Finistére . .	26,0	113,9	30,4.
Въ провинціи de			
Namur	30,1	141,0	51,8.
— de Zeland . .	21,9	113,2	28,5.

И такъ, Зеландія и департаментъ финистерскій производятъ мало браковъ, рожденій и смертныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ противное представляютъ департаментъ орнскій и провинція намюрская. Столь большія разности произошли не отъ фальшивости счетовъ, а отъ мѣстныхъ причинъ. Въ провинціи зеландской, напримѣръ, которая вся находится въ атмосферѣ влажной, сырой, господствуютъ горячки и другія болѣзни, которыя и обусловливаютъ наибольшую смертность, какъ мы замѣтили. Вслѣдствіе этого, населеніе, которое постоянно стремится удержаться въ уровнѣ существованія и численности, производитъ приращеніе, какое мы замѣтили въ рожденіяхъ и бракахъ *). Изучая вліяніе мѣстности на поверх-

*) Sur l'homme, Quetelet t. 1, 144—152. Ce que nous observons dans ces provinces, peut se remarquer encore dans d'autres pays, où l'on voit également marcher de front une gande fécondité et une grande mortalité, et reciproquement. L'Anlgeterre et la république de Guanaxuato au Mexique, en donnent des exemples frappans; ainsi, l'on compte:

	Habitans		
états	pour un mariage.	pour une naiss.	pour un décès
En Angleterre	134,00	25,00	58,00.
Dans la république de Guanaxuato	69,76	16,08	19,70.

Ce sont, pour ainsi dire, les deux extrêmes limites dans l'échelle de la population, et l'on pourrait ajouter peut-être dans l'échelle de la civilisation. On peut dire qu'un pays passe à un état plus prospére, quand il donne la vie à moins de citoyens, mais qu'il les conserve mieux. Les accroissemens sont entiérement à son avantage; car si la fécondité y est moindre, les hommes utiles y sont plus nombreux, et les générations ne se renouvellent pas aussi rapidement au grand détriment de la nation.

пости менѣе обширной и сравнивая различныя части одной и той-же провинціи, находятъ довольно часто результаты слишкомъ несходные. Такъ, суда по тому, ровныя или гористыя страны, континентальныя или приморскія, числа смертныхъ случаевъ могутъ весьма значительно разниться въ нихъ. M. Bossi въ своей statistique du département de l'Ain, на основаніи документовъ 1802, 1803 и 1804 г., пришелъ къ такому результату:

	1 ежегодный или годовой смертный случай на жителей.	1 годовой бракъ на	1 годовое рожденіе на
Въ общинахъ или поселеніяхъ горныхъ	38,3	175 жит.	34,8 жит.
— береговыхъ . .	26,6	145	28.8
На равнинахъ . .	24,6	135	27,5
Въ странѣ стоячихъ водъ или болотъ. .	20,8	107	26,1

Изъ этихъ результатовъ видно, между прочимъ, какое вліяніе имѣютъ на здоровье и жизнь поселеній мѣстности поморскія или береговыя, низменныя или горныя *) Въ Россіи также весьма замѣтно

*) Quetelet, 1, p. 157—159. M. Willermé cite un exemple très frappant de l'influence des marais: „A Vareggio, dit ce savant, dans la principauté de Lucques, les habitans en petit nombre et dans un état déplorable de misère et de barbarie, étaient chaque année, depuis un temps immemorial, attaqués, á la même époque, par des fièvres d'accès; mais, en 1741, on construisit des écluses dont les portes mobiles permettaient l'écoulement dans la mer de l'eau des marais, et s'opposaient à ce que ceux-ci fussent de nouveau submergés par la mer, lors des flux et des tempêtes. Cette construction, qui supprima les marais d'une maniere permanente, fit aussi-tôt disparaitre les fiévres. Bret, le canton de Varreggio est aujourd'hui l'un des lieux les plus salubres, le plus industrieux, les plu riches des côtes de la Toscane; et une partie des familles dont les grossiers aïeux succombaient, sans savoir s'en garantir, aux épidémies d'aria cattiva, y offrent une santè, une vigueur, longèvité et un caractére moral qui jadis étaient inconnus.“ De semblable èpidémies réguent à des époques déterminées sur les bords de l'Escaut et produisent ce que l'on nomme dans le pays les fièvres des polders; ces fièvres viennent à la suite des grandes chaleurs et contribuent beeucoup à mettre la Zelande dans un état qui se rapproche de celui de Vareggio et des pays merecageux cités par M. Bossi. M. Willermé m'afait remarquer un nouvel exemple de l'accroissement de mortalitè, produit sous l'influence des marais. Ainsi, dans l'île d'Ely en Angleterre, et pendant la période de 1813 à 1830 inclusivement, sur 1000 décès qui auraient eu lieu depuis la naisance jusqu'à l'âge le plus avancé, on en a compté 4731 avant l'âge de 10 ans

вліяніе различныхъ мѣстностей на физіологическій бытъ поселеній, на ихъ плодородіе, здоровье и смертность. Русскимъ и финскимъ поселенцамъ надобно имѣть много природнаго здоровья и выносливыя крѣпкія натуры, чтобы привыкнуть жить въ болотистыхъ и туманныхъ мѣстностяхъ сѣверо-поморскихъ областей. Въ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстахъ, особенно невыгодно расположенныхъ, поселенія, вовсе не могли существовать. Такъ, напримѣръ, Лепехинъ сообщаетъ о Спасскомъ селѣ верхотурскаго уѣзда: «суровость мѣста отчасти разогнала, отчасти истребила жителей. Топкія мѣста и болотная рѣчка, изъ которой жители почерпаютъ воду, нанесла имъ цынготную болѣзнь, которая почти въ ихъ обществѣ сдѣлалась наслѣдственною... Остатки сихъ бѣдныхъ жителей, какъ страждущіе при распутьѣ Лазари, у всякаго проѣзжающаго требовали помощи *)». Точно также первые русскіе поселенцы на берегахъ Охотскаго и Ледовитаго морей, по собственнымъ жалобамъ ихъ, постоянно «цынгали» и страдали «чирьями» *). Въ южно-русскихъ приморскихъ областяхъ, не смотря на ихъ природное изобиліе и географическое удобство для торговли, смертность, усиливаемая вліяніемъ приморскаго климата, превышаетъ даже большую сумму рожденій, обусловливаемую здѣсь избыткомъ жизненныхъ средствъ. Еще Карамзинъ въ своихъ статистическихъ соображеніяхъ, исчисливъ губерніи, начиная съ кавказской и кончая астраханской, замѣтилъ: «изъ отношенія содержанія рожденій къ содержанію смертности открывается истинное условіе умноженія народа, его здоровье. Сравнивъ изложенныя нами содержанія разныхъ краевъ многосоставнаго нашего отечества, мы увидимъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ изъ полуденныхъ губерній, самыя благополучныя въ семъ разумѣ суть тѣ, кои, принадлежа къ древнему сердцу Россіи, занимаютъ самое темя ея, означенное уже безсмертнымъ Ломоносовымъ: возвышенность, изъ которой текутъ въ разныя моря великолѣпныя ея рѣки. Особливо губерніи Калужская, Тульская и Рязанская заслуживаютъ вниманіе всѣхъ европейскихъ статистиковъ, такъ какъ Воронежская,

---

accomplis, tandis qu'on en a compté seulement 3505 dans l'ensemble des autres districts agricoles de l' Angleterre. Ce serait aussi dans l'île d'Ely, 3712 décès de 10 à 40 ans, sur 1000 qui ont eu lieu depuis l'âge de 10 ans jusqu'à la plus grande vieillesse; et seulement 3142 dans les autres districts agricoles, mais non marécageux comme l'île d'Ely.

*) Дневн. записки путеш. Лепехина ч. III, стр. 83.

Тамбовская, Пензенская, Саратовская и Оренбургская, по необычайному умноженію народонаселенія. Число рождающихся превосходитъ тамъ вдвое число умирающихъ. Самый же несчастный край въ семъ разумѣ, не смотря на все природное его изобиліе и отличное положеніе для торговли, есть наслѣдіе черноморскихъ нашихъ казаковъ. Необыкновенное содержаніе рожденій (слѣдствіе народнаго во всемъ избытка) не помогаетъ въ семъ краю. Ибо содержаніе смертности еще превышаетъ оное. Тамань есть наша Ость-Индія *)». *Въ болотистыхъ мѣстахъ жаркихъ областей, наприм. въ Закавказьи и Бессарабіи, болотной міазмой или болотнымъ отравленіемъ обусловливается сильное и гибельное господство перемежающихся и послабляющихъ лихорадокъ, хроническаго язвеннаго процесса въ кишкахъ или изнурительнаго поноса болотнаго худосочія, поражающаго обыкновенно въ началѣ зимы, послѣ лютыхъ перемежающихся лихорадокъ (ileo-colite chronique, colitis follicularis, fluxus coeliacus), болотной кахексіи (cachexia paludosa) и т. п. Вслѣдствіе такихъ мѣстныхъ причинъ, еще недавно было на Кавказѣ, что почти каждый госпиталь на все число больныхъ своихъ имѣлъ отъ 25 до 30 одержимыхъ изнурительными поносами, особливо въ началѣ зимы, и большинство этихъ поносовъ происхожденіемъ своимъ обязано было болотнымъ перемежающимся лихорадкамъ, которыя здѣсь эндимическія болѣзни. И теперь еще количество такихъ больныхъ составляетъ тамъ почти 16 на 1000 общаго числа больныхъ. Въ 1860 году въ войскахъ Закавказскаго края въ общемъ выводѣ приходилось 532,2 одержимыхъ лихорадкою на 1000 случаевъ всѣхъ заболѣваній; въ войскахъ Кубанской области—607 лихорадочныхъ на 1000 заболѣваній;—на 1000 заболѣваній вообще на Кавказѣ приходится 14,4 водянокъ и 15,3 страданій кишечнаго канала, какъ исходовъ, по большей части, лихорадокъ, между тѣмъ какъ въ остальной части арміи рус. — водянокъ 8,3 и страданій кишечнаго канала 4,6 на 1000. Къ числу мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки съ ихъ исходами, относятся: въ Закавказьи—Александрополь (5,090 р. ф. надъ пов. моря), Карсъ (5,950 р. ф.), Лорійская плоская возвышенность съ урочищами Джепалъ-Оглу и Гергеры (5,230 р. ф.), Нахичевань въ долинѣ р. Аракса (2,100 р. ф.), Тифлисъ 1,350 р. ф.) и Елисаветполь (940 р. ф.)—оба въ доли-

*) Чтен. общ. 1860. Замѣтки о Каразинѣ, стр. 206.

нѣ р. Куры; на Кавказѣ—лѣвый берегъ р. Кубани, укрѣпленія—Крымское, Абинъ и друг. *). Всѣ подобныя мѣстности, значитъ, не совсѣмъ здоровы для поселеній.

Точно также, нѣкоторыя плодоносныя равнины или рѣчныя долины, обильныя водами, но ограниченныя съ одной или съ обѣихъ сторонъ скалистыми горами, лежащія большею частію не выше 3000 ф. надъ ур. моря, спеціально благопріятствуютъ развитію зоба и кретинизма. Въ такихъ между-горныхъ рѣчныхъ долинахъ не свободно циркулирующаяся атмосфера бываетъ обыкновенно сильно нагрѣта и чрезмѣрно влажна. Она походитъ, въ этомъ отношеніи, на воздухъ мастерскихъ или ремесленныхъ домовъ. Для растительности подобная атмосфера бываетъ чрезвычайно благопріятна, но неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ особенныхъ свойствъ, она непзбѣжно производитъ *кретинизмъ*. Сначала дѣйствіе ея обнаруживается только продолжительнымъ зобомъ. Потомъ этотъ зобъ, усиливаясь и передаваясь отъ генераціи къ генераціи, и достигая извѣстной величины и расширенія, является причиной или вѣрнымъ предвѣстникомъ полнаго кретинизма. Такъ, въ ленской долинѣ, начиная отъ петровской деревни въ 86 верстахъ отъ Качуга и до 8-й или 9-й станціи отъ Киренска—Дубровы, Ерманъ, путешествовавшій тамъ въ 1829 году, повсюду въ деревняхъ встрѣчалъ сильно развитые и распространенные зобы, такъ что, по наблюденію Фодере́, они скоро должны были сопровождаться совершеннымъ кретинизмомъ, и развитіе послѣдняго только пріостанавливается или замедляется браками съ вновь-приходящими ссыльными и горными тунгусами, но не устраняется. Застой и сгущеніе атмосфернаго воздуха, чрезвычайно жгучее, палящее дѣйствіе солнца и сильная влажность, производимая Леной и со всѣхъ сторонъ вливающимися въ нее притоками, въ жаркія лѣта ленской страны усиливаютъ вліяніе стѣнъ долины на температуру и на развитіе мѣстной, эндемической болѣзни. Какъ въ долинѣ Maurié́nne Фодерѐ признаетъ роскошныя деревья спутниками кретинизма, такъ точно, по словамъ Ермана, между скалами ленской долины, отъ 55 до 57 с. ш., близко къ холоднѣйшему меридіану земли, являются характеристической флорой прекрасные и разнообразные хвойные или красные лѣса, такъ же какъ при подошвѣ Mont Cenis — лавровыя и фисташковыя деревья. Особенно замѣтны и распростране-

*) Медицинск. отчетъ о состоян. здоровья войскъ за 1860 — 1863 г. стр. 116,126 и 129. Диссертація М. Скорова. Спб. 1863 стр. 5 и 13.

ны зобы на Ленѣ между 1050 и 606 париж. фут. надъ моремъ, также какъ въ Европѣ высота отъ 1100 париж. ф. надъ ур. м. представляется самою благопріятною для кретинизма, а высота 750 париж. ф. является крайнею границею этого феномена. Также аналогичны факты, что въ ленской долинѣ деревни, какъ, наприм. Туруцкая и Рижная, по причинѣ благопріятнаго положенія близъ нагрѣтыхъ скалъ и особеннаго обилія водъ, гораздо болѣе подвержены зобамъ, чѣмъ другія близко къ нимъ лежащія деревни, и что женщины подвергаются этому эндимическому уродству легче, чѣмъ мужчины, а взрослые иностранцы—никогда. Замѣчательно, прибавляетъ Ерманъ, что не нужно было и двухъ полныхъ столѣтій, чтобы въ колоніяхъ ленской долины, совершенно здоровую русскую расу сдѣлать близкою къ кретинизму *). Точно также развитію зоба благопріятствуютъ мѣстности по притокамъ верхней Ангары, гдѣ онъ часто достигаетъ весьма большой величины. По Иркуту, по Бѣлой, по Удѣ и вообще въ Илимскомъ округѣ, подходящемъ къ ленской долинѣ, зобъ распространенъ почти повсемѣстно. По самой же Ангарѣ онъ встрѣчается очень рѣдко, а начиная съ братскаго острога и вовсе исчезаетъ **). И въ этомъ эндимическомъ оазисѣ, русскія земледѣльческія поселенія были одни изъ самыхъ раннихъ приангарскихъ колоній.

Или, вотъ, на совершенно противоположной, сѣверо-западной сторонѣ представляются другія медицинско-географическія и народно-гигіеническія условія поселеній. Въ Ковенской, напримѣръ, губерніи климатъ, подъ вліяніемъ моря, есть болѣе приморскій, чѣмъ континентальный, съ преобладающимъ числомъ дней пасмурныхъ надъ ясною погодою. Дней ясныхъ или облачныхъ тамъ, среднимъ числомъ, 128, поперемѣнныхъ—50, пасмурныхъ 112, туманныхъ отъ 6 до 13, дождливыхъ отъ 46—61, снѣжныхъ 23; слѣдовательно, ясныхъ или облачныхъ дней вполовину менѣе числа дней перемѣнныхъ, пасмурныхъ, дождливыхъ и проч. Число вѣтровъ сухихъ относится къ числу влажныхъ, какъ 0,4:0,6; средняя влажность первыхъ есть 0,80, послѣднихъ 0,87; слѣдовательно вообще, влажность въ Ковенской губерніи 0,84. Уже вслѣдствіе этого преобладанія влажности,—мѣстности Ковенской губерніи не совсѣмъ здоровы для

*) Erman, Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828—1830. B. II. Abth. I. 5 207. 218—222.

**) Труды Сибирск. экспедиц. русс. географич. Общест. 1864 г. стр. 73.

поселеній. Но кромѣ того, въ ней много болотистыхъ, низменныхъ мѣстъ, которыя, высыхая во время сухаго и жаркаго лѣта, производятъ вредныя испаренія, наприм. въ повенежскомъ уѣздѣ, при биржанскомъ озерѣ, и особенно въ шавельскомъ уѣздѣ. По причинѣ излишней влажности воздуха, частыхъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры и вреднаго вліянія испареній въ мѣстахъ болотистыхъ, низменныхъ, — упорныя и всевозможныхъ видовъ перемежающіяся лихорадки (febres intermittentes) составляютъ постоянную болѣзнь въ поселеніяхъ ковенской губерніи, и, кромѣ того, много другихъ болѣзней, обусловливаемыхъ главнымъ образомъ климатомъ. Вслѣдствіе этого въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ Ковенской губерніи было, въ десятилѣтней сложности:

	Рожденій.	Смертныхъ случаевъ
Въ Ковенскомъ уѣздѣ.	55,359 об. п	53,227
— Вилкомірскомъ . .	58,856	57,364
— Новоалександров. .	46,277	32,378
— Поневѣжскомъ. . .	46,715	38,705
— Шавельскомъ. . .	66,207	59,221
— Тельшевскомъ. . .	53,194	45,308
— Россіенскомъ . . .	64,290	53,231

По абсолютнымъ числамъ больше всего умершихъ въ шавельскомъ уѣздѣ. Причины этого чисто мѣстныя. Въ шавельскомъ уѣздѣ вредны для жителей болотистыя, низменныя, безъ проточной воды, мѣста въ грудзевскомъ и шакиновскомъ приходахъ, особенно въ грудзевской экономіи помѣщика Нарышкина и въ принадлежащихъ къ ней фольваркахъ: Вербунахъ, Медседахъ, Пауперахъ, Гавенайче, Монюше, Пиктуйше, Іодзе, Бержанахъ, Аугуце, съ принадлежащими къ нимъ деревнями. Тамъ мѣстные жители болѣютъ колтуномъ, лихорадкою, тифозною горячкою. Также болотисты и вредны для здоровья приходы: крупевскій, векшнянскій, окмянскій, отчасти радзивилишскій и шавельскій; въ двухъ послѣднихъ лежитъ болото Тируле. Недостатокъ воды и дурное ея качество испытываются въ окрестностяхъ м. Янишекъ шавельскаго уѣзда, и также въ городѣ Россіены и нѣкоторыхъ мѣстахъ этого уѣзда. Поэтому и въ россіенскомъ уѣздѣ смертность значительная. Въ вилкомірскомъ уѣздѣ болотистыя пространства также обширны, именно, они занимаютъ до 239 кв. верстъ, или 24,896 десятинъ. И здѣсь смертность, послѣ шавельскаго уѣзда,

самая большая. *) Если сравнить роды болѣзней и число умирающихъ отъ нихъ въ казанской и воронежской губерніяхъ, то, кромѣ этнологическаго вліянія, окажется, что воронежская губернія топографически здоровѣе для поселеній, чѣмъ казанская. Каждогодно, приблизительно, умираетъ въ десятилѣтней сложности:

	От перемежающихся лихорадокъ.	тифа.	чахотки, легочнаго туберкул.	холеры.	кроваваго поноса.	скорбута.	водянки.	воспаленія брюшины.	воспал. желудка и кишекъ.
Въ казанской губерніи за 1848—58.	460	631	830	107	314	110	349	2	26
— воронежской губерніи	1	384	252	100	103	13	151	29	65

Эти цифры приблизительно даютъ знать, что по топографическимъ и атмосфернымъ условіямъ казанская губернія менѣе благопріятна для здороваго развитія поселеній, чѣмъ воронежская. И дѣйствительно, сѣверная половина казанской губерніи представляетъ низменную и сырую мѣстность, за исключеніемъ мамадышскаго уѣзда и частію казанскаго, при томъ почти сплошь покрытую лѣсомъ. Въ этой мѣстности есть пункты, гдѣ цѣлые околодки имѣютъ зобъ. Большія и полноводныя рѣки—Кама, Волга и небольшія—Свіяга, Казанка, Илеть, Кокшага и многія другія, имѣющія плоскія берега, по спаденіи весеннихъ водъ, оставляютъ множество неглубокихъ стоячихъ водъ; въ нихъ разлагаются растенія и другія органическія вещества, отчего сырость и испаренія такихъ водъ вредно дѣйствуютъ на здоровье тамошнихъ жителей. Потому, въ казанской губерніи особенно свирѣпствуютъ изнурительныя перемежающіяся лихорадки. **) Въ Воронежской же губерніи мѣстныхъ, такъ называемыхъ эндимическихъ болѣзней совершенно нѣтъ, такъ какъ нѣтъ вредныхъ мѣстностей и другихъ причинъ и условій, способныхъ производить эти болѣзни; незначительныя виды лихорадочныхъ болѣзней, которые встрѣчаются въ селеніяхъ по рр. Воронежу, Битюку и отчасти Хопру, во время весенняго разлива водъ,—по своимъ незначительнымъ проявленіямъ и слѣдствіямъ, не могутъ быть отнесены къ разряду болѣзней эндиа-

*) Ковенская губерн. Матер. для геогр. и стат. Р. стр. 196—198, 210—213.
**) Казан. губ. матер. для геогр. Р. стр. 132—133.

мическихъ. Болѣзни большею частію бываютъ легкія и легко вылечиваются. *) Что же касается до того, что въ воронежской губерніи больше желудочныхъ болѣзней, чѣмъ въ казанской, то это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что тамъ больше употребляютъ плодовъ и, кромѣ того, какъ лакомство и подспоры къ пищѣ, разныя растенія, наприм. Sonchus oleraceus, Tragopogon floceosus, Chaerophillum bulbosum, Amarantus paniculatus, Xanthium strumarium, Lactuca scariola и др. Наконецъ, относительно собственно земледѣльческихъ поселеній надобно замѣтить, что тѣ мѣста или области,—гдѣ климатъ характеризуется большимъ непостоянствомъ и рѣзкими переходами отъ жара къ холоду, отъ сырости къ удушливой сухости и т. п., безъ медицинской реакціи или противодѣйствія противъ вредныхъ дѣйствій непостояннаго климата и нездоровыхъ мѣстностей,—обусловливаютъ, вопреки общаго закона, наибольшую смертность въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Такъ, въ Бессарабской области приходится:

	1 родившійся на	1 умершій на	двое вступившихъ въ бракъ изъ
Въ области вообще.	24 жител.	50 жител.	100 жител.
въ томъ числѣ:			
— городахъ. . .	28 »	57 »	112 »
— селеніяхъ. . .	20 »	43 »	88 »

Изъ этихъ цифръ видно, что относительно смертность въ селеніяхъ *превосходитъ* смертность городовъ, вопреки общему закону обратнаго явленія. Тутъ причина та, что села, — въ особенности по долинамъ рѣкъ, въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ камышомъ, какъ наприм. по теченію Днѣпра отъ Кріулянъ внизъ до Аккермана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по р. Пруту, а также по теченію Реута, *Иккеля* и прочихъ рѣчекъ, столько же подвергаясь вредному вліянію воздуха, наполненнаго испареніями болотъ, и быстро смѣняющимся крайностямъ жара и холода, сухости и влажности, какъ и нѣкоторые города, наприм. Бѣльцы, Оргѣевъ и др., — далеко не имѣютъ столько медицинскихъ средствъ, чтобы бороться съ вреднымъ дѣйствіемъ климата, сколько пользуются ими города. Послѣ мѣстныхъ естественныхъ причинъ, самая главная причина большей смертности въ селеніяхъ та, что сельскіе жители почти лишены врачебной помощи, потому что во всей Бессарабіи было 33 врача, изъ нихъ на

*) Воронеж. губ. стр. 76—77.

службѣ 29, въ томъ числѣ въ г. Кишиневѣ 12, въ прочихъ уѣздныхъ городахъ 17. Слѣдовательно 1 врачъ приходится на 30,684 души. При медицинскомъ пособіи тамъ умиралъ 1 изъ 12 заболѣвавшихъ. А пользовался медицинскою помощью только 1 изъ 72 заболѣвавшихъ. Ясно, что при такой предоставленности природѣ, сельскіе жители, при невыгодныхъ для здоровья мѣстныхъ условіяхъ, должны были сильно умирать. *) Вообще, надобно замѣтить, что въ физіологическомъ или гигіеническомъ отношеніи земледѣльческія поселенія у насъ предоставлены силамъ природы и почти вовсе не имѣютъ медицинскихъ средствъ бороться съ ними, противодѣйствовать ихъ вліянію. Въ государственныхъ сельскихъ поселеніяхъ, напримѣръ, въ 1858 году, приходился только 1 врачъ на 101,508 чел. об. п. и 1 больница на 1,010,000 чел. об. п. Вслѣдствіе этого, въ сельскихъ поселеніяхъ сильно распространено вредное колдовство, знахарство и множество суевѣрныхъ наговоровъ и заговоровъ противъ болѣзней и проч. **)

Таковы, въ общихъ чертахъ, естественныя и умственныя условія историко-географическаго распространенія и устройства самаго многочисленнаго русскаго народонаселенія — земледѣльческаго сословія, крестьянства.

Умственная подавленность передъ природой дѣлала народъ безсильнымъ и въ службѣ государству, въ отправленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, потому что онъ не умѣлъ открывать и извлекать изъ естественной экономіи русской земли и воды столько матеріальныхъ средствъ, чтобы и самому быть безбѣднымъ и обезпеченнымъ, и легко уплачивать государственные налоги. Вслѣдствіе этого онъ, по словамъ царя Михаила Ѳедоровича, былъ въ «скорби конечной», или, по словамъ одного лѣтописца конца XVII вѣка, «сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены».

---

*) Бессарабская область. матер. для географ. и стат. Россіи. стр 198—200.

**) Объ этомъ подробно будетъ сказано въ историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія, именно въ очеркѣ медицинскихъ понятій русскихъ и инородческихъ.

Въ жалобахъ на экономическое безсиліе состоятъ почти всѣ народныя челобитныя XVII в. На земскомъ соборѣ 1642 г. всѣ земскіе люди жаловались на то, что они обнищали и оскудѣли до конца и разбродились врознь». Пассивное положеніе народа въ области природы русской земли, крайнее неумѣнье пользоваться сокровищами естественной экономіи такъ рѣзко обнаруживалось во всемъ умственномъ и экономическомъ быту народномъ, что образованные европейцы указывали на него, какъ на главный и характеристическій умственный недостатокъ русскаго народа. Das Land ist, говоритъ напр. Петрей, überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bauerisch, tölpisch und unhöfflich, und fang weder zu Wasser, noch zu Lande, darzu sie selbst Ursach sein. Wollen keine Zucht und Erbarkeit lernen. *) Петръ В. первый понялъ, что главной причиной бѣдности и безсилія русскаго народа было именно незнаніе природы или естественной экономіи русской земли и неумѣнье открывать, извлекать и примѣнять къ матеріальной культурѣ и цивилизаціи разныя естественныя данныя. «Наше россійское государство,—говорилъ Петръ въ указѣ 10 дек. 1719 г. предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія искаными, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ; сему пренебреженію главнѣйшая причина была та, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оные въ пользу государственную произвести, не разумѣли». Вслѣдствіе этаго, Петръ В. первый посѣялъ на умственной почвѣ Россіи идею естествознанія. Потомъ эту идею всего болѣе распространялъ и укоренялъ въ русскомъ обществѣ Ломоносовъ. И только съ тѣхъ поръ, подъ руководствомъ такихъ образованныхъ естественниковъ—европейцевъ, какъ напр. Делиль, Гмелинъ, Палласъ, и др.,—стали мало помалу образоваться и въ русскомъ обществѣ новыя, лучшія генераціи народа, съ естественно-научнымъ развитіемъ и направленіемъ; культура и цивилизація русскаго народа, въ нѣкоторыхъ сферахъ, стала принимать характеръ европейскій, раціональный, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало развиваться въ меньшинствѣ этихъ новыхъ генерацій стремленіе къ разумно-свободному развитію въ сферѣ природы и общественной жизни. Но всѣ эти зачатки естественно-научнаго интеллектуальнаго саморазвитія и самосознанія еще крайне слабы и ограничены, проявляются только въ лучшемъ, естественно-научно мыслящемъ меньшинствѣ русскаго общества, и нисколько незамѣтны въ

массахъ народа. Изъ 528,494 учащихся, по статист. табл. 1858 г., только около 18,000 получили, въ большей или меньшей степени, естественно-научное образованіе. И изъ нихъ едва-ли 6 или 7000 болѣе или менѣе знакомы съ полнымъ курсомъ естественныхъ наукъ, да и эти лица больше поглощаются службою, чѣмъ посвящаютъ себя народной индустріальной дѣятельности. И въ самыхъ городскихъ обществахъ, наиболѣе образованныхъ и читающихъ, еще слишкомъ слабы умственныя наклонности къ естествознанію. Это выразилось даже въ самомъ содержаніи и направленіи нашей литературы. Напримѣръ, въ пятилѣтіе 1801 — 1806 г., по естественнымъ наукамъ издано было только 33 сочиненія, — между тѣмъ какъ по одной, такъ называемой изящной словесности, кромѣ романовъ, вышло 205 сочиненій. И послѣ, въ 1828 году, даже петербургское общество, въ своей исключительно русской библіотекѣ, изъ числа 10,924 всѣхъ сочиненій, по естественнымъ наукамъ имѣло только 239 сочиненій, тогда какъ по изящной литературѣ и краснорѣчію 4250 сочиненій. Эти факты, представляющіе лучшій масштабъ нашего интеллектуальнаго прогресса и умственныхъ интересовъ, служатъ въ то-же время лучшимъ мѣриломъ, насколько наши умственныя силы успѣли запастись тѣми знаніями, которыя составляютъ единственную и самую могучую силу и главный факторъ человѣческой цивилизаціи, насколько мы стремимся, путемъ естествознанія, къ свободѣ отъ старой зависимости передъ природой, насколько мы богаты и запасены естественно-научными силами и средствами къ покоренію силъ и законовъ природы потребностямъ своей матеріальной и умственной цивилизаціи, на сколько мы, по самопознанію въ сферѣ физическихъ законовъ и исторіи и по успѣхамъ покоренія природы, ушли впередъ отъ древней Индіи, Египта, Мексики и Китая, и догнали современную Англію, Францію, или сѣверную Америку — страны могучаго естество-испытательнаго разума, великихъ естественныхъ открытій, производящихъ перевороты въ движеніи цивилизаціи, страны, гдѣ началась новая эпоха или новый великій періодъ общечеловѣческой цивилизаціи — *естественнонаучный*. Меньшинство нашихъ новыхъ, послѣднихъ молодыхъ генерацій, всецѣло отдавшееся естествознанію и естествоиспытанію, вносящее въ общечеловѣческій умственный запасъ и въ общечеловѣческую сокровищницу цивилизаціи хоть частицу новыхъ естественныхъ знаній, новыхъ изслѣдованій и открытій — вотъ вся искупительная надежда и весь залогъ молодой

европейской Россіи. Только посредствомъ этого естествоиспытующаго меньшинства Россія, массами своими граничащая и тяготѣющая къ Азіи, связуется съ Европой и начинаетъ органически примыкать къ новому великому общеевропейскому, общечеловѣческому обществу естествопознавательной цивилизаціи. Только по мѣрѣ того, какъ изъ массъ народныхъ будетъ выростать и множиться естественнонаучно-мыслящее меньшинство, и, возвращаясь въ нихъ, просвѣщать ихъ, раціонализировать ихъ бытъ и культуру,—по мѣрѣ того, массы нашего народа будутъ освобождаться, посредствомъ искупительной и могуче-творческой силы естествознанія, отъ тяготѣющаго надъ ними доселѣ владычества *природы*.

А. Щаповъ.

---

8 АПР 1943

2022027356